СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 8/1

2010

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуникаций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – член-корр. РАО, д.биол.наук, профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2010 г ➤ № 8/1

Ответственный секретарь – Щербакова Л.В.
Компьютерная верстка – Кубеш И.В.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.
д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.
д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:
344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 08.04.2010.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,55.
Заказ № 58/10. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Балакина А.А. Социально-психологические функции территориально-пространственных параметров городской среды . . . 5

Альперович В.Д. К проблеме трансформаций представлений о Враге и Друге в период взрослости . . . 10

Есипова М.Е. Эмоциональный компонент в структуре конфликтной компетентности . . . 14

Кретова Е.П. Представления о «трудном» партнере у сотрудников уголовно-исполнительной системы . . . 17

Милица Е.Е. Влияние уровня выраженности социального интеллекта медработников на представления о социально-психологических трудностях общения с пациентами . . . 21

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гамиля Мухамед Насер Ахмед Особенности проблемы сексуального насилия над детьми в арабском обществе . . . 25

Помаз Г.С. Актуальные проблемы развития представлений о профессии в процессе получения психологического образования . . . 28

Руденко В.Н. Готовность к переменам у предпринимателей на различных стадиях развития бизнеса . . . 32

ПСИХОЛОГИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Горельцева В.В. Особенности визуальной репрезентации сексуальности в порнографии . . . 36

Ильин Г.С. К вопросу о социально-психологических аспектах ‘appearance’ перфекционизма . . . 39

Лакосина Н.В. Возрастная динамика показателей отношения к жизни в результате фотовизуализации жизненных событий . . . 42

Погонцева Д.В. Социально-демографический статус как фактор, влияющий на представления о красивой женщине . . . 46

ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА

Буняева М.В. Особенности чеховского эпистолярного дискурса . . . 51

Сухов Н.И. К истории психологического чеховедения на Дону . . . 55

Хулапова А.А. Искусство как психическая деятельность (по Е.А. Боброву) . . . 58

Бондарь К.В. Современная музыкальная культура и изучение ценностно-смысловых ориентаций у людей с разным уровнем приобщённости к музыке . . . 61

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ / ABSTRACT OF THE ISSUE IN ENGLISH . . . 64

НАШИ АВТОРЫ . . . 70

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Балакина А.А.

Статья посвящена анализу социально-психологических функций основных территориально-пространственных параметров городской среды. Статья содержит введение в проблему изучения межличностных отношений внутри городского сообщества, описание основных социально-психологических функций базовых параметров городского пространства, а также краткое изложение проведенного пилотажного исследования. В статье обозначены основные территориально-пространственные параметры и их влияние на социальное взаимодействие внутри городского пространства, выделены функции социально-психологического порядка. Результаты проведенного исследования позволили предположить наличие различий между жителями, дифференцированными по территориально-пространственным параметрам даже в рамках одного города.

Ключевые слова: *территориально-пространственные параметры, социально-психологические функции, граница, зонирование, центр/периферия, улица, открытое городское пространство, дизайн.*

В современных условиях урбанизации проблема отношений между людьми внутри городского сообщества выходит перед исследователями на передний план. Социальное пространство города включает в себя определенным образом организованное взаимодействие людей, в процессе которого формируется образ другого человека и складываются типы отношений и взаимоотношений между людьми. Городская среда уже на протяжении длительного периода является предметом изучения зарубежных (К. Линч, Р. Сеннет, С. Троубридж, М. Хейдметс, Г. Филинг, К. Ауэр др.) и отечественных (В.Л. Глазычев, М.С. Шимко, М.Я. Черноушек, М.Ю. Крампен, Б.Г. Ананьев, А.П. Флоренский, Н.Н. Нечаев и др.) представителей различных научных дисциплин: социологии, экономической географии, истории, философии, социальной психологии. Интерес социальной психологии к данной проблеме обусловлен не только ее тесной взаимосвязью с закономерностями человеческих отношений, общения, поведения и деятельности, но и фактом включения людей в реальные, большие социальные группы.

К настоящему времени были проведены многоаспектные исследования, связанные с городом и его элементами (М. Хейдметс, 1979; Р. Сенет, 1999; В.Л. Глазычев, 2007; Д.А. Алисов, 1999; А. Желнина, 2005; А. Бикбов, 2002; Ю. Солобозов, 2007 и др.). В связи с большим количеством функций, которые городская среда выполняет по отношению к человеку, научно-исследовательские работы, посвященные изучению влияния организационно-пространственных структур на деятельность человека, проводились в различных направлениях: 1) работы по изучению пространства как объекта контроля и временной принадлежности людям и событиям (Хейдметс М., 1979; Сенет Р., 1999; Глазычев В.Л., 1990); 2) работы по проблемам идентификации с пространством, связанном с определенными событиями, видами деятельности и т.д. (Р. Соммер, 1969; Г. Силрс, 1970; Д.А. Алисов, 1999 и др.); 3) исследования пространства как средство регулирования контактов между людьми (Р. Баркер, 1940; Грац Р., 1990; Солозобов Ю., 2005; К. Линч, 1982; Зиммель Г., 2002). Но большинство исследований было сосредоточено на малых группах, а в качестве детерминант чаще всего использовались социально-психологические характеристики городской среды, тогда как пространственно-территориальные структуры были взяты априори, что приводило к игнорированию их воздействия как самостоятельных факторов. Поэтому сегодня недостаточно представлены работы, в которых бы изучались различные параметры и виды отношения

к Другому в контексте целостного средового пространства, ежедневно окружающего человека.

Анализ многочисленных исследований (О. Нимейер, 1975; Д. Линч, 1982; М. Черноушек, 1989; В.Т. Шимко, 2006; Ш.Д. Аскаров, 1995; Сайко Э.В., 2001; Сеннет Р., 2002; Л. Лофланд, 1998; А. Желнина, 2005 и др.), направленных на изучение пространства города, позволил выбрать ряд параметров городской среды, оказывающих влияние на социальное взаимодействие, и, в конечном счете, на формирование системы отношений и взаимоотношений жителей города. К ним относятся: границы, зоны, улица, дизайн городской среды, центральная часть города/периферия, публичные открытые пространства. В вышеназванных работах авторы выделяют разнообразные функции этих территориально-пространственных параметров: от логистических до психологических и социально-психологических. Данная статья посвящена анализу социально-психологических функций основных территориально-пространственных параметров городской среды.

Границы и зонирование – одни из наиболее всесторонне изученных и значимых факторов, обеспечивающих пространственную организацию жизнедеятельности человека, которые неразрывно связаны между собой (Р. Парк, 1930; Х.М. Линд, 1937; М. Пэнсон, 1995; В.И. Иовлев, 1996; П. Смит, 1997; Ш.Д. Аскаров, 1987; А. Бикбов, 2005; С.Т. Махлина, 2002 и др.). Анализ работ показывает, что основными функциями данных параметров городской среды являются: 1) обеспечение определенного психофизиологического и эмоционального состояния человека (в зависимости от архитектурных параметров пространства), как отмечает Л.А. Солодилова [9]; 2) формирование идентичности личности и чувства приватности в результате дифференциации пространства на «свое – чужое» по мнению Л. Бляхер, В. Абдрашитова [10]; 3) функция социальной стратификации, распределяющая людей на территории города по социально-экономическому статусу (С. Барсукова) [2]; 4) обеспечение контроля над территорией и формирование ощущения безопасности на определенной территории [1]; 5) обеспечение процессов самовыражения, социализации, идентификации личности, как утверждают А. Желнина, Р. Сеннет, С. Барсукова [2, 6, 7].

Центр города является специфическим элементом пространственного зонирования, реализующим большое количество функций (Л. Бляхер, 2002; А. Карпов, 2005; В. Глазычев, 2007; Г. Сен-Жюльен, 2003): 1) эстетическую – выразительность архитектурно-художественных ансамблей центральной части городской среды, концентрация исторических памятников формируют перцептивный процесс эстетического восприятия окружающих условий, а также способствуют организации «позитивного» в социально-психологическом плане пространства для совместного пребывания людей [11]; 2) информационную; 3) рекреационную функцию – в центральной части города широкий выбор мест для проведения досуга, свободного времени самыми разными способами в любое время суток (от посещения многофункциональных центров до уединенной прогулки по парку) [10]; 4) коммерческую функцию, связанную с превращением публичного пространства в пространство потребления, в связи с чем многие социальные контакты сосредотачиваются в местах потребления, посещение которых является своего рода попыткой формирования отношения других к себе за счет демонстрации практики «потребления города», что частично является неким актом самопрезентации Другому [4]; 5) функцию самопрезентации и презентации своего социально-экономического статуса; 6) функцию построения предпочитаемой (или даже ложной) идентичности, как указывает А. Желнина, которая реализуется через возможность самопрезентации человека перед анонимной публикой и присоединение к определенной социальной группе [6]; 7) коммуникативную функцию, которая в настоящее время, по мнению некоторых исследователей, в частности Ю. Солобозова, трансформируется в результате разрушения традиционных коммуникаций, которые приобретают все более «унифицированный, всеобщий» характер [8].

Далее рассмотрим функции улицы. В ряде работ выделены следующие основные функции данного территориально-пространственного параметра городской среды: 1) логистическая функция, которую выделяет А. Желнина, обеспечивает связывание пространства города в единое целое, образуя системы пешеходных путей [6]; 2) ориентирующая функция, как указывает Ш.Д. Аскаров, дифференцирует типы пространств и является основой ориентирующих качеств города [1]; 3) информационная функция, обеспечивающая получение информации о разных Других посредством частых кратковременных интеракций с незнакомцами и ежедневных встреч с «знакомыми незнакомыми» [6, 12].

Одним из очень важных, но мало исследованных территориально-пространственный параметров является публичное открытое городское пространство (В.Т. Шимко, 1990; В. Глазычев, 2001; А. Желнина, 2005 и др.). Анна Желнина, ссылаясь на известные работы Джейн Джейкобс, Л. Лофланд, У. Уайт и Р. Сеннетт, выделяет следующие функции этих пространств, каждая из которых характеризуется глубоким социально-психологическим содержанием: 1) функция интеграции: открытые публичные пространства, доступ к которым имеют все социальные группы, способствуют интеграции отдельных жителей города в единое

сообщество и, в конечном итоге, формированию городской идентичности; 2) информационная: взаимодействие людей в рамках открытого (публичного) пространства (парке, площади и т.д.) становится объектом наблюдения и источником получения информации о других людях, социальных группах, паттернах поведения; 3) обучающая: заключается в усвоении различных (социально одобряемых и неодобряемых) форм поведения; 4) социализирующая функция: открытые публичные пространства представляют собой своеобразную площадку для социализации молодых людей; 5) развитие толерантности к разнообразным проявлениям Другого; 6) своеобразная психотерапевтическая функция – снижение рисков и депрессивных эффектов городской среды [6].

Все вышеописанные территориально-пространственные параметры связаны между собой единым городским пространством и в конечном итоге способствуют формированию комплексного общественного пространства – а именно, городского дизайна (скамейки, витрины, ограждения, памятники, фонтаны, рекламные установки и даже номера улиц).

Исследователи выделяют следующие основные функции городского дизайна: 1) эстетическая: способствует установлению связи между человеком и архитектурой, эмоциональной окраске пространства; 2) обеспечение комфорта: включает параметры, определяющие степень психической комфортности места, которая обусловливает естественного тяготения к нему людей; а кроме того, грамотные дизайнерские решения могут содействовать комфортному времяпрепровождению представителей «самых разнообразных человеческих типов» [5]; 3) обеспечение информационного пространства (рекламные установки, витрины, насыщенность символическими элементами), решающего ряд задач – информирование, инструктирование и стимулирование.

Таким образом, мы рассмотрели функции основных параметров городского пространства, центральное место в которых исследователи уделяют социально-психологическим. Основными социально-психологическими функциями базовых параметров городского пространства являются: интегрирующая, информационная, коммуникативная, обучающая, социализирующая, стратификационная, развивающая (развитие социально-психологических качеств и свойств) функции и функция удовлетворения социальных потребностей (в общении, в самовыражении, в познании другого человека, в безопасности, в контроле и т.д.).

Мы предполагаем, что данные социально-психологические функции по разному реализованы в городах разного типа, что должно найти свое отражение в различных параметрах отношений жителей этих городов к Другому человеку, как на уровне отношения к людям вообще (отношение к Обобщенному Другому), так и на уровне выстраивания своих взаимоотношений с окружающими (отношение к конкретному Другому). Так, например, в современном большом городе, а особенно в мегаполисе, значительно более выражены коммерческая функция и функция презентации, чем в малом, там наблюдается тенденция выстраивания отношений с другими людьми путем пространственной сегрегации (как территориального, так и психологического порядка). В больших городах и мегаполисах превалируют ценности автономности и индивидуализма, этот тип города представляет большую возможность избирательного взаимодействия с окружающими, чем малый город. Кроме того, в крупнейших городах в последнее время происходит, как подчеркивают исследователи современной городской среды (Л. Бляхер, 2002; А. Карпов, 2005; В. Глазычев, 2007 и др.), значительная трансформация процессов в зонах модели «центр – периферия», что отражается на характере социально-психологических функций центра. Наблюдается процесс формирования полицентричности городской среды, возникают центры второго порядка (Г. Сен-Жюльен, 2003), которые приводят к изменениям повседневной деятельности горожан, проведения свободного времени, досуга [10]. Все более распространенной становится тенденция построения многофункциональных пространств, интегрирующих в себе одновременно деловые, рекреационные, коммерческие, общественные и другие функции [9]. Это способствует тому, что все три сферы пространственно-временных ресурсов горожанина [10] сосредотачиваются в пределах одного пространственного комплекса, что приводит к снижению значимости почти всех функций центра, за исключением эстетической. В малом же городе новые модификации образа жизни, новые критерии комфортности не оказывают особого влияния на жизнеустройство центральной части города, и на первый план может выйти именно коммуникативная функция.

Целью нашего исследования является изучить различные виды и параметры отношений к Другому жителей мегаполиса, большого и малого городов. Нами подобран блок методов, диагностирующих различные параметры и виды отношений к Другому, а также разработана анкета, вопросы которой направлены на выяснение «истории взаимоотношений» человека с городом. С целью апробирования методического инструментария, доработки анкеты и уточнения гипотез исследования было проведено пилотажное исследование, в котором участвовали жители г. Ростова-на-Дону (30 человек) в возрасте от 20 до 29 лет, проживающие в разных частях

города. В рамках пилотажного исследования были использованы проективная рисуночная методика (рисунок на тему «Я и мой город»), блок методик, диагностирующих различные виды отношений к другим людям, адаптированный Ю.А. Менджерицкой и «Опросник межличностных отношений» В. Шутца. Результаты пилотажного исследования показали, что даже внутри одного города отношение к Другому жителя центральной части города отличается по своим характеристикам от жителя микрорайона. У респондентов, проживающих в центре и изобразивших себя в месте своего же проживания, выявился более низкий уровень потребности принятия другими и эмоциональной близости, при этом низкий уровень доверия и достаточно высокое стремление контроля над окружающими, что подтверждается пространственными параметрами изображением себя (либо как-нибудь вне города: например, летящим над городом и.т.д., либо где-нибудь в замкнутом или полузамкнутом пространстве). Согласно полученным данным, для респондентов, проживающих в микрорайонах, но изобразивших себя в центральной части города, характерны следующие параметры отношений: более высокий уровень потребности принятия другими, высокий уровень потребности в эмоциональной близости, а так же средний уровень контроля с тенденцией к высокому, что также сопровождается пространственным расположением своей фигуры (изображение себя в центре, большой величины или среди других людей). При этом не было ни одного респондента, проживающего в центре города, а изобразившего себя на фоне других частей города.

Респондентов, жителей микрорайонов, нарисовавших себя на фоне места своего проживания, можно условно поделить на две группы. К первой группе относятся респонденты, чьи изображения демонстрируют характерное для таких районов однообразие типовой многоэтажной застройки, без каких-либо дополнительных деталей, где изображение самого себя занимает лишь маленькую область пространства. Отношение к другим людям у них характеризуется следующими показателями: средним уровнем принятия других, доброжелательности и доверия, а так же наблюдается тенденция общаться с малым количеством людей. Вторая группа респондентов – это те жители микрорайонов, рисунки которых наполнены разнообразными деталями, цветом, красочным пейзажем. И, что важно отметить, практически на всех рисунках данных респондентов изображены обустроенные микропространства (зоны), в рамках которых они изображали себя в компании либо с другим человеком, либо с домашним питомцем; возможно, это свидетельствует о том, что респонденты наделяют места своего проживания качествами комфортности, приватности и безопасности. По параметрам отношений не было выделено преобладающих тенденций.

Интересно отметить, что большинство респондентов, независимо от места своего проживания (центр города или микрорайон) изображали себя именно на фоне достаточно популярных и узнаваемых мест центральной части города. Практически все эти рисунки характеризуются представлением на них среды, сомасштабной человеку, насыщенной разнообразной информацией (прорисовка плакатов, рекламных щитов, надписей и т.д.), а так же различных дизайнерских деталей (скамейки, фонари, архитектурные украшения и др.), с прорисовкой значимых объектов (церковь, река Дон, мост, кинотеатр, здание администрации). Что интересно, большая часть изображений городского центра обладают выраженной симметрией и четко прорисованными границами. Таким образом, анализ изображений участников исследования показал, что сами респонденты, путем выделения тех или иных фрагментов и деталей рисунка, семантически наделяют пространства города социально-психологическими характеристиками.

Проведенное пилотажное исследование позволило предположить, что наряду с различиями в параметрах и видах отношений к другому человеку между жителями городов разного уровня будут наблюдаться сходные различия между жителями, дифференцированными по территориально-пространственным параметрам в рамках одного города, вне зависимости от его величины. В качестве таких территориально-пространственных параметров могут выступать проживание в центре/на периферии, изолированно от других (частный дом, коттедж)/вместе с другими (многоквартирный дом), вблизи/вдали открытых публичных пространств и.т.д. Это и предстоит выяснить в рамках диссертационного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскаров Ш.Д. Регион. Пространство. Город. – М.: Стройиздат, 1998. – 200 с.
2. Барсукова С. Тенденции социального зонирования российских городов // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. – М.: МОНФ, 2000. – 164 с.
3. Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. – 2002. – № 3–4.
4. Герасимова К., Чуйкина С. Символические границы и «потребление» городского пространства // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. – М.: МОНФ, 2000. – 164 с.
5. Глазычев В.Л. Воспитание пространства // Знание-сила. – 2004. – Август. – С. 39–46.

6. Желнина А. Малая Садовая улица в Санкт-Петербурге: опыт становления публичного пространства // Communitas/Сообщество. – 2006. – № 1. – С. 53–71.
7. Сеннет Р. Падение публичного человека / Пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
8. Солобозов Ю. Город как деструктивный культ. – 2002. – Август. URL: old.russ.ru/politics/20020820-sol.html
9. Солодилова Л.А., Балакина А.А. Архитектурная психология при проектировании ландшафтно-планировочных узлов города // Международная научно-практическая конференция: «ГОРОД–2006», 13-16 марта: Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону: Ростовская государственная академия архитектуры и искусства, 2006. – 322 с.
10. Стрельникова А.В. Иллюзия свободы в крупном городе. Размышления по поводу сборника «Российское городское пространство: попытка осмысления» // Экономическая социология. – 2001. – Т. 2. – № 2. – С. 133–139.
11. Хейдметс М. Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях // Человек, среда, пространство: исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. – Тарту: ТГУ. – 1979. – С. 129–161.
12. Черноушек М.Я. Психология жизненной среды. – М.: Мысль, 1989. – 289 с.

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРАГЕ И ДРУГЕ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Альперович В.Д.

Нами описаны направления формально-содержательной трансформации представлений о Враге и Друге в период взрослости. Установлено, что кризис системы отношений, предкризисное состояние системы отношений и отсутствие кризиса системы отношений личности различаются степенью выраженности отношений определенных модальностей, уровнями социальной фрустрированности и аттитюдами к времени жизни. Показано, что респонденты с разными уровнями выраженности кризиса системы отношений различаются направлениями трансформации представлений о Враге и Друге в период взрослости.

Ключевые слова: *формально-содержательная трансформация, представления о Враге и Друге, кризис системы отношений.*

В отечественной социальной психологии представлений постулируются взаимосвязи динамики представлений о Другом в качестве Врага и Друга (как когнитивно-эмоциональных комплексов, включающих приписываемые Другому личностные характеристики, составляющие его образ, позиции и функции в общении, особенности отношений с партнером, интерпретации его действий) и динамики системы отношений личности (Е.В. Юркова, 2004; Е.Е. Мохова, 2004; Д.Н. Тулинова, 2005) [3, 4, 7]. В отечественной психологии идентичности и психологии отношений подчеркивается влияние динамики отношений личности на изменения образов Другого, параметров его оценивания и категоризации (Б.С. Братусь, 1980; Л.Б. Шнейдер, 2007; Е.В. Емельянова, 2008) [1, 2, 6].

Исходя из этих работ и некоторых других (в т.ч. исследования представлений об идеальном партнере по общению (Н.В. Чудова, 1993) [5]), под представлениями о Враге и Друге будем понимать порождаемое в повседневном общении и взаимодействии субъекта с Другими эмоционально-когнитивные образования, социально-психологическое содержание которого определяет образы Врага и Друга и категоризацию партнера по общению, включая приписываемые партнеру по общению в качестве Врага и Друга личностные характеристики, функцию в общении, характеристики отношений с ним, интерпретацию действий, совершаемых партнером в процессах повседневного общения и взаимодействия.

Мы будем понимать кризис системы отношений личности как форму динамики системы отношений личности, состоящую во временно непреодолимом противоречии, выраженном рассогласовании по критерию «модальность» отношения личности к себе, отношения к Другим, ожидаемого отношения Других и отношения Других.

Эмпирические показатели уровней выраженности кризиса системы отношений: показатели согласованности – рассогласованности определенных отношений личности; показатели степени социальной фрустрированности; показатели эмоционального и ценностного отношения к периодам времени жизни.

Цель исследования: изучение влияния кризиса системы отношений личности на трансформацию социально-психологических характеристик представлений о Другом как Друге и Враге.

Гипотеза исследования: формальные и содержательные параметры трансформации социально-психологических характеристик представлений о Другом как Друге и Враге обусловлены уровнем выраженности кризиса системы отношений.

Эмпирический объект исследования: респонденты общей численностью 204 человека: 109 женщин и 95 мужчин, в возрасте 32-45 лет (служащие государственных и коммерческих предприятий г. Ростова-на-Дону, служащие госсектора, предприниматели).

Методики исследования: методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, «Экспресс-диагностика уровня социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана, «Шкала аттитюдов ко времени» Ж. Ньюттена (адаптированная К. Муздыбаевым,

2000), разработанная нами на основе метода «Незаконченные предложения» методика «Социально-психологические характеристики представлений о Друге и Враге».

Первый тип (из выделенных нами) трансформации представлений о Враге и Друге (т.н. глубинная трансформация) отличается: выраженным изменением количества элементов в каждой их группе; выраженным изменением количества групп элементов; выраженным изменением позиции в структуре представления большого количества групп элементов; полным изменением функции партнера по общению; полным изменением приписываемых ему личностных свойств; полным изменением характеристик отношений с ним; фиксацией длительности отношений с партнером; фиксацией «внутренней» детерминации отношений с партнером; полным изменением интерпретации его поступков, совершаемых им в процессе взаимодействия с ним.

Второе направление (тип) трансформации представлений о Враге и Друге (т.н. выраженная трансформация) отличается: изменением количества элементов в каждой их группе; изменением количества групп элементов; изменением позиции в структуре представления среднего количества групп элементов; выраженным изменением функции партнера по общению; выраженным изменением приписываемых ему личностных свойств; выраженным изменением характеристик отношений с ним; фиксацией длительности отношений с партнером; фиксацией, в основном, «внутренней» детерминации отношений с партнером; изменением интерпретации его поступков, совершаемых им в процессе взаимодействия с ним.

Третье направление (тип) трансформации представлений о Враге и Друге (т.н. парциальная трансформация) отличается: изменением в малой степени количества элементов в каждой их группе; изменением в малой степени количества групп элементов; изменением позиции в структуре представления малого количества групп элементов; выраженным в малой степени изменением функций партнера по общению; выраженным в малой степени изменением приписываемых ему личностных свойств; изменением в малой степени характеристик отношений с ним; отсутствием фиксации длительности отношений с партнером; фиксации, в основном, «внешней» детерминации отношений с партнером; изменением в малой степени интерпретации его поступков, совершаемых во взаимодействии.

Показателями кризиса системы отношений являются следующие.

1. Высокая степень выраженности отношений модальностей «авторитарные», «эгоистические», «подчиняемые», «зависимые». Количество принятых респондентом характеристик отношений любой из этих модальностей должно быть ≥68,7 % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири, как в настоящий момент времени, так и в «уже прошедшей жизненной ситуации», оцениваемой респондентами в качестве очень значимой, переломной. Высокая степень выраженности отношений модальностей «агрессивные», «подозрительные». Количество принятых респондентом характеристик отношений любой из этих модальностей должно быть ≥62,5 % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири, как в настоящий период, так и в «уже прошедшее время».

2. Низкий индекс соответствия характеристик, приписываемых респондентом отношениям в данных модальностях и в модальностях «дружелюбные», «альтруистические». Данный индекс должен быть <33,3 % от количества принятых респондентом характеристик отношений каждой из этих модальностей, как в настоящий момент времени, так и в «уже прошедшее время».

3. Очень высокий уровень выраженности социальной фрустрированности, в соответствии с параметрами, заданными Л.И. Вассерманом, как в настоящее время, так и в «уже прошедшее время».

4. Низкие уровни эмоционального и ценностного отношений к периодам времени жизни, низкий личностный контроль периодов времени жизни (т.е. индексов, выделенных К. Муздыбаевым, 2000), как в настоящий момент времени, так и в «уже прошедшее время».

Показателями предкризисного состояния системы отношений личности являются следующие.

1. Средняя степень выраженности отношений модальностей «авторитарные», «эгоистические», «подчиняемые», «зависимые», «агрессивные», «подозрительные» в настоящий период жизни. Количество принятых респондентом характеристик отношений любой из этих модальностей должно быть ≥50 %<68,7 % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири. Высокая степень выраженности этих отношений в «уже прошедший жизненный период». Количество принятых респондентом характеристик отношений любой из этих модальностей должно быть ≥68,7 % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири.

2. Средний индекс соответствия характеристик, приписываемых респондентом отношению к себе, ожидаемому отношению Других, характеристикам отношения к Другим и отношения Других в данных модальностях и в модальностях «дружелюбные», «альтруистические». Данный индекс должен быть >33,3 % ≤ 50 % от количества принятых респондентом характеристик отношений каждой модальности

в настоящий период жизни. Низкий индекс соответствия характеристик, приписываемых респондентом отношению к себе, ожидаемому отношению Других, характеристикам отношения к Другим и отношения Других в данных модальностях и в модальностях «дружелюбные», «альтруистические», в «уже прошедший жизненный период». Данный индекс должен быть <33,3 % от количества принятых респондентом характеристик отношений каждой модальности.

3. Повышенный и умеренный уровни выраженности социальной фрустрированности в настоящий период жизни и очень высокий уровень выраженности социальной фрустрированности в «уже прошедший жизненный период».

4. Средние уровни эмоционального и ценностного отношений к периодам времени жизни, средний личностный контроль периодов времени жизни в настоящий момент времени и низкие уровни эмоционального и ценностного отношений к периодам времени жизни, низкий личностный контроль периодов времени жизни в «уже прошедший жизненный период».

Показателями отсутствия кризиса системы отношений личности являются следующие.

1. В настоящий период жизни: низкая степень выраженности отношений модальностей «авторитарные», «эгоистические», «подчиняемые», «зависимые», «агрессивные», «подозрительные». Количество принятых респондентом характеристик отношений любой из этих модальностей должно быть ≥33 %<50 % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири. Высокая степень выраженности отношений модальностей «дружелюбные», «альтруистические». Количество принятых респондентом характеристик отношений любой из этих модальностей должно быть ≥68,7 % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири. В прошедший период жизни: средняя степень выраженности отношений модальностей «авторитарные», «эгоистические», «подчиняемые», «зависимые», «агрессивные», «подозрительные». Количество принятых респондентом характеристик отношений любой из этих модальностей должно быть ≥50 %<68,7 % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири.

2. Высокий индекс соответствия характеристик, приписываемых респондентом отношению к себе, ожидаемому отношению Других, характеристикам отношения к Другим и отношения Других в модальностях «дружелюбные», «альтруистические». Данный индекс должен быть ≥62,5 % от количества принятых респондентом характеристик отношений каждой модальности в настоящий период жизни. Средний индекс соответствия характеристик, приписываемых респондентом отношению к себе, ожидаемому отношению Других, характеристикам отношения к Другим и отношения Других в данных модальностях и в модальностях «дружелюбные», «альтруистические». Этот индекс должен быть >33,3 % ≤ 50 % от количества принятых респондентом характеристик отношений каждой модальности, в «уже прошедший жизненный период».

3. Неопределенный, пониженный и низкий уровни выраженности социальной фрустрированности в настоящий момент времени и повышенный, умеренный уровни выраженности социальной фрустрированности в «уже прошедший жизненный период».

4. Высокие уровни эмоционального и ценностного отношений к периодам времени жизни, высокий личностный контроль периодов времени жизни в настоящий период жизни; средние уровни эмоционального и ценностного отношений к периодам времени жизни, средний личностный контроль периодов времени жизни в прошедший период жизни.

Данные обрабатывались посредством формального сравнительного анализа объемов согласованных и несогласованных характеристик отношений, выраженности социальной фрустрированности и аттитюдов ко времени; структурного и категориального анализа представлений, с использованием частотного анализа, кластерного анализа.

У респондентов первой группы (29 мужчин, 22 женщины) степень выраженности отношений, индексы соответствия характеристик в этих модальностях, уровни выраженности социальной фрустрированности, уровни эмоционального и ценностного отношений ко времени, личностного контроля времени, соответствуют выделенным нами эмпирическим показателям кризиса системы отношений.

У респондентов второй группы (31 мужчина, 23 женщины) степень выраженности отношений, индексы соответствия характеристик в этих модальностях, уровни выраженности социальной фрустрированности, уровни эмоционального и ценностного отношений ко времени, личностного контроля времени, соответствуют выделенным нами эмпирическим показателям предкризисного состояния системы отношений.

У респондентов третьей группы (35 мужчин, 64 женщины) степень выраженности отношений, индексы соответствия характеристик в этих модальностях, уровни выраженности социальной фрустрированности, уровни эмоционального и ценностного отношений ко времени, личностного контроля времени, соответствуют выделенным нами эмпирическим показателям отсутствия кризиса системы отношений.

Респонденты с кризисной системой отношений демонстрируют структурную трансформацию представлений о Друге и Враге, к настоящему периоду времени обнаруживающую выраженное увеличение

количества элементов в каждой их группе; выраженное изменение общего количества групп элементов, исчезновение и появление групп элементов, смещение периферических групп элементов к «ядру» представления, а прежде «ядерных» групп элементов – на периферию представлений.

Содержательная трансформация их представлений о Друге и Враге включает: выраженное изменение функции Друга, превращающегося, в основном, в «преданного», «надежного» человека и выраженное изменение функций Врага, превращающегося, в основном, в «предателя»; выраженное изменение приписываемых Другу и Врагу личностных свойств; выраженное изменение отношения партнера-Друга и партнера-Врага к субъекту.

Особенности формально-содержательной трансформации представлений о Враге и Друге респондентов с кризисной системой отношений соответствуют выделенным нами эмпирическим показателям т. н. «глубинной» трансформации.

Респонденты с предкризисной системой отношений демонстрируют структурную трансформацию представлений о Друге и Враге, к настоящему периоду времени обнаруживающую достаточное увеличение количества элементов в каждой их группе; изменение общего количества групп элементов, исчезновение и появление групп элементов, смещение периферических групп элементов к «ядру» представления, а прежде «ядерных» групп элементов – на периферию представлений; добавление групп элементов.

Содержательная трансформация их представлений о Друге и Враге включает: выраженное изменение и расширение функции Друга, превращающегося, в основном, в «преданного», «надежного», «помогающего» человека и выраженное изменение и расширение функций Врага, превращающегося, в основном, в «предателя»; изменение приписываемых Другу и Врагу личностных свойств; изменение отношения партнера-Друга и партнера-Врага к субъекту.

Особенности формально-содержательной трансформации представлений о Враге и Друге респондентов с предкризисной системой отношений соответствуют выделенным нами эмпирическим показателям т.н. «выраженной» трансформации.

Респонденты с бескризисной системой отношений демонстрируют структурную трансформацию представлений о Друге и Враге, к настоящему периоду времени обнаруживающую небольшое увеличение количества элементов в каждой их группе; сохранение общего количества групп элементов, незначительное исчезновение и появление групп элементов, смещение периферических групп элементов к «ядру» представления, а прежде «ядерных» групп элементов – на периферию представлений.

Содержательная трансформация их представлений о Друге и Враге включает: расширение функции Друга, превращающегося, в основном, в «преданного», «помогающего» человека и расширение функций Врага, остающегося агрессором и становящегося также «противником»; небольшое изменение приписываемых Другу и Врагу личностных свойств; небольшое изменение отношения партнера-Друга и партнера-Врага к субъекту. Особенности формально-содержательной трансформации представлений о Враге и Друге респондентов с бескризисной системой отношений соответствуют выделенным нами эмпирическим показателям т.н. «парциальной» трансформации.

Полученные данные подтверждают выдвинутую нами гипотезу: формальные и содержательные параметры трансформации социально-психологических характеристик представлений о Другом как Друге и Враге обусловлены уровнем выраженности кризиса системы отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1980. – № 2. – С. 3–12.
2. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. – СПб.: Речь, 2008. – 368 с.
3. Мохова Е.Е. Возрастная динамика представлений о друге и дружбе в младшем возрасте: Автореф. дисс. …канд. психол. наук. – М., 2004.
4. Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: Автореф. дисс. …канд. психол. наук. – Ростов н/Д., 2005.
5. Чудова Н.В. Влияние личностных характеристик субъекта на его представления об идеальном партнере по общению // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 3. – С. 28–37.
6. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 128 с.
7. Юркова Е.В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях: Автореф. дисс. … канд. психол. наук. – СПб., 2004.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Есипова М.Е.

В статье рассматриваются определения и структура конфликтной компетентности; обосновывается важность эмоционального компонента в структуре конфликтной компетентности; рассматриваются определения и структура эмоционального интеллекта; представлены результаты пилотажного исследования взаимосвязи компонентов конфликтной компетентности с эмоциональным интеллектом.

Ключевые слова: *конфликт, конфликтная компетентность, эмоциональный интеллект (EQ).*

В настоящее время интерес многих исследователей вызывает конфликтная компетентность. Актуальность изучения данного вопроса обусловлена повышением напряженности и конфликтности в социальной и профессиональной сферах жизнедеятельности человека, а также изменениями профессиональных требований к личности специалиста.

На сегодняшний день конфликтная компетентность изучается в таких отраслях научного знания как психология (Деркач А.А., Петровская Л.Н., Привалихина Т.И., Хасан Б.И. и др.), педагогика (Бережная Г.С., Кузина А.А., Немкова А.Б., Самсонова Н.В., Щербакова О.И. и др.) и социология (Комалова Л.Р., Сергеев С.С., Цой Л.Н., и др.). В своем исследовании мы будем придерживаться взглядов Петровской Л.Н и Хасана Б.И. на конфликтную компетентность.

Петровская Л.А. [6] определяет данное понятие как сложное интегральное образование личности, включающее в себя компетентность человека в собственном «Я» («Я-компетентность»), субъектную позицию, рефлексивную культуру, владение широким спектром стратегий поведения в конфликте, а также культуру саморегуляции, прежде всего эмоциональной. В конфликтной компетентности Петровская Л.А. выделяет различные уровни: уровень ценностей личности, уровень ее мотивов, установок и уровень умений.

Хасан Б.И. [9] отмечает, что конфликтная компетентность является неотъемлемой составной частью общей коммуникативной компетентности и представляет собой синтез теоретических знаний о конфликте как социально-психологическом феномене, осведомленности о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте, умений реализовать эти стратегии в конкретных жизненных (профессиональных) ситуациях. В общем виде конфликтная компетентность представляется как *умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению.*

В конфликтной компетентности, как показывает анализ работ, в которых разрабатывается это понятие (Петровская Л.А., 1996, 1997; Хасан Б.И., 1996, 2003; Дорохова А.В., 1998, 1999; Привалихина Т.И., 1999, 2004; Скутина Т.В., 2008) можно выделить: отношение-установку к конфликту в целом; комплекс внутренних ресурсов, направленных на распознавание и работу с противоречием, лежащим в основе конфликта, и ресурсов, связанных с организацией взаимодействия по разрешению этого противоречия.

В настоящее время в психологической литературе отсутствует общепринятый подход к рассмотрению структурных составляющих конфликтной компетентности. Теоретический анализ взглядов различных исследователей (Сгонникова Е.М., 2008; Немкова А.Б., 2008; Кузина А.А., 2007; Маркарова К.А., 2009; Скворцова Ю.В., Башкин М.В., 2009; Деркач А.А., Зазыкин В.Г., 2003; Денисов О.И., 2001; и др.) позволил на основе совпадений выделить четыре основные составляющие в структуре конфликтной компетентности, каждая из которых включает в себя ряд компонентов. Мотивационно-ценностная составляющая содержит мотивационно-потребностный, ценностный компоненты и компонент личностных характеристик. Когнитивная составляющая включает знаниевый, проектировочный компоненты. Регулятивная составляющая состоит из эмоционального, волевого, рефлексивного компонентов. Поведенческая составляющая содержит операционный и интегративный компоненты.

Большинство исследователей подчеркивают важность эмоционального компонента в структуре конфликтной компетентности. Выделение эмоционального компонента в структуре конфликтной компетентности обусловлено включенностью эмоций в сам конфликт.

Так, некоторые теоретики отмечают, что конфликты определяются состоянием эмоциональных отношений между людьми (Морено Я.), возникают вследствие потребности выхода агрессивных импульсов (Козер Л.), агрессивности человека в ответ на фрустрирующие факторы (Доллард Д., Берковитц Л., Миллер Н.), связаны с аффективными проявлениями человека (Левин К.). А на сегодняшний день само содержание понятия конфликта многими авторами раскрывается через эмоциональный компонент. Так, Анцупов А.Я. и Шипилов А.И. [3] определяют социальный конфликт как способ развития противоречий, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и сопровождающийся их негативными эмоциями по отношению друг к другу.

Ряд исследователей обращает внимание на влияние эмоций на восприятие ситуации как конфликтной (Петровская Л.А., 1977; Лебедева М.М., 1997; Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 2007) и отмечают рост эмоционального напряжения на этапе эскалации конфликта (Петровская Л.А., 1977; Гришина Н.В., 2008; Хасан Б.И., 2003). Среди условий и факторов разрешения конфликтов выделяются следующие: осознание эмоций (Кашапов М.М., 2003), контроль и управление эмоциями (Емельянов С.М., 2009; Каримова Н.А., 2008), уменьшение и подавление отрицательных эмоций (Анцупов А.Я., Шипилов А.И., 2007; Кашапов М.М., 2003; Курбатов В.И., 2005), самоконтроль эмоций (Емельянов С.М., 2009).

Теоретический анализ взглядов различных исследователей конфликтной компетентности (Петровская Л.А., 1997; Немкова А.Б., 2008; Сгонникова Е.М., 2008; Скворцова Ю.В., Башкин М.В., 2009; Худаева М.Ю., 2007) позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев эмоциональный компонент конфликтной компетентности проявляется в культуре саморегуляции, в способности к самоконтролю и управлению своим эмоционально-волевым состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, способности управлять собственными эмоциями, способности и готовности к эмпатии, способности личности к сознательной мобилизации сил, инициативности, адаптационной мобильности и способности преодолевать многочисленные социально-психологические барьеры, возникающие в конфликтных ситуациях.

Таким образом, эмоциональный компонент – важная составляющая конфликта и конфликтной компетентности. Данный аспект значим для конфликтных ситуаций, личностных причин возникновения конфликтов, в технологиях разрешения и регулирования конфликтов. Эмоциональный компонент играет важную роль в структуре конфликтной компетентности, данному компоненту уделяется значительное внимание при ее формировании.

В психологии способность понимать свои эмоции и эмоции других людей, а также управлять ими получила название эмоционального интеллекта (Люсин Д.В. [3]; Манойлова М.А. [4]). Проанализировав различные подходы к пониманию эмоций (особый тип знания) и интеллекта (совокупность взаимосвязанных друг с другом умственных способностей) Андреева И.Н. [1] приводит следующие определения понятия эмоционального интеллекта: способность действовать с внутренней средой своих чувств и желаний; способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза; способность эффективно контролировать эмоции и использовать их для улучшения мышления; совокупность эмоциональных, личных и социальных способностей, которые оказывают влияние на общую способность эффективно справляться с требованиями и давлением окружающей среды; эмоционально-интеллектуальная деятельность. Люсин Д.В. [3] в структуре эмоционального интеллекта выделяет следующие компоненты: межличностный эмоциональный интеллект – понимание эмоций других людей и управление ими; внутриличностный эмоциональный интеллект – понимание собственных эмоций и управление ими.

Исходя из такого понимания эмоционального интеллекта, можно предположить его конструктивное влияние в предконфликтных и конфликтных ситуациях. Однако взаимосвязь компонентов эмоционального интеллекта и конфликтной компетентности остается не изученной. Это и определило цель нашего пилотажного исследования, в котором приняли участие 45 человек: 25 мужчин и 20 женщин в возрасте от 20 до 45 лет. Основной задачей исследования явилось изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта с компонентами конфликтной компетентности, представленными различными особенностями речевых высказываний во фрустрирующих ситуациях.

Эмоциональный интеллект оценивался по трем критериям: внутриличностный эмоциональный интеллект, межличностный эмоциональный интеллект и общий уровень эмоционального интеллекта (Манойлова М.А.). Речевые высказывания на фрустрирующие ситуации оценивались по следующим критериям: 1) тип реакции (препятственно-доминантный, самозащитный, разрешающий); 2) направление реакции (внешне-обвинительная, самообвинительная, безобвинительная) (Розенцвейг С.); 3) субъективная оценка конфликтности ситуаций; 4) уровень эгоцентрической направленности. В общей сложности было проанализировано 435 высказываний.

Корреляционный анализ рассматриваемых критериев показал следующие результаты.

Эмоциональный интеллект значимо коррелирует с разрешающим типом реакции на фрустрирующую ситуацию (p=0,126**). В частности, межличностный эмоциональный интеллект положительно взаи-

мосвязан с безобвинительной реакцией (p=0,212*), а также с разрешающим типом реакции (p=0,187**). Это свидетельствует о том, что понимание эмоций других людей и управление ими, способность управлять отношениями с людьми ориентирует человека во фрустрирующей ситуации на ее разрешение. Такие результаты не противоречат данным исследований и теоретических разработок других авторов и подтверждают значимость эмоционального интеллекта в структуре конфликтной компетентности.

Эмоциональный интеллект отрицательно коррелирует с реакцией самообвинения (p=-0,134**). Это свидетельствует о том, что людям с высоким уровнем эмоционального интеллекта не свойственно видеть в себе причины конфликтом, им также не свойственны реакции самооправдания, угрызения совести, чувство собственной вины.

Показатели уровня эмоционального интеллекта значимо коррелируют с субъективной оценкой конфликтности ситуации (p=0,283**). Субъективная оценка конфликтной ситуации выступает показателем восприятия конфликтной ситуации. Данная характеристика также отрицательно коррелирует с разрешающим типом реакции на фрустрирующую ситуацию (p=-0,144**). Петровская Л.А. [7] отмечает, что восприятие и оценка реальности как конфликтной порождает конфликтное поведение, а также всегда сопровождается эмоциональным окрашиванием. Однако субъективная оценка конфликтности ситуации опосредованно коррелирует с разрешающим типом реакции через эмоциональный интеллект. Таким образом, можно предположить, что люди, оценивающие ситуацию как конфликтную, через эмоциональный интеллект могут выходить на разрешающий тип реакции.

Уровень эгоцентрической направленности, представляющий собой центрацию на собственной персоне, точке зрения, мыслях, целях, переживаниях (Пашукова Т.И. [5]), положительно взаимосвязан с такими реакциями как самозащита (p=0,260**) и самообвинение (p=0,400**), которые в свою очередь отрицательно коррелируют с разрешающим типом реакции на трудную ситуацию. Такие данные полностью совпадают с представлениями Хасана Б.И. [9] и Скутиной Т.В. [8] о конфликтной компетентности, в которой низкий уровень центрации, ориентация на оппонента и учет его позиции в конфликтной ситуации являются ее важнейшей составляющей.

Рассмотрим особенности речевых высказываний в группах с различным уровнем эмоционального интеллекта.

Сравнительный анализ групп респондентов с высоким и низким уровнем эмоционального интеллекта по Т-критерию позволил обнаружить значимые различия по следующим показателям: реакции разрешения (t=-1,91, p=0,05) и самообвинения (t=2,39, p=0,02), а также субъективной оценки конфликтной ситуации (t=-2,18, p=0,03). Сравнивая средние показатели изучаемых переменных в двух группах, следует отметить, что в группе с высоким уровнем эмоционального интеллекта, в сравнении с группой с низким уровнем этого показателя, в полтора раза выше показатели субъективной оценки конфликтности ситуации, в два раза реже встречаются реакции самообвинения и в два раза чаще – реакции разрешающего типа. Это свидетельствует о том, что люди с высоким эмоциональным интеллектом чаще используют разрешающие стратегии поведения в трудных ситуациях, реже прибегают к реакциям самообвинения.

Таким образом, можно сделать вывод о связи эмоционального интеллекта со структурными компонентами конфликтной компетентности. Полученные результаты также позволяют сделать предположение о возможности выделения различных сочетаний уровней выраженности структурных компонентов конфликтной компетентности, которые могут стать основой для выявления типов конфликтной компетентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2007. – 496 с.
3. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 176 с.
4. Манойлова М.А. Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта учителей и учащихся. – Псков: ПГПИ, 2004. – 140 с.
5. Пашукова Т.И. Эгоцентризм: феноменология, закономерности формирования и коррекции. – Кировоград: Центрально-Украинское издательство, 2001. – 338 с.
6. Петровская Л.А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. – 1997. – № 4. – С. 41–45.
7. Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического конфликта // Социальная психология: Хрестоматия / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 475 с.
8. Скутина Т.В. Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2008. – 24 с.
9. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. – СПб.: Питер, 2003. – 250 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ТРУДНОМ» ПАРТНЕРЕ У СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Кретова Е.П.

В статье проведен теоретический анализ понятия «затрудненное общение», также рассматриваются особенности взаимоотношений у сотрудников уголовно-исполнительной системы, представлений о трудном партнере, уровень эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: *сотрудник уголовно-исполнительной системы, затрудненное общение, взаимоотношение, эмоциональный интеллект.*

Существует множество профессий, в работе которых необходимо развитие эмоционального интеллекта. К числу таких профессий можно отнести и службу в уголовно-исполнительной системе. Специалисты, работающие в уголовно-исполнительной системе, должны иметь определенный уровень адекватности и успешности социального взаимодействия.

Как отмечает Беляева Л.И., исследований, посвященных проблемам заключенных, гораздо больше, чем исследований, посвященных категории, ответственной за этих заключенных, особенно это касается социального интеллекта. Деятельность работников уголовно-исполнительной системы протекает в напряженных, конфликтных ситуациях, опасных для жизни обстоятельствах.

Одной из важнейших форм взаимодействия людей является общение. Общение – это комплексная деятельность по обмену информацией между людьми. Результатом общения является не преобразованный предмет, как в труде, а взаимодействие и отношение с другими людьми.

Одним из направлений, сложившимся в результате усилий психологов, психотерапевтов, этнографов, социологов, философов, культурологов, в котором представлены различные аспекты изучения личности как субъекта «неэффективной», разрушающей, деструктивной деятельности и общения, является психология затрудненного общения [2].

В настоящее время в отечественной психологии достаточно активно обсуждается проблема затрудненного общения. Традиционно она рассматривается в связи с вопросами оптимального общения. Затрудненное общение определяется, как правило, на основе соотнесения наличного общения с его оптимальной моделью. Представление об оптимальной модели общения (незатрудненном общении) отражают позицию их авторов относительно того, что такое общение, какова его структура, функции, цели и связанные с ними процессы, свойства и состояния личности. Большинство моделей оптимального общения напоминают перечень требований к качествам личности субъекта общения, к его умениям и навыкам. Несоответствие общения партнеров заданным параметрам «оптимального общения» рассматривается как показатель затрудненного общения. Особенно распространен такой способ «объективизации» трудностей общения в прикладных областях психологии. Например, в психологии педагогического общения или управленческого взаимодействия. Именно, в этих областях прикладной психологии чаще всего обсуждаются вопросы об эффективном учителе, руководителе, управленце как субъекте общения, выстраиваются перечни свойств, качеств, навыков, умений, необходимых для оптимального общения.

Интерес ученых (социологов, психологов, философов и др.) к феномену общения настолько велик, что рассмотрение проблем общения осложняется различием трактовок как самого понятия «общение», так и нахождением его места в иерархии других социально-психологических феноменов, таких как взаимодействие, восприятие, взаимоотношения и др.

Из всего обилия трактовок общения [1] можно выделить главные:

1) общение – вид самостоятельной человеческой деятельности;
2) общение может входить в иную деятельность в статусе ее структурных элементов;
3) общение – одна из форм взаимодействия.

Проблема затрудненного общения интенсивно разрабатывается в социальной психологии на про-

тяжении последних 20 лет. Пристальное внимание ученых и практиков к этой сфере объясняется сложностью феномена затрудненного общения, многогранностью его форм и сфер проявления. Наиболее актуальными являются исследования педагогического общения. Нарушения, барьеры, возникающие в процессе педагогического общения, оказывают влияние на характер отношений между учителем и учеником, на особенности развития личности как школьника [3].

Исследовательские вехи расставлены в работах Е.В. Цукановой, В.Н. Куницыной, А.А. Бодалева, Г.А. Ковалева, В.А. Лабунской, Т.А. Аржакаевой. Каждый из названных авторов опирается на идеи Б.Д. Парыгина о наличии психологического барьера, который понимается как устойчивая установка, психологический настрой личности, процессы, свойства, состояния человека, «которые консервируют скрытый эмоционально-интеллектуальный потенциал его активности». Такая трактовка психологического барьера указывает на внутренний источник трудностей общения – устойчивые личностные образования, которые при определенных обстоятельствах могут приводить к сбоям в общении.

Поварницына Л.А. выделяет шесть групп трудностей общения:

1 группа – трудности, связанные с неумением вести себя, незнанием что и как сказать;

2 группа – трудности, связанные с непониманием и неприятием партнера общения;

3 группа – трудности, вызванные непониманием партнера общения, т.е. недостаточной сформированностью собственной перцептивной стороны общения;

4 группа – трудности, связанные с переживанием неудовольствия, даже раздражения по отношению к партнеру;

5 группа – трудности, вызванные общей неудовлетворенностью человека общением.

Таким образом, анализируя причины, вызывающие затруднения в общении, можно сделать вывод, что частыми причинами затруднений общения могут, по мнению исследователей, выступать индивидуально-психологические особенности общения, включающие интеллектуальные, волевые, личностные проявления человека.

Ушаков Д.В. утверждает, что внутри профессии люди уже оказываются в определенной степени подобранными по интеллекту, исключением не являются сотрудники пенитенциарной системы. Если бы внутри одной какой-либо сложной профессии мы наблюдали представителей всего спектра интеллектуальных возможностей, то перед нами предстала еще более впечатляющая картина. Однако этого не происходит, и люди с недостаточным когнитивным развитием не выбирают сложных профессий или отсеиваются на подступах к ним [6].

Питер Саловей и Джон Майер предложили понятие эмоционального интеллекта, который они определили как форму социального интеллекта, включающую способность отслеживать (to monitor) свои и чужие эмоции, различать их между собой и использовать эту информацию для управления своими мыслями и действиями [4].

Модель эмоционального интеллекта, предложенная Д.В. Люсиным, включает три элемента:

- когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации);
- представления об эмоциях (как о ценностях, как о важном источнике информации о себе самом и о других людях и т.п.);
- особенности эмоциональности (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность и т.п.) [5].

Особенности взаимоотношений сотрудников уголовно – исполнительной системы обусловлены рядом факторов. При этом имеются факторы, характерные как для гражданских людей, а так и для, а также специфические для профессиональной группы факторы, связанные с жесткой регламентацией отношений, вынужденными разлуками с родными, частыми дежурствами, работой со спецконтингентом, необходимостью адаптации к новому коллективу, отношениями доминирования – подчинения, работа связанная с риском для жизни.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что отношения у сотрудников уголовно-исполнительной системы отличаются рядом социально-психологических особенностей: особенностями взаимоотношений, представлениями о другом как субъекте затрудненного общения, особенностями доброжелательного отношения и уровнем доверия к людям, уровнем эмоционального интеллекта и принятия других.

Предмет исследования – социально-психологические особенности отношений сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Объектом исследования являются сотрудники уголовно-исполнительной системы. В исследовании принимало участие 39 человек в возрасте от 21 до 55 лет.

Для решения поставленных задач были использованы методы опроса, тестирования и математической статистики. В качестве методик исследования выступили: для изучения представлений о субъекте затрудненного общения у сотрудников уголовно-исполнительной системы нами был выбран опросник «Социально-психологические характеристики субъекта общения» разработанный В.А. Лабунской. Также нами использовались методика диагностики

Таблица 1

Фактор	Характеристики общения	Рук-ль	Дети (жена/муж)	Роди-тели	Приятель	Коллега
Социально-перцептивный	Неумение соотносить действия и поступки людей с их качествами	+				
	Неумение поставить себя на место другого человека	+				
	Привычка судить о человеке по его внешности	+				
Отношение-обращение	Безразличное отношение к другому человеку	+	+	+	+	+
	Подозрительное отношение к другим людям	+				
	Неприязненное (враждебное) отношение к другим людям	+	+	+	+	+
	Властное отношение к другим людям	+	+	+	+	+
	Высокомерное отношение к другим людям	+	+	+	+	+
Навыки взаимодействия	Желание больше говорить, чем слушать	+				
	Привычка перебивать разговор	+	+	+		+
	Неумение аргументировать свои замечания, предложения	+			+	+

Таблица 2

Фактор	Характеристики общения	Военные	Гражданские
Экспрессивно – речевой	Застывшая поза, неподвижное лицо		+
Отношение – обращение	Безразличное отношение к другому человеку (ко мне).		+
	Неприязненное отношение к другим людям (ко мне).	+	+
	Властное отношение к другим людям (ко мне).	+	
	Высокомерное отношение к другим людям (ко мне).	+	+
Навыки взаимодействия	Привычка перебивать разговор.	+	+
	Неумение аргументировать свои замечания.		+
	Желание навязать свою точку зрения.	+	+

Таблица 3

Pair of Variables	Spearman	t(N-2)	p-level
Эмоциональный интеллект & доброжелательное отношение	0,333100	2,14889	0,038255
Эмоциональный интеллект & доверие к другим	0,405412	2,69767	0,010454
Эмоциональный интеллект & эмоциональная осведомленность	0,804345	8,23450	0,000000
Эмоциональный интеллект & управлении своими эмоциями	0,787880	7,78219	0,000000
Эмоциональный интеллект & самомотивация	0,755123	7,00633	0,000000
Эмоциональный интеллект & эмпатия	0,840114	9,42132	0,000000
Эмоциональный интеллект & распознавание эмоций других людей	0,837005	9,30438	0,000000
Доброжелательное отношение & доверие к другим	0,324847	2,08928	0,043617
Доброжелательное отношение & эмоциональная осведомленность	0,264971	1,67150	0,103061
Доброжелательное отношение & управление своими эмоциями	0,292392	1,85983	0,070875
Доброжелательное отношение & самомотивация	0,355563	2,31402	0,026324
Доброжелательное отношение & эмпатия	0,214809	1,33786	0,189106
Доброжелательное отношение & распознавание эмоций других людей	0,219483	1,36843	0,179430
Доверие к другим & эмоциональная осведомленность	0,120067	0,73566	0,466575
Доверие к другим & управление своими эмоциями	0,382085	2,51495	0,016379
Доверие к другим & самомотивация	0,370766	2,42836	0,020147
Доверие к другим & эмпатия	0,437815	2,96210	0,005313
Доверие к другим & распознавание эмоций других людей	0,399011	2,64693	0,011862
Эмоциональная осведомленность & управление своими эмоциями	0,480246	3,33042	0,001974
Эмоциональная осведомленность & самомотивация	0,662047	5,37328	0,000004
Эмоциональная осведомленность & эмпатия	0,546412	3,96851	0,000320
Эмоциональная осведомленность & распознавание эмоций других людей	0,639437	5,05895	0,000012
Управление своими эмоциями & самомотивация	0,634940	4,99920	0,000014
Управление своими эмоциями & эмпатия	0,574590	4,27043	0,000131
Управление своими эмоциями & распознавание эмоций других людей	0,542893	3,93223	0,000356
Самомотивация & эмпатия	0,641303	5,08401	0,000011
Самомотивация & распознавание эмоций других людей	0,500671	3,51817	0,001170
Эмпатия & распознавание эмоций других людей	0,825627	8,90101	0,000000

«эмоционального интеллекта» Н. Холл, «шкала доверия к людям и веры в людей» Розенберга, шкала доброжелательного отношения к другим людям Кэмбелла, «шкала принятия других» Фейя.

Достоверность полученных результатов обеспечивалась применением следующих методов математической статистики: коэффициент корреляции Спирмена.

Обобщив полученные данные, были построены портреты субъектов затрудненного общения, представленные в таблице 1.

Ранее было проведено исследование представления о субъекте затрудненного общения в семьях военнослужащих и гражданских семьях семей военнослужащих и гражданских. Объектом исследования были супружеские пары (две группы – военные и гражданские семьи). В исследовании принимало участие 128 человек (70-военнослужащих,58-гражданских) в возрасте от 25 до 56 лет. В данном исследовании респонденты составляли портрет «трудного» супруга (ги). И были получены характеристики затрудняющие общение представленные в таблице 2.

Таким образом, обобщив полученные данные можно построить портрет субъекта затрудненного общения для супругов семей военнослужащих и гражданских, а так же сотрудников уголовно исполнительной системы. Так, трудный «партнер муж (жена)» – человек, привыкший перебивать разговор, так же ему приписываются безразличное, неприязненное, высокомерное отношение к другим людям.

Так же показатели у сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов семей военнослужащих во многом схожи, это можно объяснить спецификой деятельности (люди в погонах, строгая регламентация деятельности и др.).

У сотрудников уголовно-исполнительной системы средний показатель доброжелательного отношения к другим людям, низкий показатель доверия, средний с тенденцией к высокому показатель принятия других и низкий уровень эмоционального интеллекта (низкие уровни парциального интеллекта).

Для проведения корелляционного анализа был использован критерий Спирмена (таблица 3): у сотрудников уголовно-исполнительной системы прослеживается прямая зависимость общего интеллекта и доброжелательного отношением, доверием к людям между собой. Существует так же прямая зависимость внутри самой методики диагностики «эмоционального интеллекта» Н. Холла.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о том, что отношения сотрудников уголовно – исполнительной системы отличаются рядом социально-психологических особенностей: особенностями взаимоотношений, представлениями о другом как субъекте затрудненного общения, особенностями доброжелательного отношения и уровнем доверия к людям, уровнем эмоционального интеллекта и принятия других.

Дальнейшее изучение особенностей отношений у сотрудников уголовно-исполнительной системы поможет в оптимизации деятельности и взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). – М., 1978.
2. Лабунская В.А. От проблемы затрудненного общения к постановке проблемы “субъект затрудненного общения” // Психологический вестник. – Ростов-на-Дону, 1997. – Вып. 2.
3. Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения. – М., 2001.
4. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. – М., 2004.
5. Практический интеллект / Под общ. ред. Р. Стернберга. – СПб., 2002.
6. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. – М., 2004.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ВЫРАЖЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА МЕДРАБОТНИКОВ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЯХ ОБЩЕНИЯ С ПАЦИЕНТАМИ

Милица Е.Е.

В данной статье поднимается проблема трудностей общения в системе врач-пациент. Наряду с этим рассматриваются социально-психологические особенности личности как детерминанты трудностей общения, в том числе влияние такого глобального личностного феномена как социальный интеллект.

Ключевые слова: *трудности общения, взаимодействие врач – пациент, социальные способности, социальный интеллект.*

Медицина длительное время ориентировалась на поиски объективных причин болезни и максимальное устранение субъекта из процесса лечения. Особенностью современной профессиональной подготовки медицинских работников является изучение естественно – научных дисциплин, логика которых в целом определяет объектное отношение к больному человеку и несмотря на традиционное этическое требование «лечить больного, а не болезнь», она практически стала организмо-центрической. Представления больного о своем заболевании, его чувства и переживания, хотя и признаются важными, однако рассматриваются медработниками как надстройка над соматическими, зависящими от объективных причин симптомами и болевыми ощущениями. Идеалом медицины является «благородная форма ветеринарии», когда больной должен не столько рассказывать, сколько показывать и желательно, для полной ликвидации субъективизма, не врачу, а какому-нибудь сложному аппарату [9]. Зачастую представители медицинских специальностей не рассматривают общение с пациентом как один из приоритетных факторов терапевтического процесса.

Большинство как отечественных, так и зарубежных исследователей отмечают недостаточный уровень развития компетентности в сфере общения у медицинских работников, обусловленный существующей моделью здравоохранения, когда пациент рассматривается только как биологический организм, нуждающийся в медицинской помощи (О.М. Лесняк, А.А. Новик, Рейнольдс и Скотт, 2000, Уильямс, 2001). Так, в работе Круйджвером и др. проявление сочувствия или поддержки со стороны медицинского персонала отмечены только в 6 % бесед, тогда как разговоры с активным участием самих пациентов (т.е. обращение к их мнению, обсуждение понимания ими некоторых вопросов и т.д.) составляли лишь 2 %. Большинство больных считают неудовлетворительными свои взаимоотношения с врачами. Зачастую врачи представляются им людьми, с которыми трудно общаться: они недружелюбны, не отвечают ожиданиям пациента и не способны создать доверительные отношения с ними (О.М. Лесняк).

В отечественной медицинской практике общение врача и пациента детерминирует сложившаяся социальная ситуация, которая характеризуется следующими особенностями: социальные ожидания эффективности профессии превышают возможности самой профессии, врач осуществляет гуманистическую деятельность на фоне общей дегуманизации, существование фантома профессиональной ответственности (профессионал берет на себя ответственность, которая расширяет границы его социального влияния) (Г.С. Абрамова, Ю.А. Юдич). Несмотря на очевидную простоту и логичность инструментального подхода к пациенту, в практической медицине он ведет к возникновению недоверия, росту альтернативных, парамедицинских течений, медицинскому оккультизму, отчуждению больного и врача, дегуманизации их отношений [9].

Однако, в настоящее время получает свое развитие тенденция гуманизации и гуманитаризации медицинского образования (А.А. Зайченко, Г.Л. Микиртичан), которая выдвигает новые задачи, адекватные содержанию медицинской профессии в целом: рассмотрение процесса взаимодействия врача с пациентом как основополагающего терапевтического фактора, в котором личностные особенности врача как субъекта общения выступают неотъемлемой составляющей его профессиональной компетентности. Особенностями современной меди-

цинской практики являются, во-первых, переход от патерналистской модели взаимоотношений врача и пациента к модели сотрудничества в контексте направленности на биопсихосоциальную модель оказания медицинской помощи и смене нозоцентрического мировоззрения врача (в центре внимания врача болезнь, а не больной) на антропоцетрическое. Во-вторых, в условиях реформирования современного здравоохранения общение врача и пациента на рынке медицинских услуг приобретает новую значимость: страховая медицина предоставляет пациенту возможность выбора медицинского специалиста по принципу личностных предпочтений, которые, как правило, обусловлены особенностями взаимодействия с врачом. Эффективное общение в диаде врач-пациент способствует взаимному согласованию терапевтического процесса, повышая приверженность больных назначенному лечению (соблюдению режима, приему лекарств и выполнению процедур), от которых в итоге зависят положительный эмоциональный фон и удовлетворенность пациента. В-третьих, увеличивается количество пациентов, желающих участвовать в процессе принятия решений, касающихся их жизни и здоровья, в частности, в выборе тактики лечения. Подобная тенденция является следствием возрастающего образования и внимания к своему здоровью среди населения. Данные изменения выступают стимулом преобразования сущности взаимодействия врача и пациента и выдвигают высокие требования к уровню профессиональной подготовки медработника, в соответствии с которыми компетентность в сфере общения становится основополагающей характеристикой профессионализма врача.

Общение медработников в профессиональной деятельности включает в себя решение целого ряда задач в социально-перцептивной, коммуникативной и интерактивной сферах. В связи с этим актуализируется проблема детерминации особенностей общения медработника его социально-психологическими характеристиками как субъекта общения. Анализ работ, посвященных изучению личностных особенностей медработника, затрудняющих его эффективное функционирование в системе профессионального общения (А.И. Кипиани, Л.А. Цветкова, А.А. Чазова), позволяет констатировать, что, несмотря на декларируемую важность данного вопроса, проблема трудностей взаимодействия врача и пациента остается малоизученной как в отечественной, так и в зарубежной психологии.

Проблема затруднений или «барьеров» общения, в качестве объекта специального исследования была намечена в середине прошлого века (Е.С. Кузьмин, Б.Д. Парыгин, В.Ф. Ломов, А.А. Коломенский, А.А. Климов и др.). В настоящее время ряд авторов разрабатывают проблему трудностей общения как различного рода нарушений, следствием которых является полное или частичное недостижение целей и неудовлетворение потребностей и мотивов общения, сопровождающееся неудовлетворенностью субъекта процессом общения и своей ролью в нем (В.А. Лабунская, Т.А. Куницина, Е.В. Цуканова и др.). При этом разные авторы придерживаются различных теоретических позиций, как в понимании изучаемых феноменов, так и в изучении ракурса причин затрудненного общения. В.А. Лабунская, рассматривая структурные компоненты общения с точки зрения их «вклада» в возникновение затрудненного общения, выделяет пять групп факторов психологических трудностей общения: экспрессивно-речевые особенности, социально-перцептивные, отношение-обращение, навыки взаимодействия и условия общения.

В рамках психологии затрудненного общения исследователи обращаются к изучению трудностей общения в прикладных областях социальной психологии. Накоплен богатый и разнообразный эмпирический материал, в котором отражены особенности затрудненного общения в различных сферах педагогического и управленческого взаимодействия (Н.И. Алешкин, Р.М. Асадуллин, М. Е. Колесникова). Трудности общения осознаются в различной степени участниками взаимодействия и рассматриваются ими как результат взаимодействия различных факторов: индивидуальных особенностей личности общающихся, структуры их мотивационно-потребностной сферы, возрастных и статусных характеристик, культурных и когнитивных различий, а также особенностей ситуации общения (В.А. Лабунская).

Большое внимание исследователи уделяют роли личностных образований в возникновении феноменов затрудненного-незатрудненного общения. В исследованиях И.П. Шкуратовой, В.Н. Кунициной, А.Л. Южаниновой, Е.В. Цукановой особенности эмоциональной, мотивационной, когнитивной сферы психической деятельности человека выступают определяющими факторами, как возникновения, так и результатов затрудненного общения. По мнению А.А. Бодалева, социально-перцептивные особенности субъектов выступают одной из основных причин возникновения трудностей взаимодействия. В отдельную группу исследований выделяются работы, в которых влияние личностных образований на возникновение затрудненного общения анализируется с точки зрения гендерного подхода (Е.Н. Дежурова, О.А. Тырнов). Проведя анализ многочисленные работ по данной проблематике, В.А. Лабунская отмечает, что большинство авторов называют низкий уровень развития коммуникативных навыков, отсутствие мотивации и желания общаться, преобладание негативно окрашенных

эмоциональных состояний, наличие внутриличностных конфликтов в качестве детерминант возникновения затрудненного общения.

Трудности в межличностном общении можно проследить, рассматривая результаты различных процессуальных аспектов общения (представления, образы, формы взаимодействия). В исследованиях Ю.А. Менджерицкой, В.Н. Куниционой выявлено влияние определенных качеств личности, ее отношений на формирование образа другого человека; обусловленность представлений о другом как трудном партнере общения соотношением локуса контроля и центрации-децентрации (Е.Д. Бреус).

Анализ эмпирических исследований в русле изучения проблемы трудностей общения медработников позволяет сделать вывод, что большинство работ выявляют представления больных о личностных и деловых качествах врача, их представления об «идеальном враче», особенности восприятия и оценки пациентами невербального поведения врача (Е.В. Кузнецова, В.А. Ташлыков). В настоящее время общепризнан тот факт, что внешние проявления сочувствующего, заботливого отношения со стороны профессионалов в здравоохранении положительно влияют на улучшение здоровья пациентов, позволяя уменьшить тревожность больного человека и справиться со страданиями, которые ему приходится претерпевать в ходе пребывания в больнице (Арнольд и Боггс,1999; Кэрис-Ферхаллен и др., 1999).

В то же время представления врачей о пациенте как субъекте общения, о трудностях общения с пациентами остаются за рамками внимания исследователей. Возможно, это обусловлено требованиями профессиональной медицинской этики и деонтологии, согласно которым императивом поведения врача являются обязательная забота, помощь и поддержка больных, независимо от их личностных и статусных характеристик.

Известно, что процесс и результат любого взаимодействия опосредован взаимными представлениями участников друг о друге. Общение с пациентом строится на сформированном у врача образе больного, что, в свою очередь, побуждает его соответствовать ожидаемому от него способу реагирования. Е.П. Кораблина, изучая представления врачей о трудном пациенте, выявила следующие характеристики, присущие пациенту как трудному партнеру общения: грубый, многословный, нудный, агрессивный, указывающий врачу. Представления врачей о себе как о профессионале включают следующие характеристики: активный, ответственный, достигающий результатов, а также некорректный и отвергающий общение как дополнительный способ лечения пациентов. Автор приходит к выводу о том, что врачи признают значимость и важность доверия, эмпатии, открытости, доброжелательности, искренности, но одновременно с этим оставляют за собой возможность быть бестактными, неискренними, равнодушными.

В рамках изучения социально-психологических особенностей личности как детерминант трудностей общения, рассматриваются социальные способности, среди которых выделяют социальный интеллект (СИ). К данному феномену, также как и к явлению затрудненного общения в отечественной психологии последние десятилетия наблюдается повышенный интерес. Социальный интеллект изучается в нескольких направлениях: как понимание человека человеком (А.А. Бодалев), как социальное мышление (К.А. Абульханова-Славская), в аспекте различных социально-психологических свойств личности и социальных способностей: коммуникативной компетентности, социальной компетентности, социальной проницательности и др. (В.А. Лабунская, Ю.Н. Емельянов, Е.В. Коблянская, В.Н. Куницына, А.Л. Южанинова и др.), а также как социальная способность, определяющая успешность профессиональной деятельности (Н.А. Аминов, М.И. Бобнева, Е.И. Ишутина, А.А. Кидрон, М.В. Молоканов и др.).

На сегодняшний день в психологической науке сформировался ряд подходов к пониманию социального интеллекта:

- концепция СИ как способности к пониманию других людей Е.С. Алешина, В.Д. Дружинин, Д.В. Ушаков, А.Л. Южанинова;
- концепция социального интеллекта как механизма социализации М.И. Бобнева, Е.И. Ишутина;
- образовательный подход, в рамках которого СИ рассматривается как развивающаяся способность к пониманию социальной реальности Г.П. Геранюшкина, С.С. Белова, Ю.П. Емельянов, Н.А. Лужбина;
- подход к изучению возрастных аспектов социального интеллекта Я.И. Михайлова, О.Б. Чеснокова.

Большинство авторов рассматривают СИ как интегральную интеллектуальную способность, определяющую успешность общения и социальной адаптации. Мы в своей работе опираемся на концепцию Дж. Гилфорда, согласно которой социальный интеллект представляет систему интеллектуальных способностей независимую от фактора общего интеллекта и обеспечивает понимание поступков, действий других людей, понимание речевой продукции человека, а также его невербальных реакций (мимики, поз, жестов).

Эмпирическое изучение СИ проводится в рамках рассмотрения данного понятия как профессионально важного качества в профессиях типа «человек – человек»: как фактор успешности деятельности психолога

(А.В. Берклунд, И.Ф. Баширов), учителя специальной школы (Н.М. Назарова, А.Д. Гонеев).

Многие авторы обращаются к проблеме соотношения СИ с личностными особенностями субъектов общения. Например, в исследованиях Н.М. Назаровой, А.Д. Гонеева направленность на познание других связана со способностью к децентрации, с эмпатией, социально-перцептивными особенностями; выявлена взаимосвязь уровня социального интеллекта с показателями тревожности (Е.И. Ишутина).

Проблема взаимосвязи уровня выраженности СИ и трудностей общения на сегодняшний день является малоисследованной. Кроме того, нерешенной остается проблема соотношения представлений медработников о трудностях общения с пациентом и социально-психологических факторов, детерминирующих это соотношение, в частности, социального интеллекта.

В связи с вышесказанным целью данной работы является изучение влияния уровня выраженности социального интеллекта медработников на представления о социально-психологических трудностях общения с пациентами.

Для проведения эмпирического исследования использовалась методика диагностики социального интеллекта Дж. Гилфорда и О. Салливена и опросник «Социально-психологические характеристики субъекта общения» В.А. Лабунской. В исследовании приняли участие врачи г. Ростова-на-Дону – 46 человек в возрасте от 30 до 50 лет и студенты IV курса РГМУ – 60 человек.

Результаты, полученные после анализа уровня развития социального интеллекта врачей и студентов-медиков, позволили разделить всех респондентов на две группы по уровню развития социального интеллекта: группу врачей и студентов со средним уровнем развития СИ и группу врачей и студентов с уровнем выраженности социального интеллекта ниже среднего. Проведенный с помощью Т-критерия Стьюдента анализ выявил достоверные различия между данными группами. Врачей и студентов со средним уровнем развития СИ в большей степени затрудняет пациент, навязывающий в общении с врачом свою точку зрения. Для врачей и студентов с низким уровнем развития СИ в большей степени являются затрудняющими такие особенности общения пациентов как вялая невыразительная жестикуляция, неумение выразить отношение с помощью жестов, мимики, интонаций, а также присутствие посторонних лиц.

По-нашему мнению, ответственность врача состоит в развитии своих личностных особенностей и способностей как субъекта общения, с целью минимизации возможных негативных последствий ошибочности или предвзятости восприятия больного в процессе профессионального общения. Процесс двухстороннего общения между медицинским работником и пациентом способствует развитию отношений партнерства и поддержки в терапевтическом процессе, являясь для многих пациентов важным этапом в понимании своей болезни и выработке путей ее преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Г.С., Юдич Ю.А. Психология в медицине: Учеб. пособие. – М., 1998.
2. Бернард Лаун Утерянное искусство врачевания. – М., 1998.
3. Круйджвер И.П.М., Керкстра А., Бенсинг Дж.М., Ван Иде Уиль, Х.Б.М. // Журнал по прогрессивным методикам в сестринском деле. – 2001. – Т. 34. – № 6. – С. 772–779.
4. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – СПб., 2001.
5. Лесняк О.М. О роли пациента в современном диагностическом лечебном процессе // Вестник ОКБ. – 2000. – Вып. 2. – № 1.
6. Новик А.А. Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине / Под ред Ю.Л. Шевченко. – М.: ЗАО: ОЛМА медиа групп, 2007.
7. Психология затрудненного общения / Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. – М., 2001.
8. Рейнольдс У.Дж., Скотт Б. // Журнал по прогрессивным методикам в сестринском деле. – 2000. – Т. 31. – № 1. – С. 226–234.
9. Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002.
10. Уильямс А. // Журнал по прогрессивным методикам в сестринском деле. – 2000. – Т. 33. – № 5. – С. 660–667.

ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В АРАБСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Гамиля Мухамед Насер Ахмед

В статье описаны причины и последствия сексуального насилия над детьми, их особенности в арабском, в том числе, йеменском обществе. Автор указывает на зависимость распространённости ситуаций сексуального насилия над детьми как от семьи, так и от экономического уровня общества в целом. Названы возможности и пути предупреждения сексуального насилия в йеменских семьях; подчёркивается необходимость организации в стране службы психологической реабилитации детей, перенесших сексуальное насилие.

Ключевые слова: *психологические последствия, сексуальное насилие, насилие над детьми, насилие в арабском обществе.*

Сексуальное насилие по своим последствиям относится к числу самых тяжёлых психологических травм. Данная проблема является актуальной во всем мире. Ежегодно от сексуального насилия страдают миллионы детей, что недопустимо для цивилизованного общества. Исследование вопроса сексуального насилия над детьми в арабском обществе является особенно актуальным. На распространённость сексуального насилия в арабском обществе указывают такие авторы, как Манн Абдульбари Кассин, Хасан Кассим, Ахмед Альнабульси, Ахмед Абульазайм, Абдульвахаб Абдульрахман, Алаалдин Кафани.

Американские исследователи определяют сексуальное насилие над детьми как любой сексуальный опыт между ребёнком до 16 лет и человеком, по крайней мере, на 5 лет старше него. Сексуальное насилие над детьми определяется также как вовлечение зависимых, психически и физиологически незрелых людей и подростков в сексуальные действия, нарушающие общественные табу семейных ролей, которые они ещё не могут полностью понять и на которые не в состоянии дать осмысленного согласия.

К специфическим последствиям сексуального насилия у детей относятся: отсутствие доверия к людям, непринятие себя и собственного тела, попытки самонаказания и самоистязания. У жертв сексуального насилия также наблюдаются нарушения в эмоциональной сфере: быстрая и необоснованная смена настроения, подавленность, плаксивость, раздражительность. Крайняя степень нарушений в эмоциональной сфере проявляется в суицидальных попытках. Последствия также проявляются в соматических жалобах. Непосредственно после травмы могут быть тошнота, рвота, головокружения. Отсроченными могут быть расстройства аппетита, головные боли, нарушения сна.

Социально-психологическая ситуация развития, включающая насилие, впоследствии препятствует успешной социализации ребёнка, т.к. утрачивается доверие к взрослому, что приводит либо к отрицанию правил, норм морали и нравственности, принятых в данном обществе, либо к полному принятию негативного опыта, что может привести к формированию антисоциальной личности. Таким образом, психологические нарушения, возникающие после насилия, затрагивают все уровни человеческого функционирования. Они приводят к стойким личностным изменениям, которые препятствуют способности ребёнка реализоваться в будущем адекватно.

По мнению многих авторов с большой вероятностью следствием насилия может явиться посттравматический стресс (Rowan, Foy, 1992; Svedin, 2001; Thompson, 2003). Тяжелая реакция человека на интенсивный стресс в МКБ-10 определена как посттравматическое стрессовое расстройство, или PTSD-синдром.

Сложность изучения проблемы сексуального насилия состоит в том, что это преступление, по сравнению с другими преступлениями против личности, обладает высоким уровнем латентности. Большинство жертв изнасилования не заявляют о происшедшем в надзорные органы, и большое количество пострадавших вообще никому не рассказывают об этом. Выделяют три большие группы причин латентности:

– сексуальное насилие представляет собой личную и интимную проблему, обсуждать которую с кем-то жертва часто не желает или стыдится;
– потерпевшие не верят в то, что, обратившись в надзорные органы и подав заявление, став

объектом обсуждения и расспросов, они встретят реальную поддержку, а преступник будет пойман и наказан;
– потерпевшие боятся мести со стороны преступника, его друзей или семьи, или считают неудобным привлекать другого человека к ответственности за преступление, особенно если считают себя частично виноватыми в происшедшем.

В Йемене существует множество проблем, сопровождающихся появлением социальных феноменов, которые угрожают жизни отдельного человека. Это отчётливо наблюдается в насильственных сексуальных действиях, которые приводят к переоценке ценностей, к видоизменению биологической, психологической и духовной сферы личности.

Организация СИЯГ проводила исследование в г. Сада, предметом которого выступили психологические последствия насилия над детьми. В исследовании приняли участия 1100 детей в возрасте 7–15 лет. В результате данного исследования были выявлены следующие психологические последствия насилия: фобии (5,45 %), ночные кошмары (63,1 %), энурез во время сна (21,6 %), энурез во время бодрствования (5,7 %), потеря сознания при звуке грома или взрыва (4,8 %), плаксивость (16 %), замыкание в себе, сторонятся людей (21,5 %), агрессивность (35,03 %), отказ от посещения школы (21,6 %), потеря уверенность в себе, пессимизм (27,8 %).

Афрах Бадуэлян говорит также о том, что насилие над детьми является тяжелой травмой, особенно для девушек, потому что насилие может обращаться как на самого человека, так выливаться в общество в форме агрессии, приводить к отказу от сексуальных отношений. Дети сбегают из школы, надо обратить внимание на детей, так как они являются базисом общества.

Мухаммед Саидфахим говорит о том, что данные, который собраны в министерстве здравоохранения, свидетельствуют о связи между сексуальным насилием и болезнями (психические расстройства, ВИЧ, половые болезни, беременность без отца, алкоголизм, наркомания). Дети, подвергшиеся сексуальному насилию, теряют доверие к другим людям, чувствуют стыд, чувствуют себя изгнанными из общества.

Абдульрахман Абдульвахаб указывает на то, что после совершения сексуального насилия дети испытывают фобии, тревожность, потеря доверия к себе и другим людям, психические расстройства. Автор также указывает на то, что факт сексуального насилия вызывает ненависть данного ребёнка к обществу.

Хасан Альмалех отмечает, что насилие распространено в арабском обществе, однако общество замкнуто и старается не поднимать данную тему, скрывать и не говорить об этом. Не существует исследований, которые направлены на изучение причин сокрытия факта насилия, что усугубляет ситуацию. Большинство из тех, кто применяет насилие, что подтверждает статистика в европейских и арабских странах, это знакомые жертве люди. Большинство фактов насилия происходит в бедных, неполноценных семьях, неполных семьях, с детьми сиротами, с детьми, которые работают, детьми с психическими отклонениями. Те, кто производят насилие, обладают низким моральным развитие, низким самоконтролем, являются лицами с сексуальными отклонениями. Хасан Альмалех предлагает рекомендации, как избежать сексуального насилия в арабском обществе:
– развивать культуру ребёнка в отношении сексуальных отношений (хотя культура налагает запрет на обсуждение данной темы). Тренировать ребёнка в том, как можно уйти от насильника (бежать, кричать), избегать незнакомых мест, чердаков, подвалов, тёмных мест, незнакомых людей;
– научить ребёнка говорить о фактах насилия, говорить о ненормальном отношении к нему со стороны других людей;
– оказывать психологическую помощь ребёнку после свершения сексуального насилия.

Щадии говорит о том, что насилие увеличивается или уменьшается в зависимости от общества. Существует связь между насилием над детьми и экономическим уровнем семьи, количеством детей в семье. Низкий экономический статус семьи, большое количество детей оказывает психологическое давление на родителей, в результате этого они проявляют насилие к детям. Отсутствие образования у родителей, низкие знания о психических особенностях детей и их потребностях, также вызывают насилие над детьми. Важной причиной насилия является слабость выполнения норм Шариата, не соблюдение норм воспитания, предписанных Шариатом.

Факторы, вызывающие насилие над детьми, можно обобщённо объединить в две группы.
1. Внутренние – семья: неправильный способ воспитания детей вызывающий агрессию, непонимание, отсутствие одного из родителей, физические наказания, применяющиеся в йеменской семье, как в отношении детей, так и женщин.
2. Внешние – школа, соседи, родственники.

В арабских странах можно выделить следующие факторы насилия над детьми: 1) культура воспитания внутри семьи. Особенности воспитания связаны с уровнем образования родителей: чем более образованы родители, тем лучше отношения в семье; 2) экономический статус семьи. Чем более обеспечена семья, тем отношения в семье благополучнее. Часто в семьях с низким экономическим статусом дети вынуждены работать, вместо того, чтобы учиться. Это уменьшает надзор над детьми, они остаются без присмотра взрослого, остаются безграмотными. Наблюдается внутренняя миграция людей из деревни

в город. Детей, приезжающих из деревни, легко совратить, соблазнить, они легко оказываются в зоне риска; 3) величина семьи. Распространено многожёнство. Количество детей растёт, что предъявляет свои требования к материальному положению в семье. Отношение к детям внутри семьи неравное, часто дети остаются без присмотра.

Большинство арабских исследователей указывают на то, что насилие совершается одним человеком над другим, чтобы удовлетворить свои потребности за счёт другого человека. В арабском обществе ребёнок воспитывается в условиях подчинения и уважения к взрослому человеку, поэтому в большинстве случаев ребёнок не может пойти против воли взрослого, когда последний пытается совершить сексуальное насилие. С другой стороны, арабские семьи многодетны, дети разных возрастов находятся вместе, могут спать в одной комнате, также в силу либо низкого экономического статуса, либо культурных особенностей (жить всем вместе) семьи могут объединяться в одном доме, что может способствовать сексуальному насилию. Некоторые исследователи говорят о том, что насилие совершается из-за низкого экономического развития, другие указывают на то, что причиной является отступление от норм Шариата. Именно совокупность данных причин являются фактором сексуального насилия.

Состояние данной проблемы в Йеменской республике полностью отражает её общую картину в арабских странах. Отметим при этом, что насилие, в том числе сексуальное, является для Йеменской республики скрываемой, закрытой и малоизученной проблемой, как в практическом аспекте, так и в академической науке.

Таким образом, для того, чтобы сократить число ситуаций сексуального насилия над детьми, необходимо укреплять Шариат, укреплять образование, следует создавать реабилитационные центры для детей, переживших насилие. Необходимо соблюдать и укреплять права ребёнка так, как наши государства согласовали их в международных конвенциях по правам детей.

ЛИТЕРАТУРА

1-ابراهيم الشذي اثار العنف ضد الاطفال-دراسة حول ظاهرة العنف ضد الاطفال مجلة الشرق الاوسط العدد98لعام 2008 صفحة10
2-أحمد جمال أبو العزائم العنف الجنسي ضد الاطفال مجلة النفس المطمئنة العدد 62 لعام 2000 صفحة8-10
3- أفراح بادويلان- الاعتداء الجنسي على الاطفال مجلة شبكة سبأ العدد9 لعام 2009صفحة10-11
4- حسان المالح-الايذاء الجنسي للاطفال –حياتنا النفسية دار النشربدمشق - 2006 م - 240 ص
5- حسن قاسم خان الاستغلال الجنسي للاطفال مجلة الصحة العقلية العدد 22لعام2003صفحة12 -13
6- سياج دراسة ميدانية حول الاثار النفسي والسلوكية للعنف ضد الاطفال حرب صعدة-اليمن مجلة الصحفي العدد91لعام2008صفحة10-15
7- عبدالرحمن عبدالوهاب –ظاهرة اطفال الشوارع في اليمن - دراسة مقدمة لملتقى المراة والتدريب اليمن الناشر ملتقى المرأة للدراسات والتدريب لعام 2003ص221
8- علاء الدين كفاني- الارشاد النفسي والصحة النفسية - مجلة خطوة- العدد28- لعام2008
9- علاء الدين كفاني-علم النفس الاسري-دار النشر الدولي لعام 2009م - 448 ص
10- محمد احمد النابلسي مابعد الصدمة- دراسة نقدية نحو سيكولوجية عربية مجلة الثقافة النفسية العدد26لعام1995 ص54
11- محمد سعيد فهيم- بيانات عن وزارة الصحة العامة والسكان-اليمن مجلة الصحة العدد90صفحة10لعام2003
12- معن عبدالباري قاسم العنف المنزلي في اليمن – مدينة عدن مجلة الصحة النفسية العدد20 لعام2000 صفحة4-5
13- معن عبدالباري قاسم سوء معاملة الاطفال (من واقع تجربة الخط التلفوني الساخن-عدن) الصحة العقلية العدد14 - 16 لعام 2003صفحة (6-7) (5-6)
14. Rowan A.B, Foy D.W. Post-Traumatic Stress Disorder in Child Sexual Aduse Survivors: A Literature Review// Journal of Traumatic Stress. – 1993. – V.6. – P. 3-20.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОФЕССИИ В ПРОЦЕССЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Помаз Г.С.

Анализируется структура представлений о профессии студентов психологических факультетов, приводятся результаты эмпирического изучения представлений о профессии, описываются изменения в представлениях студентов на разных курсах и этапах обучения, выделяются детерминанты изменения представлений, описываются четыре типа представлений о профессии и рекомендации по их развитию.

Ключевые слова: *представления о профессии, детерминанты развития представлений, типы представлений о профессии – «диффузный», «эгоистичный», «незавершенный», «непрофессиональный».*

В настоящее время перед отечественным образованием стоят непростые задачи. С одной стороны, необходимо сохранить сильные стороны российской образовательной системы, а с другой – систему образования необходимо сделать гибкой и адаптивной с тем, чтобы в новых условиях, отвечая как на потребности и интересы личности, так и на запросы изменяющейся экономики и складывающегося рынка труда, она сохранила свою роль как одного из ведущих факторов общественного развития.

Сегодня в России появилось большое число вузов, которые осуществляют подготовку психологов без хорошо подготовленных кадров и необходимой учебно-методической базы. В ряде двух последних десятилетий наблюдается приток в психологическую практику большого числа специалистов из других областей знаний, не озабоченных отсутствием специального образования. Они явно дискредитируют профессию, но продолжают занимать выгодные ниши на рынке психологических услуг, получая высокие гонорары и оттесняя действительных специалистов. При этом они умело делают себе рекламу, основанную на владении сертификатами зарубежного и отечественного происхождения, которые они получают в трехдневных или недельных тренингах.

Многие недостатки психологического образования являются результатом несоблюдения государственных образовательных стандартов, отсутствия в профильных вузах психологических и психофизиологических лабораторий, проведения лекционных курсов «вчерашними выпускниками», не имеющими не только степеней и званий, но и элементарного опыта работы, согласия заведующих кафедрами на чтение многими сотрудниками по пять-семь учебных дисциплин из различных отраслей психологии (например, из общей и политической психологии, антропологии, акмеологии, инженерной психологии и эргономики и т.д.). Трудно найти даже высококвалифицированного профессора, который бы справился с такими задачами.

Одной из явных тенденций, сложившихся в российском психологическом образовании, является повсеместный кризис занятости выпускников. К их числу можно отнести снижение требований к уровню подготовки абитуриентов, а затем студентов, аспирантов и докторантов по различным отраслям психологического знания. Заметно также отсутствие научных критериев, допускающих использование тренингов и психологических техник различных психологических направлений (НЛП, психоанализа, гештальттерапии, психо- и символ-драмы, игровой психотерапии и т.д.) практикующими психологами.

За названными недостатками стоят, прежде всего, быстрая и повсеместная коммерциализация психологического образования, отсутствие моделей образования, охватывающих общетеоретическую и прикладную подготовку, недостаточная профилизация по психологии в общеобразовательной школе, приводящая к отсутствию адекватных представлений о будущей профессии у ее выпускников и необдуманности ими профессиональных выборов.

Многочисленные современные исследования показывают, что представления студентов о будущей профессии, о характере и специфике деятельности профессионала и образ себя в профессии у студентов-психологов часто являются искаженными или неадекватными, что или приводит к разочарованию в профессии и желанию сменить ее, или затрудняет процесс адаптации к труду после окончания вуза.

Выявленное противоречие между представлениями студентов о профессии психолога и реальными

требованиями к его деятельности в различных областях социальной практики определило необходимость проведения эмпирического исследования представлений студентов психологических факультетов о будущей профессии. Основываясь на данных многочисленных исследований (В.В. Барабанова, Г.М. Белокрылова, В.Д. Брагина, А.И. Донцов, Э.Ф. Зеер, М.Е. Зеленова, Е.А. Климов, Г.Ю. Любимова, В.Н. Обносов, Л.Б. Шнейдер и др.), в представлениях о профессии можно выделить три взаимообусловленных структурных компонента: представления о личности профессионала и о себе как субъекте профессиональной деятельности и будущем профессионале; представления о содержании, условиях, трудностях и задачах профессиональной деятельности; представления о своем профессиональном будущем и о своей профессиональной карьере.

Результаты эмпирического изучения представлений о профессии студентов, обучающихся на разных курсах нескольких вузов Ростовской области, позволили описать изменения в представлениях студентов на разных курсах и этапах обучения и выделить детерминанты, определяющие эти изменения.

Например, выяснилось, что в процессе обучения происходит увеличение значимых характеристик, на которых базируются представления о профессии у студентов-психологов. Это позволило сделать вывод о том, что по мере обучения представления студентов-психологов об их профессиональной деятельности становятся более целостными, происходит переоценка различных аспектов деятельности психолога. Эти изменения носят сложный нелинейный характер. Были выделены три основных этапа обучения студентов-психологов: начальный (1 и 2 курс), средний (3 и 4 курс) и завершающий (5 курс).

С помощью критерия Крускала-Уоллиса были определены показатели представлений о профессии, которые значимо различаются при переходе от одного этапа обучения к другому и те, по которым различия являются случайными и не связаны с курсом обучения. Выяснилось, что на первом этапе обучения происходит усиление интереса к различным направлениям психологической деятельности, а также увеличивается уровень профессиональной подготовки. Усиливается выраженность «истинных» и «ложных профессиональных» мотивов. Остается низким уровень готовности к преподавательской деятельности.

На втором этапе обучения наблюдаются противоречивые тенденции в развитии представлений. Показатель готовности к преподавательской деятельности сначала возрастает, а затем значимо снижается. Уровень профессиональной подготовки практически не изменяется. Выраженность профессиональных мотивов снижается, увеличивается роль непрофессиональных мотивов. Усиливается направленность на себя и на эмоции.

На третьем этапе обучения – у пятикурсников – происходит увеличение показателя готовности к деятельности в психодиагностическом направлении, резко увеличиваются показатели профессиональной подготовки. Более выраженными становятся «истинные» и «ложные профессиональные» мотивы. Значимо увеличиваются показатели направленности в психологической деятельности на других людей и на процесс, а не на себя и на эмоции.

Эти данные позволяют сделать вывод, что в качестве детерминант развития представлений о профессии выступают такие показатели, как уровень профессиональной подготовки, готовность к деятельности в различных направлениях и видах психологической деятельности, «профессиональные» мотивы и показатель направленности в деятельности на себя/на других и на эмоции/на процесс. Эти показатели обнаруживают значимые различия при переходе студентов с одного этапа обучения на другой.

В формировании представлений о профессии наряду с этапом обучения важным фактором являются личностные особенности студента. Изучение всех показателей представлений в сочетании с личностными особенностями студентов с помощью кластерного анализа позволило выделить четыре группы респондентов со сходными характеристиками представлений о профессии психолога. Студенты первого – пятого курсов распределились в этих группах следующим образом:

Таблица 1

Распределение по группам с разными типами представлений о профессии студентов первого-пятого курсов

Курс	Группа							
	первая		вторая		третья		четвертая	
	n	%	n	%	n	%	n	%
первый	36	38,7	31	33,3	26	28,0	0	0,0
второй	11	12,1	16	17,6	40	43,9	24	26,4
третий	9	10,1	22	24,7	49	55,1	9	10,1
четвертый	27	32,1	21	25,0	27	32,1	9	10,8
пятый	32	33,3	0	0,0	48	51,0	16	16,7
всего	115	25,4	90	19,9	190	41,9	58	12,8

Анализ распределения по группам студентов, находящихся на разных этапах профессионального обучения, выявил следующие закономерности (Рис. 1).

Анализ полученных результатов с помощью критерия Крускала-Уоллиса показал, что значимые различия между группами респондентов выражены по всем рассматриваемым показателям, кроме показателя уровня профессиональной подготовки. Такая закономерность в различиях рассматриваемых показателей позволяет рассматривать внутри каждой группы определенный тип представлений студентов-психологов о будущей профессии.

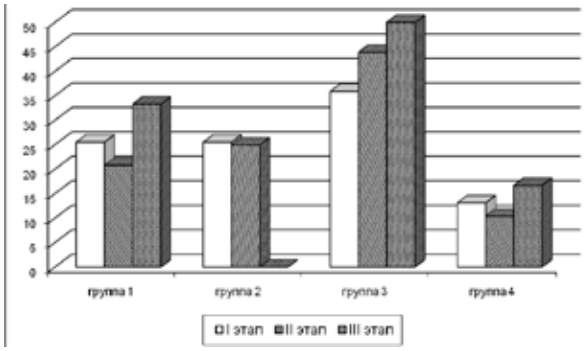

Рис. 1. Распределение студентов, находящихся на разных этапах обучения, в выделенных группах (в %)

Проведенный анализ данных позволил выделить основные характеристики каждого типа представлений о профессии у студентов-психологов. Респонденты первой группы достаточно полно и адекватно представляют особенности, задачи и трудности деятельности психолога, готовы работать в психологии, но при этом не имеют достаточной мотивации, показывают низкий уровень определенности в выборе специализации, стремятся ограничить свою профессиональную деятельность определенным направлением или видом деятельности. Этот тип представлений о профессии психолога получил название ***«диффузный»***, поскольку в структуре представлений различные компоненты не обнаруживают взаимосвязи и целостности, а часто даже противоречат друг другу.

Во второй группе респондентов большинство характеристик представлений о профессии взаимосвязаны между собой положительными связями, выражено стремление действовать в различных видах и направлениях психологической деятельности, что позволяет говорить о целостности представлений. Отличительной особенностью этого типа представлений является преобладание мотива власти, о чем свидетельствует показатель выраженности «ложных» мотивов. Предпочтение студентами таких направлений в деятельности психолога, как консультирование и психотерапия, открывает возможность для попыток манипулирования и управления другими людьми. На основании этих характеристик данный тип представлений студентов о будущей профессии получил название ***«эгоистичный»***.

В третьей группе студенты адекватно оценивают трудности, задачи и особенности профессиональной деятельности психолога, нацелены на самореализацию в сфере психологии. Своей основной задачей они видят помощь другим людям. Характерной особенностью является высокая степень выраженности «профессиональных» мотивов деятельности. Однако при этом их представления о профессии отличаются недостаточной целостностью. Отдельные характеристики представлений о профессии не противоречат друг другу, они обнаруживают слабую положительную взаимосвязь между собой. На основании этих характеристик данный тип представлений определен как ***«незавершенный»***.

В четвертой группе при высокой степени целостности представлений о профессии психолога обнаруживается низкая адекватность этих представлений и преобладание «непрофессиональных» мотивов, т.е. для студента основной целью его обучения является не приобретение профессии психолога и реализация себя в ней, а решение собственных проблем. На этом основании данный тип представлений был назван ***«непрофессиональным»***.

Наиболее выраженным среди студентов-психологов оказался ***«незавершенный»*** тип представлений о профессии, который является наиболее близким к «эталонному» типу представлений. Менее представлен ***«диффузный»*** тип, затем – ***«эгоистичный»*** и, наконец, – ***«непрофессиональный»***. По мере обучения на факультетах психологии разных вузов увеличивается число студентов с ***«незавершенным»*** типом представлений о профессии, снижается – с ***«эгоистичным»*** типом. Среди студентов-первокурсников оказался не представленным ***«непрофессиональный»*** тип представлений; у пятикурсников отсутствует ***«эгоистичный»*** тип представлений о профессии.

В результате проведенного анализа взаимосвязи представлений о профессии с индивидуально-личностными характеристиками студентов было получено описание индивидуально-личностных характеристик студентов, лежащих в основе разных типов представлений о профессии психолога.

Студенты с ***«диффузным»*** типом представлений нацелены на реализацию себя в психологической профессии, заинтересованы в получении профессионального образования. В деятельности часто проявляют стереотипность, не пытаются планировать свою жизнь и добиваться поставленных целей. Стремятся создать у окружающих не совсем достоверное представление о себе, демонстрируют социально одобряемое поведение. Отличаются высоким уровнем развития коммуникативных способностей и умением их использовать. По отношению к людям проявляют скорее любопытство, чем стремление поставить себя на место другого, готовность сопереживать.

Студенты с ***«эгоистичным»*** типом представлений стремятся реализоваться в профессиональной и общественно-политической жизни, для чего важным считают получение образования. Проявляют стремление к сохранению собственной индивидуальности, не интересуются мнением окружающих о себе. Их высокая самооценка и чувство собственной значимости зависят у них от уровня материального

положения и собственных достижений. Обладают низким уровнем развития адаптивных и коммуникативных способностей. Им трудно создать в общении доверительную атмосферу, которая позволила бы собеседнику раскрыться.

Студентов с ***«незавершенным»*** типом представлений отличают самые высокие показатели выраженности практически всех характеристик ценностно-смысловой сферы по сравнению с другими группами. Наибольшее значение для них имеют ценности, связанные с получением образования и желанием реализоваться в профессии. Это желание обусловлено истинными профессиональными мотивами. Они ставят перед собой конкретные цели и стремятся обязательно добиться их. При этом они действуют стереотипно, проверенными способами и не склонны ориентироваться на мнение других людей о себе. Сильно выражено стремление демонстрировать социально одобряемое поведение. Испытывают чувство недоверия к окружающим и уверенность в том, что другие люди ограничивают свободу их жизни и проявление способностей. Восприятие и взаимодействие с людьми зависит от оценочных стереотипов. Их эмпатические способности основываются, прежде всего, на логическом, рациональном знании о других людях, интуиция развита слабо.

Студенты с ***«непрофессиональным»*** типом представлений о профессии стремятся к самосовершенствованию, уверены в неограниченности своих потенциальных возможностей. У них проявляется стремление к реализации в профессиональной и общественной жизни, большое значение придается обучению. Студенты этой группы стремятся к независимости от других людей и сохранению неповторимости своей личности, взглядов, убеждений. При этом они готовы следовать моральным принципам и нормам общества. Отличительной особенностью этой группы является способность эффективно взаимодействовать с другими людьми в условиях дефицита информации о них, анализировать информацию на уровне интуиции. Но возможность рационального познания других людей, понимания логической основы поведения и состояния другого человека у них снижена.

Анализ взаимосвязи показателей представлений о будущей профессии с индивидуально-личностными характеристиками студентов-психологов позволил определить направления развития представлений в выделенных группах. Они послужили основой для создания системы психолого-педагогических рекомендаций для преподавателей и сотрудников психологической службы вуза по развитию представлений в группах студентов с разными типами представлений о профессии. Для студентов с ***«диффузным»*** типом представлений о профессии важным направлением развития представлений является определение субъективной ценности профессиональной деятельности психолога, развитие стремления к достижениям, умения ставить цели и добиваться их реализации.

Студентам с «эгоистичным» типом необходимо развивать способности создавать доверительную обстановку в общении, отходить от оценочных стереотипов в общении с людьми, не пытаться управлять людьми и их взглядами на жизнь.

Для успешной реализации в профессиональной сфере студентам с ***«незавершенным»*** типом представлений о профессии необходимо развивать свои коммуникативные и адаптивные способности, гибкость и подвижность эмоций и изменить направленность представлений с собственных эмоциональных переживаний на восприятие и понимание другого человека.

Студентам с ***«непрофессиональным»*** типом представлений о профессии необходимо, прежде всего, решить собственные психологические проблемы и научиться логически анализировать поведение других людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донцов А.И., Белокрылова Г.М. Профессиональные представления студентов-психологов // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 42–49.
2. Любимова Г.Ю. Представления психологов-старшекурсников о своей будущей профессиональной деятельности // Вестник МГУ. – Сер. 14. Психология. – 2002. – № 2. – С. 64–72.

ГОТОВНОСТЬ К ПЕРЕМЕНАМ У ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ НА РАЗЛИЧНЫХ СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА

Руденко В.Н.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, предметом которого выступила готовность предпринимателей к переменам. Выявлены специфические различия в индивидуальных особенностях личности бизнесменов, бизнес которых находится на начальной стадии – «организация и запуск» и более зрелой стадии – «развитие и стабилизация».

Ключевые слова: *предприниматель, готовность к переменам, бизнес стадии.*

Готовность к переменам или «инновативная диспозиция личности» – это предрасположенность личности к изменениям и нововведениям. Так, в исследованиях О.С. Советовой было показано, что инновативная диспозиция (как обобщенная, так и конкретная) может быть связана с личностными свойствами. Это предположение и выступило в качестве теоретической предпосылки нашего исследования.

Для изучения готовности к переменам у предпринимателей на различных стадиях развития бизнеса были использованы следующие психологические методики: личностный опросник на готовность к переменам (Personal change–readiness survey, PCRS), методика Майерс-Бриггс в адаптации Абельской Е.Ф. (MBTI), опросник Зимбардо по временной перспективе в адаптации Сырцовой А. (Zimbardo Time Perspective Inventory, ZTPI); а так же ряд других анкет, направленных на изучение различных сторон ведения бизнеса. Всего опрошено от 60 до 105 предпринимателей (малый бизнес) – количество респондентов варьировалось в зависимости от количества заполненных методик и анкет (полный комплект состоял из шести).

Рассмотрим полученные исследовательские данные сквозь показатели индивидуальных черт, выявленных посредством опросника PCRS. Методика «Личностная готовность к переменам» – «Personal change–readiness survey» разработана канадскими учеными Ролником, Хезером, Голдом и Халом. Перевод и первичная апробация данной методики были проведены Н. Бажановой и Г.Л. Бардиер. Выбор наиболее удачных формулировок перевода утверждений был осуществлен с привлечением двуязычных экспертов, в том числе и специалистов в области психологии. Черты, измеряемые в этом опроснике, особенно важны при рассмотрении стрессовых ситуаций, возникающих в связи с переменами в различном контексте [1, с. 172].

Изучение корреляционных взаимосвязей семи шкал методики PCRS со шкалами других методик, было дополнено исследованием внутренней валидности и факторной взаимосвязи шкал. Совокупность приемов позволила выделить в опроснике группы факторов, близких по характеру свойств. Таким образом, помимо показателей по конкретным шкалам и «общей готовности к переменам» (сумма баллов по всем шкалам), были выделены конструкты «страстно-находчивый тип готовности к переменам» (СНГ) и «толерантно-адаптивный тип готовности к переменам» (ТАГ), что созвучно представлениям М. Киртон, делившей людей в зависимости от стилей когнитивных процессов и мышления на адаптивных и новаторов.

Факторный анализ шкал методики показал, что в первый конструкт входят шкалы «страстность», «находчивость», «уверенность», «оптимизм»; во второй: «толерантность к двусмысленности», «адаптивность» и «смелость, предприимчивость». Ядром различий выделяемых конструктов явилась статистически значимая отрицательная взаимосвязь между шкалами «страстность» и «адаптивность» (N=68, p=-0,00405) и отрицательное напряжение на полюсах «страстность-находчивость» и «адаптивность-толерантность к двусмысленности». Шкалы «оптимизм» и «смелость, предприимчивость» добавлены в конструкты по степени наибольшей корреляционной близости, хотя и имеют положительные взаимосвязи со шкалами входящими в оба типа конструктов.

Верность принципа выделения конструктов внутри одной методики подтверждается их разнонаправленными связями со шкалами других опросников, и в первую очередь это проявилось в выраженности ориентации на будущее (шкала методики ZTPI).

Зимбардо с коллегами основываясь на концепции жизненного пространства К. Левина выдели пять временных шкал, пять временных ориентаций личности которые могут доминировать в мыслях человека. Так, Левин рассматривал временную перспективу как видение индивидом своего будущего или прошлого в своем настоящем и предполагал, что когнитивная деятельность и эмоции о прошлом или будущем могут влиять на действия, эмоции и когнитивную деятельность в настоящем и на стремления в будущем [3, с. 292].

В методике представлены два аспекта ориентации на прошлое – негативное и позитивное прошлое, два аспекта ориентации на настоящее – гедонистическое и фаталистическое настоящее, а так же ориентацию на будущее. Последняя, характеризует наличие у респондентов целей и планов на будущее, а так же поведение направленное на выполнение этих планов и реализацию поставленных целей.

И как уже было указано выше «страстно-находчивый тип готовности к переменам» и «толерантно-адаптивный тип готовности к переменам» обнаружили интересную взаимосвязь с ориентацией на будущее. Первый тип показал положительную взаимосвязь (N=62, p=0,00024), второй тип – отрицательную (p=-0,00396). Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно отметить, что готовность к изменениям – это не только готовность реагировать на изменения, но и готовность реагировать определенным образом, где степень ориентации на будущее выступает определенного рода знаменателем. Сразу предполагаем, что бизнесмены первого типа – планируют изменения и создают события, а вторые используют более гибкую стратегию за счет снижения проактивности.

Из общих свойств готовности к изменениям в их взаимосвязи с временными перспективами, можно отметить, что оба типа (СНГ и ТАГ) отрицательно связаны с ориентацией на негативное прошлое (p=-0,00291 и p=-0,01088 соответственно) и ориентацией на фаталистическое настоящее (p=-0,00002 и p=-0,02882 соответственно). Иными словами, готовность к изменениям не терпит пессимизма и предопределенности.

Специфика 2-х типов готовности к изменениям также раскрывается благодаря данным полученным по методике Майерс-Бриггс. Напомним, что последняя позволяет определить принадлежность респондента к тому или иному полюсу четырех дихотомических шкал личностных предпочтений: экстраверсии (E) – интроверсии (I), сенсорики (S) – интуиции (N), мышления (T) – чувства (F), организованности (J) – гибкости (P), и к одному из 16 личностных типов, образованных ими.

Так было выявлено, что «страстно-находчивый тип готовности к переменам» положительно связан с экстраверсией (N=60, p=0,00108), «толерантно-адаптивный тип готовности к переменам» с интуицией (p=0,00028), а «общая готовность к переменам» – как с экстраверсией (p=0,00025), так и с интуицией (p=0,00024). Т.е. наиболее сильную совокупную готовность к изменениям, реализующую себя по обоим указанным типам готовности, показали следующие типы: «новатор» (ENTP), «инициатор» (ENTF), «предприниматель» (ENTJ) и «наставник» (ENFJ).

Таким образом, «суммируя» полученные данные, кратко охарактеризуем типы готовности к переменам: «страстно-находчивый тип» экстравертен и характеризуется нацеленностью на будущее, «толерантно-адаптивный тип» интуитивен и не опирается на будущее. По нашему мнению, данные типы обогащают и дополняют друг друга, если первый – активный, расширяющий пространство субъекта, то второй – стабилизирующий, поддерживающий целостность и идентичность субъекта. Преобладание одного типа над другим будет определять стиль реагирования на изменения, а так же, как мы предполагаем – преобладание стиля может сигнализировать о характере текущей деятельности. Разные бизнес ситуации, уровни развития бизнеса требуют от личности предпринимателя различных способностей и действий. Так было проведено дополнительное изучение корреляционных взаимосвязей шкал психологических методик со стадиями развития предпринимательских проектов.

В дополнительной анкете, предпринимателям было предложено определить стадию развития своих проектов. Мы использовали стадиальность предложенную экономистами Лазаревым В.Н. и Ведерниковым А.Ю и описанную в монографии «Методологические проблемы управления информационным взаимодействием (на примере региональной системы малого предпринимательства)» [2]. Стадии характеризуются следующими показателями информационного обмена (специфика информационного обмена выбрана в качестве ключевого индикатора развития и деления бизнеса на стадии развития).

1. Организация и запуск. Характеризуется необходимостью разработки стратегической модели ведения бизнеса, определения общих условий ведения деятельности и изучением параметров коньюктуры рынка.
2. Разработка и становление. Характеризуется необходимостью разработки ресурсной модели,

получению технико-экономической информации, поиском технологий, определении цены ресурсов и кредитов.

3. Развитие и стабилизация. Характеризуется необходимостью укрепления позиций на рынке, определением оперативной коммерческой информации, работа с потребностями потребителей, формирование структуры предложения и товарных запасов.
4. Стагнация и затухание. Предполагает завершение цикла. Специфика информационного обмена соответствует первой стадии.
5. Дополнительным корреляционным сравнением (вопросы о сложности работы с информацией) было установлено:

– стадия «организация и запуск» характеризуется сложностью применения знаний (N=84, p=0,04571);
– зрелая стадия «развитие и стабилизация» бизнеса не вызывает сложности применения знаний (p=-0,00784), в частности в связи с укреплением позиций на рынке (p=-0,00104) и работой с оперативной коммерческой информацией (p=-0,01687). Данной стадия ставит перед предпринимателями затруднения в оценке, анализе и защите информации (p=0,00803). Это касается как укрепления позиции на рынке (p=0,02007), так и работы с оперативной коммерческой информацией (p=0,00105), выявлением потребностей потребителей, разработке структуры предложения и формирования товарных запасов (p=0,00469). Более того, озвучим данные выходящие за рамки данных тезисов – работа с оперативной коммерческой информацией даже снижает престиж профессии (N=82, p=-0,00379), престиж оценивался по 10-ти бальной шкале.

Между психологическими характеристиками личности предпринимателей, в частности готовностью к изменениям и стадиями развития бизнеса, с их специфическим информационным обменом обнаружены корреляционные взаимосвязи.

На стадии «развитие и стабилизация» на статистически значимом уровне проявляется толерантно-адаптивный тип готовности к переменам (N=67, p=0,04427), а на стадии «организация и запуск» наблюдается обратная тенденция, стиль не выражен (p=-0,04519). Как было нами замечено, данная реакция в первую очередь связана со шкалой «tolerance for ambiguity». «Толерантность к двусмысленности» опирается на спокойное отношение к отсутствию ясных ответов, самообладание в ситуациях, когда не ясна суть происходящего или не ясен исход дела, когда не определены цели и ожидания, когда начатое дело остается незавершенным» [1, с. 45]. На наш взгляд, данный результат вполне закономерен и вписывается в логику развития бизнеса – на первом этапе, предприниматель стремится уменьшить неопределенность, и у него как минимум должен быть достаточно четкий план действий по запуску дела. По мере же роста и развития бизнеса ясность действий, оценка бизнес-ситуации может затушевываться рутинизироваться.

Выше озвученные результаты созвучны с данным полученными по шкале MBTI «организованность-гибкость». Если на стадии «организация и запуск» полюс смещен в сторону организованности (N=61, p=-0,00009), то на стадии «развитие и стабилизация» – уже в сторону гибкости (p=-0,01395). Явление может объясняться в двух направлениях: с одной стороны, изменение личности в процессе профессиональной деятельности, с другой – разные типы личности по разному трактуют и оценивают стадию развития предпринимательского проекта и информационные потребности.

Рассматривая стадии развития бизнеса через анализ специфических информационных потребностей, присущих этим стадиям обнаружен ряд взаимосвязей.

Высокая потребность в информации о потребностях потребителей, структуре коммерческого предложения, складских запасов сопровождается низкими показателями по шкалам «страстность» (N=65, p=-0,04189), «оптимизм» (p=-0,01881) и страстно-находчивому типу готовности к изменениям (p=-0,04062), а так же снижением ориентации на будущее (N=62, p=-0,00632) и увеличением ориентации на фаталистическое настоящее (p=-0,01485). Увеличение ориентации на фаталистическое настоящее так же сопровождается повышением потребности в информации, направленной на укрепление позиции компании на рынке (p=0,02184).

Высокая «общая готовность к изменениям» сопровождается снижением потребности в информации, способствующей определению общих условий ведения предпринимательской деятельности (p=-0,03997). Последняя информационная потребность положительно коррелирует с интроверсией (p=0,02737) – интроверты, по всей видимости, хотят «охватить и перенести» всю внешнюю информацию об условиях ведения бизнеса во внутрь.

Резюмируя выше сказанное, отметим главное. К переходу предпринимательского проекта в стадию «развитие и стабилизация», по полученным данным, у бизнесменов наблюдается выработка «толерантно-адаптивного стиля готовности к переменам». Появляется гибкость (за счет снижения организованности), вырабатывается толерантность к двусмысленности. В это же самое время снижается страстность, так необходимая в начальной стадии разработки проекта, что отчасти может свидетель-

ствовать о снижении первоначального мотивационного устремления.

В ходе развития бизнеса у предпринимателей наблюдается увеличение ориентации на настоящее и снижение ориентации на будущее. На стадии «развитие и стабилизация» поиск и анализ информации, изучение потребностей потребителей, структуры предложения и товарных запасов – выходит на первый план и становится одной из ключевых проблемных областей в деятельности. Все это происходит на фоне снижения оптимизма. Последний факт может быть связан как с общей тенденций профессиональной деятельности отечественных предпринимателей («усталость от бизнеса»), так и с текущей ситуации так называемого «мирового финансового кризиса».

Таким образом, изучение личностных черт и проявлений инновативной диспозиции предпринимателей может являться перспективным подходом в психологическом сопровождении деятельности бизнесменов в целях формирования и коррекции личностных механизмов инновационной деятельности. В данном случае, проведенное исследование показывает необходимость учета не только особенностей субъекта деятельности, но и конкретной ситуации деятельности, стадии развития бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанова Н.А. Личностная готовность к переменам в контексте исследования феномена «ожидания» / Перевод и апробация опросника «Personal change-readiness survey» // Acta eruditorum. Научные доклады и сообщения (Приложение к журналу «Вестник РХГА», Т.2). – СПб.: Изд-во РХГА, 2005. – С. 169–178.
2. Лазарев В.Н., Ведерников А.Ю. Методологические проблемы управления информационным взаимодействием (на примере региональной системы малого предпринимательства). – Ульяновск: УлГТУ, 2000. – 127 с.
3. Сырцова А. Понятие временных ориентаций личности в ракурсе возрастной психологии – концептуальные основы исследования // «Ломоносов 2006». Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых по фундаментальным наукам. Тезисы докладов / Под общ. ред. В.Н. Сидоренко. – М.: МГУ, 2006. – С. 292–293.

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ В ПОРНОГРАФИИ

Горельцева В.В.

Цель данной статьи – осветить некоторые из современных подходов к разделению эротического и порнографического и попытаться определить их место в системе сексуальных отношений в паре. В статье рассматриваются подходы Л. Ульямс и А. Денщик, моральный и правовой аспекты производства и потребления порнографии, культурно-семиотический анализ порнографического изображения Е. Григорьевой, затрагивается проблема порнозависимости и влияния порнографической продукции.

Ключевые слова: *эротика, порнография, сексуальность, интимность.*

Сексуальность, что особенно подчеркивается в экзистенциальной психологии, есть *данность*, оформляемая определенными культурными нормами и запретами, определяющими круг дозволенного в сексуальных отношениях. Как известно, отношения в паре в своей зрелой форме, обнаруживаю себя в качестве автономии, для которой характерна меньшая ориентация на культурные запреты и социальные ограничения. Зрелые сексуальные отношения любви, по О. Кернбергу, предполагают реализацию в них самых ранних, инфантильных эротических фантазий [10]. Либерализация сексуальной морали и сексуального поведения предполагает свободу от рестриктивных норм, свободу вообще от всякого подавления и «свободное развертывание» человеческой сексуальности. Предполагается, что эта свобода как бы приводит человека (в сексуальном отношении) к самому себе [7].

В связи с этим Л. Ульямс (L. Williams) выделяет понятия *на/сценности* и *за/сценности* как показатели и характеристики принимаемого в официальной культуре или остающимся за пределами социальности [11]. Здесь наиболее ярким примером, значимым в нашем исследовании, предстает феномен разделения эротики и порнографии, как форм «визуальной репрезентации сексуальности» (П. Феган). Эротика понимается нами как «внутреннее переживание, связанное с сексуальностью, так же определенная оценка и отношение к ней» (Обуховский, 1977).

Проблемное поле данного феномена включает в себя: собственно «вопрос дефиниции (порнография или эротика), вопрос о законности (гарантированная Конституцией свобода слова), вопрос о нравственности (мотивы и последствия производства и потребления порнографии)» [4, С. 109], в т.ч. репрезентацию сексуальных девиаций, подростковый и детский секс, коммерциализацию отношений и порнозависимость.

Противниками узаконивания порнографии являются, как правило, феминистки и представители религиозных культов. Так, по С. Зонтаг, порнография – «проблема истории общества, психологический симптом девиантности (как производителей, так и потребителей порнографической продукции)» [6, с. 65]. Проблема отделения порнографического от непорнографического в первую очередь связана с действием юридических норм, регулирующих производство, распространение и использование порнографической продукции. Однако в широком правовом контексте порнография рассматривается как «социально-психологическое явление, присущее любому обществу независимо от его общественно-политической и культурной ориентации» [2]. Важно отметить, что проблема власти, господства и подчинения, считается историками культуры одной из центральных в вопросе нормирования сексуальных отношений.

С целью нормирования кино-продукции, как средства репрезентации эротических материалов, была выработана определенная система оценок, начинавшая свою историю с размытого критерия «непристойности», в рамках которого оперировали такими юридическими терминами как «*низменные инстинкты*» и «*явно оскорбительный*», и в настоящий момент существующая как жесткая система предписаний [9, с. 197]. *Так специалистами Центра судебной экспертизы МЮ РФ эротика и порнография дифференцируются по критерию замысла (содержания) и воплощения: 1) по замыслу: а) замысел порнографии достаточно одномерен, аналитичен и включает лишь одну идею – показ*

натурализма области гениталий и самого полового акта; б) порнография жестко функциональна, она вызывает только сексуальное возбуждение; в) оперирует стандартными клише и вследствие этого ее основной целью является нарушение общественных условностей, спекуляция на дефиците новизны – показ необычных форм половой жизни, сильнее возбуждающих людей; г) коммерция, тиражирование, массовость, стандартность – производство, нацеленное на получение прибыли; д) имеет дело со стандартным, деиндивидуализированным сексом, ее предметом является не личность, не индивидуальное тело, а гениталии; е) отрицает нравственность, унижает человека, превращая его в объект сексуальных манипуляций; 2) по воплощению (приемам, средствам): а) приемы и средства порнографии используются только для демонстрации чистой физиологии – натурализма гениталий и половых отношений; б) преимущественное использование крупного плана, направленности освещения, а также прямых ракурсов съемки с целью фиксации деталей того или иного фрагмента сексуальных отношений либо анатомо-физиологических подробностей половых органов, актов естественных отправлений человеческого организма и пр.

В настоящий момент существует большое количество исследований и публикаций собственно психологического характера, в которых авторы освещают проблемы порнозависимости, её последствия и осуществляют собственно психологический подход в разработке критериев и сущностных характеристик порнографического. Среди факторов, влияющих на степень социальной опасности порнографической продукции, выделяют: а) содержание эротических стимулов; б) продолжительность воздействия порнографии; в) тип человека, потребляющего информацию порнографического характера [2].

По А. Денщик, формообразующими признаками порнографии являются [5]:

- фрагментация тела;
- акцент, замена, сведение всего тела к его частям – губам, груди, половым органам, ягодицам;
- использование метафоры «человек (женщина) – животное»;
- репрезентация женщины как объекта;
- репрезентация женщины (реже – мужчины) как безвольного, не способного контролировать себя существа;
- гиперболизация;
- настойчивая, акцентированная вульгаризация.

Порнография так же рассматривается как тип условности или прием в искусстве: порнотопия как нарочитое преувеличение, гипертрофирование крупных планов, стремящихся вызвать реакцию физиологического порядка. Цель – преувеличить реальность с целью изменения нормального репродуктивного видения. По С. Маркусу [9], «всё это как-то слишком правдиво, слишком близко, чтобы стать правдой: и как раз это-то и зачаровывает: избыток реальности, гиперреальность вещи». В широком философском контексте порнография есть форма проявления *отчуждения от реальности*, – яркий пример философии постмодерна – Ж. Бодрийяр: «сегодня на производство такого рода реальности, такого рода сверхреальности ориентированы все mass media и информация (вспомним многообразные интервью, прямой эфир, кино, документальное телевидение). Они производят ее настолько много, что мы оказываемся окруженными непристойностью и порнографией. Наезд камеры на объект, по сути дела порносъемка, делает для нас реальным то, что реальностью никогда не было, что всегда имело смысл только на некотором расстоянии» [1, с. 93].

Порнография может рассматриваться как *способ* репрезентации идеи, материалов в том числе несексуального характера.

Е. Григорьева определяет данные свойства порнографического изображения с искусствоведческой и культурно-семиотической позиции через «метрику изображения», композиционные особенности регулярного поля, имеющего границы, или рамку, и в случае с порнографией, реализующие феномен «замочной скважины», основанный на физических свойствах оптики – способности маленького отверстия концентрировать изображение, делать его четче. Важным здесь также является принцип соположения наблюдателя и наблюдаемого, позволяющий увидеть *невидимое*, которое может получать разнообразное толкование. «В определенном смысле, само изображение есть свойство или порождение *границы*» (курсив мой) [3, с. 181]. С этой точки зрения сексуализация образа создается его *недостижимостью*.

В порнографии происходит нарушение закона, преимущественно «сознательного» восприятия произведения, т.е. разрушение ментальной границы между человеческим телом и артефактом («телесная плотность» современного зрения по Дж. Керри). Е. Григорьева так же указывает на значимость присоединения порнографии к искусству: «В этом смысле, как только творчество, например, Де Сада провозглашается искусством, оно теряет свои трансгрессивные свойства, и, напротив, в определенных условиях и портрет Махатмы Ганди может стать объектом направленной сексуальности» [3, с. 200].

Реализм изображения исчезает через концептуальное размывание, растворение границы, как материализованного препятствия-разграничения, существующего в сознании рецепиента.

Утверждая примат воображаемого по Лакану («кино учит нас, *как* желать», С. Жижек), Л. Ульямс заключает: «Вместо того, чтобы говорить о том, что

каждому типу сексуальных предпочтений соответствует определенный тип порнографии, мне представляется более целесообразным рассматривать порнографию в качестве неотъемлемой составляющей процесса привыкания зрителя к практике получения самых разных типов сексуальных удовольствий – визуальных и инстинктивных, – удовольствий, как рождающихся в их воображении, так и ощущаемых чисто физически» [11]. Л. Ульямс говорит о порнографии, ссылаясь на М. Фуко, как о способе «проговаривания секса», необходимом, в основном, для секс-меньшинств.

В книге «Порнография и непристойность» (1929) Д.Г. Лоуренс к основным признакам порнографии относит ее нелегальность «порнография никогда не проявляет себя открыто», а так же то, что она «во всех без исключения случаях оскорбительна – как для секса, так и для самого человека»; порнография как проявление «нравственной безупречности» – презрения и неприятия здоровой сексуальности, «почесывание маленького грязного секрета», продукт действия «секретности и скрытности», в которых всегда заключен элемент «страха, зачастую, граничащий с ненавистью» [8, с. 56]. Данная точка зрения разрешается в определении необходимости полной открытости и обсуждения вопросов сексуальности, в попытке «хотя бы сказать своей подрастающей и надоедливо проказливой дочери: «Девочка моя, единственный раз, когда благодаря тебе я получил удовольствие, был тот момент, когда мы с твоей мамой зачинали тебя».[8, с. 67]. С. Дацюк определяет главную трудность на этом пути, называя ее «*синдромом опеки*»: «Вначале молодой человек вынужден соотносить свой запрос на порнографию с опекой своих родителей. Затем, когда у него появляются собственные дети, с возможной опасностью для них, то есть со своей опекой над ними. Именно этот трансфер опеки предохранял и предохраняет нас от превращения порнографии в публичную культуру, заставляя выделять ей некоторые специальные, барьерами огражденные, области распространения» – т.е. значимая проблема здесь также путь межпоколенной трансляции ценностей.

Так феномен порнографии можно рассматривать как *запрос* на «честность» или «правдивость» в вопросах сексуальности, который, однако, ей самой не является.

Таким образом, при изучении представлений об эротике особенности отношения к порнографии могут стать путем понимания реализованности индивида в эротической сфере, ее ценностно-смысловой целостности и способности к установлению отношений доверия и интимности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийар Ж.В Тени молчаливого большинства, или Конец социального / Пер. с фр. Н.В. Суслова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. Бушмин С.И. Порнография: Уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 1993. – 22 с.
3. Григорьева Е.Г. Эмблема: очерки по теории и прагматике регулярных механизмов культуры. – М.: Водолей Publisher, 2005. – 232 с.
4. Гощило Е. Новые члены (members) и органы: политика порнографии // Женщина и визуальные знаки / Под ред. А. Альчук. – М.: Идея-Пресс, 2000. – С. 107–144.
5. Денщик А. Порнографическое воображаемое в поле социального // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. – Саратов: Научная книга, 2006.
6. Зонтаг С. Порнографическое воображение // Мысль как страсть / Сост., общ. ред., пер. с фр. Б. Дубина. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
7. Ионин Л.Г. Укрощенная эротика // Журнал «Человек». – М., 1992. – № 3.
8. Луренс Д.Г. Психоанализ и бессознательное. Порнография и непристойность. – М.: Эксмо, 2003. – 480 с.
9. Нагаев В.В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертизы: монография. – М.:ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 336 с.
10. Кернберг Отто Ф. Отношения любви: норма и патология / Пер. с англ. М.Н. Гергиевой. – М.: Независимая фирма «Класс», 2006. – 256 с.
11. Уильямс Л. Жесткое порно. Власть, удовольствие и «неистовство визуального» // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 3(29). http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/ui.html

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ «APPEARANCE» ПЕРФЕКЦИОНИЗМА

Ильин Г.С.

Рассматриваются социокультурные факторы актуализации «appearance» перфекционизма. Указывается на доминирование перфекционистских стремлений личности относительно физических компонентов ее внешнего облика. Раскрывается роль СМИ в формировании критериев привлекательности, значимости идеалов красоты для современного человека, а также в возникновении у него социальной обеспокоенности по поводу своего внешнего облика и как следствие в возникновении установки на его изменение. Указывается на роль личностных факторов в формировании «appearance» перфекционизма, а также на то, что особое внимание при их исследовании необходимо уделять субъектному отношению к своему внешнему облику. Утверждаются социально-психологические особенности перфекционистской личности, которые могут приводить к затрудненному общению.

Ключевые слова: *«appearance» перфекционизм, внешний облик, средства массовой информации, стереотип физической привлекательности, социальная обеспокоенность внешним обликом, телесные практики, субъектный подход к внешнему облику, социальные установки, интерперсональный перфекционизм, затрудненное общение.*

В настоящее время проблема перфекционизма, связанного с внешнем обликом,[1] активно освещается в научной литературе (Л.Т. Баранская, 2008; Е.Т. Соколова, 2009; В.В. Травова, 2008; Downey C.A. & Chang E.C., 2007; Dunn J.G.H., Gotwals J.K., & Causgrove Dunn J., 2005; Evans P.C., 2003; Haase A.M., Prapavessis H., & Owens R.G., 2002 и др.). Во многих работах утверждается, что перфекционизм (чрезмерное стремление к совершенству) стал важнейшей характеристикой современного человека. Актуализация перфекционизма связывается с психологией консюмеризма (потребительства), характеризующей современное общество, в котором значимое место отводится идеальному, вечно молодому, стройному и подтянутому телу, являющемся эталоном успешности, жизненной состоятельности, счастья и удовлетворенности собой [2]. Культ совершенства, порождаемый таким образом, превращается в массовую погоню за идеалом, приобретающую черты зависимости, которую Е.Т. Соколова называет, нарциссическим перфекционизмом. Е.Т. Соколова так описывает современного человека-нарцисса: «он постепенно теряет внутреннюю определенность..., его чувство Я диффузно, расплывчато... Жизнь теряет привлекательность и все усилия сконцентрированы на поддержании самоуважения. Сущность нарциссического самоутверждения состоит в непрестанной шлифовке манипуляций, заставляющих других людей обращать внимание на «блестящий фасад» и не замечать ужасающей внутренней пустоты...» [10, с. 69].

Другой причиной «appearance» перфекционизма является, так называемый феномен индивидуализации, возникающий в связи с процессом модернизации индустриального или капиталистического общества и превращение его в глобальное общество – «общество индивида» [2]. В таком обществе, по меткому замечанию Л.Т. Баранской «Человек становится импресарио собственного облика, реализуя стратегию своего личного жизненного маркетинга, рекламы и PR» [2, с. 88]. Но в результате оказывается, что «облик не опирается на логику различия, индивидуации... Человек невсегда

1 На наш взгляд, для обозначения перфекционистских тенденций личности, связанных с ее внешним обликом целесообразно использовать понятие «appearance» (от англ. appearance – внешность, внешний вид, внешний облик) перфекционизм» вместо более распространенного понятия «телесного перфекционизма». Так как вводимое нами понятие охватывает все компоненты, входящие в структуру внешнего облика, а не только тело (габитус)

контролирует этот имидж, который начинает жить своей жизнью, поскольку не отражает суть личности, ее идентичность, а является «личностью-для-других», обеспечивающей тайну возраста, этничности, пола» [там же].

В связи с данными характеристиками современного человека и общества в целом поднимаются проблемы «социокультурной патологии» самоидентичности (Е.Т. Соколова) и «культурной патологии» личности (Л.Т. Баранская). Существование данных феноменов указывает на огромную роль социально-культурных факторов в возникновении потребностей к совершенствованию телесности, внешнего облика.

Если рассматривать различные компоненты структуры внешнего облика, которые подвергаются идеализированию в современном обществе, и как следствие развиваются перфекционистские стремлений личности по отношению к ним, то «больший удельный вес» принадлежит именно телу или физическим компонентам внешнего облика. Ж. Липовецки следующим образом говорит о соотношении значимости оформления тела посредствам модной одежды и красоты самого тела: «Если мода в области одежды становится все менее настоятельной и ей отводится в бюджете все меньше места, то критерии красоты тела заявляют о себе с удесятеренной силой. Чем единообразнее мода, тем с большей очевидностью стройное и сильное тело превращается в общепринятую норму» [цит. по 2, с. 91]. Кинестические же паттерны (образцы движений и манера держаться) формируются и преобразуются посредствам систематических тренировок тела. Образ спортивного тела становится более важным, чем вся модная элегантность, которая его сопровождает [1].

В нашем информационном обществе ключевая роль в трансляции идеального, вечно молодого, здорового, подтянутого и сексапильного тела и ассоциированных с ним успеха, благополучия и удачи, принадлежит средствам массовой информации, которые наполнены поп-, глэм- культурным содержанием. СМИ влияют на формирования критериев «привлекательности», что доказывает факт социальной обусловленности в отношении телесносной организации человека или физических компонентов его внешнего облика [11]. Подтверждением факта культурного влияния на оценку физических компонентов внешности могут служить исследования, проведенные на материале косметологии. Как отмечает Т.А. Ребенко, ссылаясь на работы Sarwer D.B., Crerand C.E [12], в последнее десятилетие не только расширился спектр «запросов» по оперативному изменению внешности, но и репертуар мишений «оперативного воздействия». Социокультурные факторы обусловливают не только идеал красоты, но и значимость данного параметра для человека [9].

С.Е. Мартынов на примере подростков следующим образом объясняет формирование образа идеального тела в самосознании человека [8]. В обществе складывается стереотип физической привлекательности, предполагающий, что более красивые люди счастливее, сексуальнее, коммуникабельнее, умнее и удачливее. Усвоение данных представлений происходит в раннем детстве. СМИ используют этот стереотип для создания мифа о жизни обладателей красивой внешности. Затем этот мифический образ занимает место эстетического и этического идеала в мире подростка, а также идеального образа тела в его самосознании. Находясь под постоянным влиянием СМИ, транслирующих идеальные формы тела, человек пытается соответствовать им, при этом его самоотношение находится в тесной связи с оценкой собственного тела. Осознание несоответствия идеалам красоты порождает социальную обеспокоенность по поводу своего внешнего облика. В результате формируется установка на его изменение

Однако не следует абсолютизировать роль социокультурных факторов в формировании перфекционистских тенденций личности, касающихся ее внешнего облика. Согласно классическому положению культурно-исторической теории Л.С. Выготского, внешнее (социокультурные факторы) действует через внутренние причины и только в том случае, если эти воздействия имеют отношение к внутренним состояниям системы, например, личностной организации [4]. В связи с этим необходимо рассматривать личные особенности людей в категориях потребностей, мотивов, ценностей, совладающих стратегий, когнитивной оснащенности и т.д. [3], обеспокоенных своей внешностью и постоянно прибегающих к разного рода телесным практикам и способам изменения (улучшения) своего внешнего облика. Помимо институциональных стандартов (в которых проявляется влияние глобального общества) в формировании тела принимает активное участие его обладатель: «Нет ни малейших оснований считать «я», сложившееся на основании переживания собственного тела и связанное с ним нерасторжимыми узами, послушным исполнителем чужих приказов, покорно воспроизводящим институционально принятые модели» [2, с. 91]. Так, типичными потребителями услуг, предлагаемых индустрией красоты, становятся люди, лишенные внутренних ориентиров, склонные к социальному комформизму, автоматически и некритически усваивающие пропагандируемые СМИ ценности и социокультурные стереотипы, относящиеся к телесному несовершенству и признакам старения, подталкивающих людей к самым радикальным методам усовершенствования внешности [10]. Но эти данные характеризуют лиц с погранично-нарциссической личностной организацией (Е.Т. Соколова), находящейся на границе с патологическим нарциссизмом.

При рассмотрении же «appearance» перфекционизма основанном на «нормативной» социальной обеспокоенности своим внешним обликом обсуждаемые внутренние причины наполняются другим содержанием. В прояснении последних необходимо прибегнуть к субъектному подходу к внешнему облику, предлагаемому В.А. Лабунской [7]. С позиции данного подхода внешний облик представляет собой репрезентацию «моделей мира», активно выстроенных субъектом, а преобразовательная активность, направленная на внешний облик, является средством преобразования этим субъектом самого мира, личности и ее бытия [там же]. Неудовлетворенность своим внешним обликом, возникающее желание его изменить являются показателями субъектного отношения к нему, включения его в систему значимых переживаний и превращения в одну из ценностей, «смысловых центров человеческого бытия» [там же].

Таким образом, несмотря на явные социокультурные факторы, приводящие к возникновению неудовлетворенности внешним обликом, нельзя относиться к данному феномену однозначно. Для его полного понимания и исследования перфекционистских установок личности, касающихся ее внешнего облика, необходимо учитывать и «внутренние причины», среди которых отводится особое место субъектному отношению личности к своему внешнему облику.

С другой стороны, при рассмотрении «appearance» перфекционизма как социально-психологического феномена, возникает необходимость раскрытия социальных установок перфекционистской личности. Данная характеристика может быть концептуализирована в рамках так называемого интерперсонального перфекционизма, представляющего собой отдельный компонент перфекционизма [5]. Так из представленных в литературе многомерных моделей перфекционизма (модели П. Хьюита и Г. Флита; Р. Фроста, Р. Слэни и Дж. Эшби) его интерперсональному компаненту в модели Хьюита и Г. Флита соответствуют параметры: «перфекционизм, адресованный другим людям» (ожидание совершенства от людей и постоянное их оценивание), «социально-предписываемый перфекционизм» (убежденность, что люди нереалистичны в своих ожиданиях, в том числе и касательно самого индивида) [5]. В рамках модели Р. Слэни и Дж. Эшби выделяется параметр «проблема в интерперсональных отношениях». Помимо этого «appearance» перфекционизм в своем интерперсональном компоненте может быть связан со склонностью завистливого отношения к людям, чей внешний облик по субъективным оценкам перфекционистской личности является «лучше». Как отмечает Б. Килборн: «зависть играет важную роль в защите от стыда» [6, с. 46], возникающего в результате крайней неудовлетворенности своим внешним обликом.

Данные социально-психологические характеристики личности могут выступать причинами затрудненного общения. В этой связи, на наш взгляд, особенно актуальным представляется исследование перфекционистской личности как субъекта затрудненного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алкемайер Т. Социология спорта. Телесные практики субъективации и самоинсценировки / Пер. с нем. В. Калиничеко // Логос. – 2006. – 3 (54). – С. 141–146.
2. Баранская Л.Т. Психология нарциссической трансформации действий человека, направленных на изменение внешности // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 56. – С. 88–97.
3. Баранская Л.Т. Развитие специфического личностного синдрома у пациентов эстетической хирургии // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 60. – С. 26-34.
4. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1983. – Т. 3.
5. Гаранян Н.Г. Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
6. Килборн Б. Исчезающие люди: стыд и внешний облик / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2007. – 269 с. (Библиотека психоанализа).
7. Лабунская В.А. Субъектная интерпритация феномена «нормативной неудовлетворенности внешним обликом». Субъектный подход в психологии / Под. ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергеенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – С. 355–371.
8. Мартынов С.Е. Влияние СМИ на отношение человека к собственному телу (на материале молодежной аудитории). Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.II: Феномен «разорванной коммуникации»: Сб. статей / Под. ред. Я.Н. Засурского, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой, Е.Л. Вартановой, А.И. Подольского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 399 с.
9. Ребенко Т.А. Гендерная идентичность и репрезентация тела у женщин // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31. – № 1. – С. 15–31.
10. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. – 2009. – № 1. – С. 67–81.
11. Fallon E.A., Hausenblas H.A. Media image of the «ideal» female body: Can acute exercise moderate their psychological impact? // Body Image. – 2005. – V. 2. – N 1. – P. 81–86.
12. Sarwer D.B., Crerand C.E. Body image and cosmetic medical treatment // Body Image. – 2004. – V. 1. – N 1. – P. 99–111.

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОТНОШЕНИЯ К ЖИЗНИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ФОТОВИЗУАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ

Лакосина Н.В.

В статье излагаются результаты экспериментального исследования возрастной динамики отношения к жизни в связи с прохождением участниками процедуры фотовизуализации жизни. Описываются особенности метода фотовизуализации, включающего нарративное интервью и социально-психологический тренинг с элементами анализа и интерпретации фотографий важных жизненных событий. Выборка исследования составила 164 человека: 86 человек в возрасте от 20 до 25 лет, 78 человек в возрасте 24–44 лет.

Ключевые слова: *визуальная социально-психологическая история, фотовизуализация жизненных событий, отношение к жизни, удовлетворенность жизнью, временные установки.*

В современной психологической науке проблема отношения к жизни изучается в рамках различных подходов: возрастно-психологического (Л. Колберг, К. Гилиган, Э. Эриксон), субъектно-деятельностного (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская; Л.А. Логинова; С.Л. Рубинштейн), событийного (Е.Г. Головаха, А.А. Кроник), нарративного (Дж. Брунер), трансгенерационого подходов (Л. Сонди, А.Н. Шутценбергер) и подхода к изучению временной перспективы (Дж. Бойд, Ф. Зимбардо, А. Сырцова). Особое место данный термин получает в социальной психологии бытия, развивающемся направлении, предметом которого выступает ценностное отношение субъекта к миру и своей жизни [3].

Принципиальное отличие данного направления заключается в рассмотрении не просто жизни как таковой, а в изучении целостности существования, триединства проявления биопсихосоциокультурной природы человека. Акцент делается на исследовании социально-психологического бытия человека как ценностно-смыслового образования, обретение идентичности через конструирование новой субъективной реальности. Вследствие этого наряду с другими общеизвестными психологическими методами социальная психология бытия тяготеет к использованию нарративов и визуальных методов. Здесь мы сталкивается еще с одной тенденцией – с изучением «визуальной социально-психологической истории» (В.А. Лабунская [5]), интеграцией социальной психологии, психологии жизненного пути и визуальных исследований.

Тем не менее, необходимо отметить традицию рассмотрения термина «отношение к жизни» в современной науке в общей совокупности «жизненных категорий» (Н.В. Гришиной [1]): удовлетворенности жизнью, временной перспективы, временной ориентации, психологического благополучия и многих других – с частой подменой понятий и их синонимичным использованием.

Мы, придерживаясь понимания отношения, выраженного в работах А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского [12], Б.Ф. Ломова [6], пытаемся осуществить комплексное изучение отношения к жизни в рамках фотобиографичеких исследований [10]. В этой связи рассматриваем отношение как динамическую, многоуровневую систему, а отношение к жизни как ее частный компонент. Мы соглашаемся с невозможностью членения отношения на отдельные элементы и избегаем его структурного деления. Основой для дальнейшей работы выступает обращение к показателям отношения.

Под термином *«отношение к жизни»* мы понимаем динамическое свойство личности, вид психологического отношения субъекта к определенным временным периодам своей жизни (прошлому, настоящему, будущему и трансцендентному будущему), конкретизированным в жизненных событиях, отражающих особенности его взаимоотношений с другими и самоотношения.

Подчеркиваем, что отношение к жизни не может быть рассмотрено в одном ряду с такими понятиями как удовлетворенность жизнью или временная перспектива. Оно выступает интегративным понятием, не объединяющим указанные психологические явления, а выражающимся в них.

Целями нашего исследования выступило изучение возрастной специфики показателей отношения к жизни (в частности, удовлетворенности жизнью и про-

явления временных установок), а также выявление особенностей их динамики в результате экспериментального воздействия путем применения процедуры фотовизуализации жизненных событий.

Задачи исследования были следующие. 1. Выявление особенностей удовлетворенности жизнью и аттитюдов ко времени на этапах жизненного пути «молодость» и «взрослость», согласно периодизации, предложенной Слободчиковым В.И., Исаевым Е.И. [13]. 2. Определение специфики динамики выделенных показателей отношения к жизни в результате фотовизуализации жизненных событий.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Участники исследования.* Выборка составила 164 человека в возрасте от 20 до 44 лет. Были выделены шесть групп испытуемых по критерию «этап жизни» и «уровень экспериментального воздействия». Группу «молодость» составили 86 человек в возрасте от 20 до 25 лет (Мвозр=20,8 лет), в группу взрослость вошли 78 участников в возрасте 26–44 лет (Мвозр=33,2 года). Деление на подгруппы в соответствии с уровнем экспериментального воздействия было осуществлено следующим образом. В первую экспериментальную группу вошли 55 человек: 28 человек возрастной подгруппы «молодость» и 27 человек возрастной подгруппы «взрослость». Контрольную группу составили 60 человек (26 человек в возрасте от 20 до 25 лет и 34 человека в возрасте от 26 до 44 лет). Вторая экспериментальная группа состояла из 49 человек (32 и 17 человек соответственно).

Процедура исследования. Общая программа исследования включала: 1) психологическую диагностику, направленную на выявление особенностей показателей отношения к жизни респондента; 2) нарративное интервью; 3) социально-психологический тренинг с использованием техник фотовизуализации; 4) повторную психологическую диагностику, необходимую для изучения динамических изменений в отношении к жизни респондентов. Исследование было проведено в соответствии с экспериментальным планом Р.Л. Соломона по схеме:

Экспериментальная группа 1 (группа 1)	R	0 (1)	X^1	0′ (1)
Контрольная группа 1 (группа 2)	R	0 (2)		0′ (2)
Экспериментальная группа 2 (группа 3)	R	0 (3)	X^2	0′ (3)

где R – рандомизация, O – процедура тестирования, O′ – повторная процедура тестирования, в скобках указывается номер группы, X^1 – главное экспериментальное воздействие, полная процедура фотовизуализации (интервью, тренинг, интерпретация), X^2 – экспериментальное воздействие, усеченная процедура фотовизуализации (создание визуального дневника, отсутствие тренинга и интерпретационных процедур).

Отметим, что первая экспериментальная группа подвергалась всем вышеперечисленным процедурам исследования. Контрольная группа дважды проходила этап тестирования. Респонденты второй экспериментальной группы участвовали в предварительном тестировании, затем в индивидуальном порядке, самостоятельно отбирали не менее пятнадцати фотографий, символизирующих самые важные события их жизни (прошлые, настоящие и будущие). Задание заключалось в создании визуального дневника – описания своей жизни с опорой на подготовленные фотографии. После повторялась процедура тестирования. Введение второй экспериментальной группы было необходимо для снятия влияния экспериментатора и группы, а также для подтверждения влияния именно интерпретации фотоизображений на изменение отношения к жизни. Респонденты второй экспериментальной группы не осуществляли направленной интерпретации фотографий. Процедура фотовизуализации в основной части исследования была представлена использованием двух методов.

Нарративное интервью с элементами фотовизуализации. Техника нарративного интервью как метода биографических исследований была разработана Ф. Щюце в 1975 г. Она основывается на идеях нарратологии об обладании каждым человеком интуитивной компетентности относительно построения рассказа и стремлении представить пережитый опыт в виде связного повествования [2]. В нашем исследовании нарративное интервью проводилось индивидуально с каждым респондентом первой экспериментальной группы, занимало от 60 до 160 минут, среднее время – 80 минут. Респондентам предлагалось принести фотографии из личного альбома, а также присвоенные фотографии из газет, журналов, рекламных проспектов, отражающие самые важные события их жизненного пути (прошлые, настоящие, будущие). Количество фотографий ограничивалось нижним порогом – не менее пятнадцати. Испытуемым давалась следующая инструкция: «Пожалуйста, наиболее полно в свободной манере расскажите об отраженных на фотографиях событиях. Что происходит на снимке? Что это за событие? Расскажите о своей жизни, опираясь на фотографии». В силу специфики нашего исследования и важности изучения внешнего Я в контексте проблемы отношения к жизни в конце нарративного интервью, когда испытуемый завершал свой свободный рассказ, при необходимости использовались дополнительные вопросы.

Социально-психологический тренинг с элементами фотовизуализации. В основу тренинга легли модифицированные техники А.И. Копытина [4], Н.Г. Осуховой [8], В.С. Хомик [14], J. Weiser [16], применяемые в фототерапии, а также основные правила и механизмы

проведения социально-психологического тренинга, разработанные Л.А. Петровской [11], методические аспекты создания программы тренинга на примере танцевально-экспрессивного тренинга Т.А. Шкурко [15]. *Целью тренинга* выступала психокоррекция отношения личности к своей жизни посредством интерпретации фотоизображений. Тренинг состоял из четырех тематических блоков: 1) отношения личности к себе; 2) к своему внешнему облику; 3) отношения со значимыми другими; 4) отношения к своей жизни; общей длительностью 32 астрономических часа. Особое место в процессе тренинга занимала интерпретация фотоизображений и продуктов, получаемых при выполнении заданий, а также обратная связь между всеми участниками группы. Их назначение – развитие коммуникативной и визуальной компетенции, рефлексия оценочно-содержательного отношения к себе, своего места в структуре социальных отношений; личного восприятия собственных жизненных событий.

Комплексное измерение отношения к жизни осуществлялось через: 1) систему представлений респондентов о своей жизни, выраженных в виде повествования; 2) индекс (показатель) жизненной удовлетворенности; 3) особенности аттитюдов ко временным периодам жизни; 4) преобладающий тип временной ориентации; 5) уровень рефлексии событийных изменений в жизни. В данной статье мы представляем результаты измерения уровня удовлетворенности жизнью и временных установок, полученные с помощью следующих эмпирических методик. *Индекс жизненной удовлетворенности B.N. Neugarten, адаптированный Н.В. Паниной* [9], направлена на изучение жизненной удовлетворенности как общего представления о психологическом комфорте человека), выраженном в: 1) интересе к жизни (в противовес апатии); 2) целеустремленности, решительности, последовательности в достижении жизненных целей; 3) согласованности между поставленными и достигнутыми целями; 4) положительной оценке человеком своих поступков и качеств; 5) тональности (общем фоне) настроения. *Аттитюды ко времени Ж. Ньюттена (в модификации К. Муздыбаева)* [7], основана на семантическом дифференциале Л. Осгуда и включает в себя три индекса: 1) эмоциональное отношение ко времени; 2) ценностное отношение ко времени; 3) личностный контроль над определенным временным периодом.

РЕЗУЛЬТАТЫ. При предварительном анализе с помощью критерия различий U Манна-Уитни были обнаружены значимые различия в проявлении временных установок среди участников эксперимента, находящихся на этапе жизни «молодость» и «взрослость». Респонденты в возрасте 26–44 лет значимо выше, чем молодые участники исследования, оценивают свое будущее, считая его «насыщенным событиями», «интересным», «значительным» и «осмысленным» (Z=(-1,948), при p=0,05). Молодые испытуемые имеют более высокие значения в оценке своего настоящего как времени, направленного на получение удовольствия от жизни. Он склонны больше ценить настоящий момент, без сожаления о дальнейших последствиях поведения и совершенных поступках (Z=(-2,684) при p=0,007). Наличие различий по двум показателям отношения к жизни позволило нам предположить, что влияние эксперимента на испытуемых группы «Молодость» и группы «Взрослость» будет осуществлять различным способом.

С помощью описательных статистических методов (а именно, выделения верхнего и нижнего квартиля, нахождения медианы и стандартного отклонения) полученные на нашей выборке данные были классифицированы по степени выраженности каждого показателя: высокая, низкая степень выраженности, степень выраженности ниже и выше среднего. Это позволило нам в дальнейшем отследить направление динамики исследуемого показателя. С помощью подсчета критерия Уилкоксона мы сравнили значения по всем исследованным признакам при первом и втором замере (до проведения процедуры фотовизуализации и после нее). Затем по схеме эксперимента был проведен компаративный анализ данных между группами, выделенными в зависимости от уровня экспериментального воздействия. В данной статье мы не будем углубляться в процедуру верифицирования результатов и приводим только данные, полученные в двух группах, участники которых проходили полную процедуру фотовизуализации.

Уровень удовлетворенности жизнью (УЖ). В результате статистического подсчета было выявлено наличие значимого сдвига в уровне УЖ среди участников эксперимента, находящихся как на этапе жизни «взрослость» (при p=0,0001), так и на этапе жизни молодость (p=0,012). Анализ дескриптивных статистик показал, что значимость динамики УЖ обусловлена в большей степени изменением границ минимальных и максимальных значений в сторону их увеличения, что в целом свидетельствует о повышении уровня удовлетворенности жизнью. Динамика перехода была выявлена только в группе «Молодость», где наблюдалось увеличение процента лиц с высоким уровнем УЖ (28,6 % при первом замере, 39,6 % при втором замере).

Временные установки. Среди участников эксперимента в возрасте 20–25 лет в результате процедуры фотовизуализации был найден статистически значимый сдвиг значений по шкале «эмоциональное отношение» к прошлому (Z=(-2,155) при p=0,031). Среди представителей группы «Взрослость» динамики найдена в комплексном оценивании своего настоящего и будущего, в их аффективном, когнитивном

и поведенческом проявлении. Так, сдвиг значений обнаружен по шкалам «эмоциональное отношение», «ценностное отношение» к настоящему (Z=(-3,142) при p=0,002; Z=(-1,948) при p=0,05) и будущему (Z=(-2,541) при p=0,01; Z=(-2,357) при p=0,01), а также в области личного контроля настоящего и будущего периодов жизни Z=(-2,382) при p=0,017; Z=(-3,63) при p=0,00001). Анализ описательных статистик засвидетельствовал увеличение значений по всем выделенным шкалам. Динамику перехода трудно назвать значимой – она обусловлена единичным случаем (как в группе «Молодость», так и в группе «Взрослость»): переходом значений из уровня выраженности ниже среднего в уровень выше среднего.

Таким образом, проведенный анализ доказал влияние независимой переменной (тренинга и направленной интерпретации) на изменение уровня удовлетворенности жизнью и особенностей проявления временных установок среди участников обеих возрастных групп с тенденцией увеличения значений. Увеличение общего показателя удовлетворенности жизнью свидетельствует о соответственной трансформации степени психологического комфорта и социальной адаптированности респондентов, наличия у них интереса к жизни, решительности и целеустремленности в достижении целей.

Между тем, были установлены различия в динамике в зависимости от этапа жизненного пути испытуемых: они касаются трансформации временных установок. Так, среди участников в возрасте 20-25 лет наблюдается аффективное принятие своего прошлого, оценка его как «приятного», «светлого», «легкого», «безопасного». Представители группы «Взрослость» отличаются комплексной трансформацией установок, связанных с настоящим и будущим периодом жизни.

Данные результаты, на наш взгляд, указывают на действенность метода фотовизуализации жизненных событий и их интерпретации в позитивной трансформации отношения к жизни, выраженного общим уровнем удовлетворенности ею и установками к определенным периодам своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Н.В. Психология жизненного пути // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 5. – С. 81–88.
2. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4. М. –1993-4. – № 3-4. – С. 34–43.
3. Знаков В.В. Психология человеческого бытия и самопонимание субъекта // Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. – Краснодар: Кубанский государственный университет. 2005. – С. 22–44.
4. Копытин А.И. Тренинг по фототерапии. – СПб.: Речь, 2003.
5. Лабунская В.А. Визуальные исследования как перспектива развития социальной психологии // Материалы IV Всероссийского съезда РПО. 18-21 сентября 2007 года: В 3 т. – М., Ростов-на-Дону: КРЕДО, 2007. – С. 224–225.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984.
7. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 4. – С. 5–21.
8. Осухова Н.Г. От зеркала до дневника: психотехники реконструкции образа Я // Развитие личности. – 2004. – № 4. – С. 142–160.
9. Панина Н.В. Индекс жизненной удовлетворенности // LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Сост. А.А. Кроник. – М.: Прогресс, 1993. – С. 107–114.
10. Петровская Е. Фото(био)графия: к постановке проблемы // Автобиография. К вопросу о методе: тетради по аналитической антропологии / Под ред. В.А. Подороги. – М.: Логос, 2001. – № 1. – С. 296–304.
11. Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг: Избранные труды. – М.: Смысл, 2007.
12. Петровский А.В. Теоретическая психология: Учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
13. Слободчиков В.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. – М.: Школьная пресса, 2000.
14. Хомик В.С. Психотерапия, ориентированная на реконструкцию будущего // LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Сост. А.А. Кроник. – М.: Прогресс, 1993. – С. 152–171.
15. Шкурко Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг. – СПб.: Речь, 2005.
16. Weiser J. PhotoTherapy techniques in counseling and therapy: Using ordinary snapshots and photo-interactions to help clients heal their lives // The Canadian Art Therapy Association Journal, Fall. – 2004. – Vol. 17. – № 2. – P. 23–53.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СТАТУС КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЕ

Погонцева Д.В.

В статье рассматривается влияние социально-демографического статуса субъектов оценки на представление о красивой женщине. Приводятся результаты эмпирического исследования. Делается вывод о том, что такие показатели как социальный и семейный статус, материальное положение и уровень образования могут влиять на представления о внешнем облике и социально-психологических характеристиках красивой женщины.

Ключевые слова: *красивая женщина, внешний облик, личностные характеристики, социально-демографический статус.*

В последнее время наблюдается повышенный интерес к различным аспектам, связанным с восприятием и оценкой красоты человеческого тела. Так существуют работы посвященные изучению влияния социально-экономического статуса на оценку красоты (V. Swami, R. Miller, A. Furnham, L. Penke, M.J. Tovee, 2008), влияние этнической принадлежности (раса, цвет кожи и т.д.) на оценку внешнего облика как красивого и мотивация общения (знакомство, краткосрочные отношения, длительные отношения, брак) (G. Rhodes, L.W. Simmons and M. Peters, 2005; V.S. Johnston, 2006), влияние лидерских качеств на оценку аттрактивности (K.K. Dion, S. Stein, 1978; Little A.C., Burriss R.P., Jones B.C., Roberts S. 2004; J. Honekopp, U. Rudolph, L. Beier, A. Liebert, C. Muller; Strickland A.M.), изучение стереотипа «что красиво – то хорошо» ["beautiful is good"] (Olson I.R., Marshuetz Ch., 2005; R. Felson, G.W. Bohrnstedt, 1979; Hamermesh D., Parker A., 2005; L.A. Nordholm; H.D. Hadjistavropoulos, M.A. Ross, C.L. Von Baeyer; Paunonen S.V., 2006; S. Chu, R. Hardaker, J.E. Lycett, 2007), гендерные особенности оценки привлекательности внешнего облика (V. Swami, A. Furnham, Ch. Georgiades, L. Pang, 2007; Kniffin K.M., Wilson D.S., 2006). Однако все эти работы выполнены в Европе и Америке, в то время как в российской социальной психологии практически не затрагивается проблема изучения представлений о красивом человеке и его взаимосвязи с различными социально-демографическими характеристиками респондентов.

В связи с этим, нами был рассмотрена взаимосвязь различных социально-демографических показателей и представлений о красивой женщине. С этой целью нами были опрошены 170 женщин в возрасте от 17 до 55 лет. Исходя из поставленной задачи, в данном исследовании мы использовали ряд вопросов, которые используют в социологии для классификации участников по различным социально-демографическим критериям. Так, мы включили вопросы, которые включают информацию о материальном достатке, уровне образования, социальном положении (состоит в браке/нет) и социальном статусе (служащий, студент).

Первичный количественно-качественный анализ показал, что 63,5 % участников исследования имеют незаконченное высшее образование; 28,5 % высшее образование; еще 8 % это люди со средним, средним техническим или средним специальным образованием. Однако в дальнейшем, при статистической обработке мы оставили 2 группы с незаконченным высшим и высшим образованием.

В ходе анализа значимых различий двух групп по уровню образования нами были получены значимые показатели по таким характеристикам, как: сильный физически ($t=3,081$), действующий как лидер ($t=4,267$), готовый идти на риск ($t=4,553$), обладающий лидерскими качествами ($t=5,295$), независимый ($t=2,940$), доминирующий ($t=2,081$), искренний ($t=3,185$). Таким образом, мы можем говорить о том, что большинство значимых различий относятся к шкале маскулинности. Также наблюдаются значимые различия по шкале маскулинности ($t=4,244$). В ходе корреляционного анализа данных в этих двух группах, было выделено, что существует обратная корреляционная зависимость между уровнем образования и такими характеристиками, как сильный физически ($r=-0,22$; $p<0,05$), действующий как лидер ($r=-0,25$; $p<0,05$), готовый идти на риск ($r=-0,32$; $p<0,05$), обладающий лидерскими

качествами (r=-0,36; p<0,05), независимый (r=-0,21; p<0,05), доминирующий (r=-0,17; p<0,05), искренний (r=-0,16; p<0,05), самодостаточный (r=-0,16; p<0,05), необязательный (r=-0,16; p<0,05), а также по шкале маскулинности (r=-0,27; p<0,05) (корреляционная плеяда в приложении).

Существуют значимые различия по таким критериям как описание отношения красивой женщины к диетам (t=2,292) и отношение к красивой женщине на работе (t=-2,555). Выявлена также прямая корреляционная связь между показателем уровня образования и оценкой красивой женщины, как обладающий большим количеством врагов (r=0,22; p<0,05) и обратная корреляционная связь между уровнем образования и оценкой красивой женщины как счастливой (r=-0,19; p<0,05).

Нами были получены значимые различия в оценках красивой женщины по таким характеристикам, как: интересная в общении (t=2,194), начитанная (t=2,932), образованная (t=2,528), разносторонне развитая (t=2,316), широкий кругозор (t=4,167), заботливая (t=2,186), отзывчивая (t=2,448), умеет выслушать (t=2,144), умеет поддержать (t=2,709), верная (t=3,988), харизматичная (t=3,439), целеустремленная (t=2,904). Также существуют значимые различия в описании внешности красивой женщины по таким характеристикам как: худая (t=2,460), среднего роста (t=2,885), прямые волосы (t=2,696), густые волосы (t=3,322), брюнетка (t=3,334), темные волосы (t=3,252), тонкие пальцы рук (t=2,220).

Оценивая собственное положение, большинство участниц указали, что у них «Среднее материальное положение», «Хорошее» и «Плохое». В дальнейшем мы также объединили ответы «хорошее» и «очень хорошее» а также ответы «плохое» и «очень плохое». Затруднились ответить на это вопрос 2 % участниц исследования.

В ходе корреляционного анализа, нами была выявлена обратная корреляционная зависимость между показателем материального положения и такими характеристиками, как дружелюбный (r=-0,15; p<0,05); полезный для других (r=-0,20; p<0,05), красивая женщина замужем (r=-0,17; p<0,05), у красивой женщины есть дети (r=-0,18; p<0,05), красивые женщины изменяют мужу (r=-0,25; p<0,05). Таким образом, чем хуже материальное положение, тем менее дружелюбной описывают красивую женщину, и тем чаще ее описывают как замужнюю женщину с детьми, которая склонна изменять мужу.

Сравнивая группы с очень хорошим материальным положением и «средним» нами были получены значимые различия по таким характеристикам, как: полезный для других (t=1,999), мудрая (t=2,040); по такому параметру как «красивая женщина чаще изменяет мужу» (t=-2,457) и по таким параметрам описания внешнего облика, как осиная талия (t=-3,150), не высокая/маленького роста (t=-2,812) и легкая походка (t=-2,019).

При сравнительном анализе групп с очень хорошим материальным положением и очень плохим, были получены значимые различия по таким характеристикам, как описание красивой женщины как замужней (t=-2,349), с детьми (t=-2,358), как изменяющих мужу (t=-3,684). Также существуют значимые различия при описании красивой женщины, как полезной для других (t=-2,129), отзывчивой (t=-2,097), ласковой (t=-2,122), а также в описании внешнего облика по такому критерию как смуглая кожа (t=-2,305).

При сравнительном анализе групп с плохим материальным положением и «средним», были получены значимые различия только в описании внешнего облика по такой характеристике, как «смуглая кожа» (t=-3,454)

Анализ занятости участников исследования выявил, что в нашей выборке 96 учащихся ВУЗов (в эту выборку входят студенты, получающие первое высшее образование, также в выборке представлены женщины среднего и старшего возраста, которые на данном этапе получают образование и не работают. В нашей выборке также 43 специалиста с высшим образованием, 16 человек – специалисты со средним образованием, 10 женщин – домохозяйки, 3-военнослужащих, 1 – «рабочий» и 1 респондентка указала свой статус как «безработная». Таким образом, мы разделили выборку на 2 группы: учащиеся ВУЗа – 96 человек и работающие специалисты различного уровня – 62 человека, мы исключили из данного сравнительного анализа 12 человек, которые не работают. Нами были получены значимые различия по таким социально-психологическим характеристикам, как: сильный физически (t=2,871), действующий как лидер (t=3,998), ревнивый (t=2,158), готовый идти на риск (t=5,057), обладающий лидерскими качествами (t=5,878), напористый (t=2,000), полезный для других (t=2,006), независимый (t=4,073), доминирующий (t=2,569), искренний (t=2,336), равнодушный (t=2,574). Были также получены значимые различия по шкале маскулинности (t=4,133). Существуют также значимые различия в описаниях как нижней (t=-3,632) так и верхней границы возраста (t=-2,996) красивой женщины, и описании верхней границы веса (t=-2,196). Были выявлены значимые различия в описаниях красивой женщины по таким характеристикам, как доброжелательная (t=-2,542), умная (t=2,814), начитанная (t=3,697), образованная (t=3,391), разносторонне развитая (t=2,507), широкий кругозор (t=4,248), отзывчивая (t=1,976), верная (t=2,890), харизматичная (t=4,176), целеустремленная (t=3,025). Также были выявлены

значимые различия по таким параметрам внешнего облика, как: худая (t=2,787), стройная (t=2,519), осиная талия (t=2,118), широкие бедра (t=2,083), среднего роста (t=2,088), не высокая/маленького роста (t=2,148), голубые глаза (t=2,366), зеленые глаза (t=3,014), длинные ресницы (t=2,901), прямые волосы (t=2,949), густые волосы (t=4,483), здоровые волосы (t=1,987), без челки (t=2,020), брюнетка (t=3,323), темные волосы (t=3,006), полные/пухлые губы (t=2,395), тонкие пальцы рук (t=2,721), гладкая кожа (t=1,995).

Анализ семейного положения участниц исследования, выявил, что 61 % участниц исследования не состоят в браке; состоят в браке 27,3 %; также 8,2 % разведены, 3 % участниц – вдовы и 0,5 % проживают раздельно. Таким образом, по данному критерию мы разделили выборку на 2 группы, те которые не состоят и никогда не состояли в браке (104 человека) и те которые состоят в браке или состояли ранее (66 человек). В ходе сравнительного анализа этих двух групп нами были получены значимые различия по таким характеристикам, как: сильный физически (t=2,685), обаятельный (t=2,507), действующий как лидер (t=4,618), ревнивый (t=2,604), готовый идти на риск (t=4,965), обладающий лидерскими качествами (t=5,492), напористый (t=2,698), полезный для других (t=2,695), независимый (t=4,525), доминирующий (t=3,440), искренний (t=2,768), равнодушный (t=3,305), а также по шкале маскулинности (t=4,397).

Существуют значимые различия в описаниях нижней (t=-4,968) и верхней (t=-2,764) границы возраста красивой женщины, а также верхней границы веса (t=-2,241). Также существуют различия по такому параметру, как «у красивой женщины много врагов» (t=2,059). Были выделены значимые различия по таким социально-психологических характеристикам, как: доброжелательная (t=-1,984), умная (t=2,994), интересная в общении (t=2,728), начитанная (t=2,924), образованная (t=3,505), разносторонне развитая (t=2,334), широкий кругозор (t=3,790), отзывчивая (t=2,225), умеет поддержать (t=2,129), верная (t=3,213), харизматичная (t=2,802), целеустремленная (t=3,704). Были обнаружены значимые различия в описании внешнего облика красивой женщины по таким характеристикам, как: худая (t=3,297), среднего роста (t=2,259), не высокая/маленького роста (t=2,369), голубые глаза (t=2,790), зеленые глаза (t=3,339), длинные ресницы (t=2,140), прямые волосы (t=2,761), густые волосы (t=5,028), ухоженные волосы (t=2,538), здоровые волосы (t=2,117), без челки (t=2,25), брюнетка (t=3,552), темные волосы (t=3,599), тонкие губы (t=2,418), ухоженные руки (t=2,187), тонкие пальцы рук (t=3,102).

С целью изучения возрастных различий в представлениях о женской красоте, мы поделили нашу выборку на две подгруппы по 85 человек: молодые девушки 17-25 лет и женщины среднего и старшего возраста от 35 до 55 лет. Используя Т-критерий Стьюдента, мы рассмотрели различия по всем основным методикам и шкалам.

Существуют значимые различия в описании возраста красивой женщины, и по нижней границе (t=4,01) и по верхней границе (t=3,21) возраста. Так же существуют значимые различия при ответе на такие вопросы как «красивая женщина пользуется авторитетом на работе» (t=2,1311; при); «у красивых женщин больше врагов» (t=-2,024; при) и «красивым женщинам больше завидуют» (t=-2,594 при). По остальным шкалам (наличие/отсутствие мужа/детей, фигура, пирсинг, отношение к пластическим операциям ит.д.) значимых различий обнаружено не было. Корреляционный анализ Спирмена так же указывает на то что существует прямая корреляционная связь между возрастом и такими характеристиками как нижняя граница возраста красивой женщины (r=0,32; p<0,05), верхняя граница возраста красивой женщины (r=0,21; p<0,05); верхняя граница веса красивой женщины (r=0,16; p<0,05). И обратная корреляционная зависимость между возрастом и такими характеристиками, как«у красивых женщин больше врагов» (r=-0,16; p<0,05) и «красивым женщинам больше завидуют» (r=-0,20; p<0,05).

При описании красивой женщины и ее гендерной идентичности были обнаружены значимые различия по таким характеристикам, как: сильный физически (t=2,77); обаятельный (t=2,97), действующий как лидер (t=3,91); ревнивый (t=2,36); готовый идти на риск (t=6,17); обладающий лидерскими качествами (t=6,20); напористый (t=2,56); полезный для других (t=2,53); независимый (t=4,42); доминирующий (t=3,23); искренний (t=2,29); неестественный (t=2,13); равнодушный (t=3,65); необязательный (t=2,34). Также выявлены значимые различия по шкале маскулинности (t=4,73), т.о. молодые девушки приписывают больше маскулинных характеристик красивой женщине. Корреляционный анализ Спирмена также выявил обратную корреляционную зависимость между возрастом и такими характеристиками как: сильный физический (r=-0,18; p<0,05); обаятельный (r=-0,17; p<0,05); действующий как лидер (r=-0,26; p<0,05); ревнивый (r=-0,16; p<0,05); готовый идти на риск (r=-0,41; p<0,05); обладающий лидерскими качествами (r=-0,42; p<0,05); напористый (r=-0,19; p<0,05); полезный для других (r=-0,18; p<0,05); независимый (r=-0,31; p<0,05); доминирующий (r=-0,23; p<0,05); искренний (r=-0,17; p<0,05); равнодушный (r=-0,25; p<0,05). Также существует обратная кор-

реляционная зависимость между показателем возраста и оценкой красивой женщины по шкале маскулинности (r=-0,32; p<0,05)

В ходе анализа полученных результатов по шкалам описания роста и веса «красивой женщины» нами был проведен корреляционный анализ взаимосвязи данного показателя и возраста участниц исследования, нами была выявлена прямая корреляционная связь (r=0,16; p<0,05). Таким образом, чем старше женщина тем больший показатель ИМТ она считает привлекательным.

Также существуют значимые различия в описания внешнего облика и социально-психологических характеристиках красивой женщины. Существуют значимые различия по таким социально-психологическим характеристикам, как доброжелательная (t=2,67); умная (t=2,65); интересная в общении (t=2,20); начитанная (t=3,25); образованная (t=3,72); разносторонне развитая (t=2,54); широкий кругозор (t=4,33); отзывчивая (t=2,17); умеет поддержать (t=2,30); верная (t=2,93); харизматичная (t=4,21) и целеустремленная (t=3,88). Корреляционный анализ по Спирману так же демонстрирует что имеется прямая корреляционная зависимость между возрастом и такой характеристикой как: доброжелательная (r=0,19; p<0,05); и обратная корреляционная связь между показателем возраста и такими характеристиками, как умная (r=-0,16; p<0,05); интересная в общении (r=-0,16; p<0,05); начитанная (r=-0,19; p<0,05); образованная (r=-0,22; p<0,05); разносторонне развитая (r=-0,18; p<0,05); с широким кругозором (r=-0,27; p<0,05); верная (r=-0,19; p<0,05); харизматичная (r=-0,31; p<0,05) и целеустремленная (r=-0,26; p<0,05).

Были выявлены значимые различия в описании внешнего облика красивой женщины по таким характеристикам, как: худая (t=2,62); стройная (t=2,05); среднего роста (t=2,66); голубые глаза (t=2,36); зеленые глаза (t=2,77); длинные ресницы (t=2,88); пушистые/густые ресницы (t=2,01); прямые волосы (t=2,58); густые волосы (t=4,44); без челки (t=2,03); брюнетка (t=2,97); темные волосы (t=2,76); тонкие пальцы рук (t=2,72); гладкая кожа (t=1,99). Корреляционный анализ Спирмена так же обнаружил обратную корреляционную зависимость между возрастом и такими характеристиками, как: худая (r=-0,22; p<0,05); фигура «песочные часы (r=-0,15; p<0,05), среднего роста (r=-0,20; p<0,05); выразительные глаза (r=-0,16; p<0,05); голубые глаза (r=-0,18; p<0,05); зеленые глаза (r=-0,19; p<0,05); длинные ресницы (r=-0,25; p<0,05); прямые волосы (r=-0,17; p<0,05); густые волосы (r=-0,30; p<0,05); ухоженные волосы (r=-0,16; p<0,05); брюнетка (r=-0,22; p<0,05); темные волосы (r=-0,21; p<0,05); тонкие пальцы рук (r=-0,20; p<0,05).

Представленные результаты позволяют нам сделать предположение о существовании возрастных различий в представлениях о женской красоте. Молодые девушки чаще описывают красивую женщину как голубоглазую или зеленоглазую девушку с темными волосами, и в их представлении она гораздо более худая. Красивой женщине молодые девушки чаще приписывают такие характеристики как умная; интересная в общении; начитанная; образованная; разносторонне развитая; с широким кругозором; верная; харизматичная и целеустремленная; и реже такую характеристику как доброжелательная.

Мы также можем говорить о том, что такие показатели как социальный и семейный статус, материальное положение и уровень образования могут влиять на представления о внешнем облике и социально-психологических характеристиках красивой женщины.

Исходя из анализа полученных результатов, мы также можем сделать вывод о том, что женщины с невысоким уровнем образования (ПТУ, незаконченное высшее образование), плохим материальным достатком, а также незамужние женщины склонны описывать красивую женщину как более маскулинную, и описывают ее внешний облик как худая, среднего роста, с прямыми и густыми волосами темного цвета (брюнетка, темные волосы).

Было выявлено, что неработающие женщины с уровнем образования незаконченное высшее и ниже, оценивающие свое материальное состояние как хорошее и очень хорошее оценивают красивую женщину, как образованную, разносторонне развитую, с широким кругозором, отзывчивую, харизматичную и целеустремленную.

Таким образом, мы можем говорить о том, что такие показатели как социальный и семейный статус, материальное положение и уровень образования могут влиять на представления о внешнем облике и социально-психологических характеристиках красивой женщины. Исходя из анализа полученных результатов мы также можем сделать вывод о том, что женщины с невысоким уровнем образования (ПТУ, незаконченное высшее образование), плохим материальным достатком, а также незамужние женщины склонны описывать красивую женщину как более маскулинную, и описывают ее внешний облик как худая, среднего роста, с прямыми и густыми волосами темного цвета (брюнетка, темные волосы). Было выявлено, что не работающие женщины, с уровнем образования незаконченное высшее и ниже, оценивающие свое материальное состояние кок хорошее и очень хорошее оценивают красивую женщину, как образованную, разносторонне развитую, с широким кругозором, отзывчивую, харизматичную и целеустремленную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kniffin K.M., Wilson D.S. The effect of nonphysical traits on the perception of physical attractiveness Three naturalistic studies // Evolution and Human Behavior. – Vol. 25. – Issue 2. – March 2004. – P. 88–101.
2. Paunonen S.V. You are honest, therefore I like you and find you attractive // Journal of Research in Personality. – Vol 40. – Is. 3. – June 2006. – P. 237–249.
3. Tovée M.J., Swami V., Furnham A. and Mangalparsad R. Changing perceptions of attractiveness as observers are exposed to a different culture // Evolution and Human Behavior. – Vol. 27. – Issue 6. – November 2006. – P. 443-456.
4. Tovee M.J., Emery J.L., Cohen-Tovee E.M. The estimation of body mass index and physical attractiveness is dependent on the observer's own body mass index Proceedings. Biological Sciences // The Royal Society. – 2000. – Oct 7; 267 (1456). – P. 1987–1997.
5. Tovée M.J., Hancock P.J., Mahmoodi S., Singleton B.R., Cornelissen P.L. Human female attractiveness: waveform analysis of body shape // Proceedings. Biological SciencesThe Royal Society. – 2002. – Nov 7. – Number 269(1506). – P. 2205–2213.

ОСОБЕННОСТИ ЧЕХОВСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА

Буняева М.В.

В статье делается попытка приблизиться к рассмотрению эпистолярного дискурса А.П. Чехова, обращаясь к материалам личной переписки великого русского писателя. Представлено определение эпистолярного дискурса, а также его основных характеристик, через призму которых описаны некоторые письма Антона Павловича Чехова, представляющие большой исследовательский интерес. Доказывается принадлежность писем Чехова к эпистолярному дискурсу. Среди характерных особенностей чеховского эпистолярного дискурса показывается наличие и нерегламентируемых – «гибких», и не полностью стандартизированных, «полужестких» текстов, как результат пересечения формального и неформального круга общения писателя, а также использование оригинальных элементов письма.

Ключевые слова: *эпистолярный дискурс, персональность, адресованность, референция к реальному миру, модальность реальности, повествовательный индикатив, имплицитность информации.*

Как известно, письма Чехова представляют собой одно из самых значительных эпистолярных собраний в литературном наследии русских классиков, как в количественном, так и в качественном отношении. Во-первых, наследие писателя велико: в полное собрание его сочинений входит 4494 письма, а в архивах Чехова их около 10000. Во-вторых, тематика эпистолярного наследия Чехова многообразна: события личной жизни писателя; подробные дневники путешествий; календари работы над произведениями (особенно тщательно зафиксированы этапы создания некоторых пьес); литературные связи – с редакторами, издателями, писателями; общение с художниками, композиторами, актерами, театральными работниками; отклики на различные общественные, литературные и театральные явления; отзывы о критике; советы начинающим авторам. Чеховские письма являются образцом эпистолярного жанра; они не уступают по совершенству языка его художественным произведениям и, подобно им, способны доставлять подлинное эстетическое наслаждение [3].

Эпистолярный дискурс является образованием, включающим в себя два компонента: динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный и коммуникативный контекст, и ее результат (т.е. текст) [4]. Переписка Антона Павловича представляет собой эпистолярный дискурс, поскольку общественная и личная жизнь Чехова, его врачебная практика, путешествие на Сахалин, отношения с писателями (среди них старшим был Л.Н. Толстой, а младшими – Андреев, Куприн, Бунин и Горький), отзывы о сотнях прочитанных книг, история работы над собственными рассказами и повестями, над «Чайкой» и «Вишневым садом», история жизни, такой недолгой и такой содержательной, что, кажется, ни один день не был истрачен впустую, ни один час не прошел бесследно и зря – все отразилось в письмах [2]. Особенностью чеховского эпистолярного дискурса является факт пересечения формального и неформального кругов общения писателя. Эпистолярное общение (как, впрочем, и любое другое) по характеру можно подразделить на формальное и неформальное. Само понятие формальности предполагает, что общение между адресантом и адресатом будет решать какие-либо конкретные задачи, стоящие перед собеседниками и в целом выполнять функцию общения делового. Неформальное же общение характеризуется связями и отношениями уже эмоционально-психологического характера и, по сути, является своеобразной связью между корреспондентами, построенной на взаимном принятии личностных свойств и достоинств и предполагающей определенный уровень понимания, согласия, психологической близости собеседников.

Смешение формального и неформального кругов общения писателя показывает многогранность личностей самих адресатов чеховских писем: например, Марии Владимировны Киселевой, которая по праву

входит в число хороших знакомых Антона Павловича, и в эпистолярном общении с ней письма Чехова зачастую носят неформальный характер: «Пользуюсь правом сильного и отнимаю у сестры кусочек территории, чтобы, подобно Софочке, открыть Вам тайники моей души...» [5, Письма, Т. 1, с. 163]. В это же время необходимо учесть, что Мария Владимировна была известна как детская писательница, то есть ее по праву можно отнести и к формальному корреспондентскому кругу. Пример с М.В. Киселевой далеко не является исключением: брат Чехова, Александр Павлович, был не просто родственником великого писателя, но и довольно известным литератором, переписка братьев носила, следовательно, как неформальный характер, так и характер делового общения – Чеховы часто беседовали в письмах по вопросам литературной работы, так же часто Антон Чехов использует в письмах выражения совершенно не делового характера: «Брат наш мерзавец Александр Павлович! Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма» [5, Письма, Т. 1, с. 87]. Дмитрий Тимофеевич Савельев, являясь другом и соучеником Чехова, одновременно был врачом по образованию, как и Антон Павлович, что привносило в их дружбу некое «формальное разнообразие». Такие же примеры находятся при исследовании писем остальных корреспондентов.

В процессе рассмотрения и анализа писем писателя, таким образом, обнаруживается пересечение кругов его формального и неформального общения, причиной которого, с одной стороны, является принадлежность участников общения к интеллигентскому обществу всесторонне образованных и талантливых людей, зачастую имеющих не одну профессию. Но более глубокая причина, скорее всего, коренится в характере самого Антона Павловича, в его стремлении окружать себя такими людьми, в общении с которыми можно не придерживаться лишь формальностей или, напротив, только неформальных фраз и клише, а самому ловко выстраивать курс общения с каждым из корреспондентов. Намеренное и весьма искусное смешение формальных и неформальных позиций в общении создается Чеховым с помощью тонких стилистических приемов – соединением в одном письме деловых, дружеских, эстетических и других моментов. Чехов стремится ввести своих корреспондентов в плоскость дружеского неформального общения. Что же касается деловой части переписки, то она насыщается и интимно-дружескими, игровыми, очень часто юмористическими, шутливыми коннотациями. Можно предположить, что такой стиль общения был для Чехова наиболее комфортным, и что это связано со стремлением обеспечить независимость даже в общении с теми людьми, от которых Чехов зависел.

Ниже будут рассмотрены и описаны некоторые письма Антона Павловича, наиболее интересные с точки зрения принадлежности эпистолярному дискурсу их автора. Дискурсивный анализ корпуса эпистолярных текстов А.П. Чехова устанавливает соответствие содержания писем эпистолярному дискурсу по ряду таких характеристик, как: персональность (выражается в перволичной повествовательной форме, а также в использовании имен собственных и личных местоимений для обозначения коммуникантов); адресованность письма (представляет собой конкретное, лично (либо косвенно) знакомое адресанту лицо; референция к реальному миру (характеризуется пространственно-временной локализованностью, актуализаторами которой выступают эксплицитно заявленные место и время написания письма, маркирующие момент речи адресанта); модальность реальности, или повествовательный индикатив (фактуальный режим повествования – необходимость излагать только то, что известно, с указанием источника информации); имплицитность информации (которая является следствием интимного характера эпистолярной коммуникации в частной сфере и отражает установку на персонального адресата, владеющего общим с адресантом фондом знаний) [4].

Одно из наиболее ранних писем писателя, написанное старшему брату Александру в марте 1881 г., имеет характер порицания, такая эпистолярная доминанта проявляется настроением Чехова, которое чувствуется в каждой строчке [5]. Письмо написано в довольно резкой форме, оно контрастирует с другими письмами брату; в нем идет речь о произошедшей ссоре между братьями, о причинах которой можно только догадываться («Будь ты хоть 100000 раз любимый человек, я, по принципу и почему только хочешь, не вынесу от тебя оскорблений»). О результатах возникшей ссоры свидетельствует следующая фраза: «Слово «брат», которым ты так пугал меня при выходе моем из места сражения, я готов выбросить из своего лексикона во всякую пору, не потому что я не имею сердца, а потому что на этом свете на всё нужно быть готовым. Не боюсь ничего, и родным братьям то же самое советую». Данное письмо вызывает особый интерес своей резкостью, хладнокровием автора, говорящем о поведении его в ситуации возникшего конфликта. Письмо показывает, что Чехов умел достойно выйти «из места сражения», выполняя роль старшего. Что касается принадлежности письма к эпистолярному дискурсу, то следует отметить, что по основным параметрам оно представляет собой согласованность всех основных характеристик – письмо датировано, адресовано родному брату, содержит перволичную форму обращения («Я, Антон Чехов, пишу это письмо, находясь в трезвом виде, обладая

полным сознанием и хладнокровием»), а о фактуальности и имплицитном характере письма говорит изложение Чеховым реально произошедших событий, хорошо известных адресату.

Первое письмо Чехова к издателю «Нового времени» А.С. Суворину, общение с которым для Антона Павловича имело, как известно, особое значение, датировано 21 февраля 1886 г. [5]. Это ответное письмо, в нем Чехов сообщает о получении суворинского письма и благодарит его за отзыв о работах, напечатание рассказа, за указания и мотивировку по поводу одного из произведений («Работаю я уже шесть лет, но Вы первый, который не затруднились указанием и мотивировкой»). Далее Чехов пишет о своем псевдониме «А. Чехонте», видимо, в ответ на мнение или вопрос о нем Суворина. Писатель сообщает о своей возможности работы в «Новом времени» и о благоприятных условиях работы – «…я радуюсь, что условием моего сотрудничества Вы не поставили срочность работы. Где срочность, там спешка и ощущение тяжести на шее, а то и другое мешает работать... Лично для меня срочность неудобна уже и потому, что я врач и занимаюсь медициной...». Здесь проявляется присущее Антону Павловичу стремление быть вне каких-либо рамок и ограничений, поступать по-своему в работе с редакторами и издателями. Далее Чехов говорит о достаточности назначенного гонорара и просит о распоряжении по высылке газеты. В окончании письма он сообщает об отправке очередного рассказа, но замечает о его длине и качестве: «На этот раз шлю рассказ, который ровно вдвое больше предыдущего, и... боюсь, вдвое хуже...». Такая концовка, по-видимому, служила Чехову, тонко чувствующему психологию людей, своеобразной проверкой Суворина: сначала заявляя о невозможности срочной работы, а затем, предупреждая о своем рассказе, писатель по ответному письму Суворина, возможно, намеревался понять, каким образом пойдет их дальнейшее сотрудничество. Рассмотренное сообщение об особенностях своей литературной работы относится к эпистолярному дискурсу по ряду характеристик: адресованности (Суворин как лично знакомое адресанту лицо), персональность данного эпистолярного текста выражена в перволичной повествовательной форме и обозначением адресата именем собственным – «Милостивый государь Алексей Сергеевич!» и использованием местоимений «Вы», «Ваше», «Вас» и др. О характеристиках референции и модальности свидетельствует повествование адресанта о реальных событиях, а об имплицитности говорит факт разделения Чеховым мнения Суворина, а также заранее оговоренный гонорар.

Самое известное и представляющее наибольший исследовательский интерес в эпистолярном наследии Чехова письмо адресовано писателю Д.В. Григоровичу 28 марта 1886 г. [5]. Этот эпистолярный текст уникален тем, что представляет собой исповедь писателя в ответ на письмо к нему Григоровича, который первым разглядел в Чехове настоящий писательский талант. Чехов пишет, называя Григоровича добрым, горячо любимым благовестителем, избранником, что присланное письмо поразило его как молния: «Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас». Антон Павлович оценивает письмо Григоровича выше всякого диплома, как гонорар за настоящее и будущее. Далее Чехов сообщает причины, по которым он ранее не ценил в себе литературного дара, причины эти внешние: снисходительное мнение близких и знакомых, профессия врача, отнимающая время и силы. Интересный факт: Чехов признается, что не помнит рассказа, на написание которого у него ушло бы более суток, говорит, что пишет он полубессознательно. Антон Павлович признается: «Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который Вам понравился, я писал в купальне! Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нимало не заботясь ни о читателе, ни о себе самом... Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал». Эта бессознательная, спонтанная работа Чехова, которая велась им и в реальном общении и эпистолярном мире писателя, подтверждается его современником, фельетонистом, драматургом и критиком А.В. Амфитеатровым: «Чтобы чужая мысль могла быть принята, одобрена и усвоена Чеховым, она должна была совпасть с настроением и работою его собственной мысли. А работа эта шла постоянно, непрерывно и... таинственно. Кому из работавших с Чеховым не известно, что он иногда на прямо обращенные к нему вопросы и недоумения отвечал странным, ничего не говорящим взглядом, либо еще более странными, шуточными словами? Кому, наоборот, не случалось слыхать от него произносимые среди разговора внезапные, загадочные слова, которые повергали собеседника в недоумение: что такое? с какой стати? – а Чехова вгоняли в краску и конфуз? Это разрешалась вслух, в оторвавшейся от окружающего мира сосредоточенности, долгая и упорная, безмолвная внутренняя работа писательской мысли над вопросом, когда-нибудь не нашедшим себе ответа, над образом, не нашедшим себе воплощения» [1]. Первое, что толкнуло к самокритике Чехова, по его признанию – это письмо к нему Суворина, а письмо Григоровича оказалось поворотным в судьбе

молодого писателя. Чехов соглашается с замечаниями Григоровича и обещает в свое время избавиться от срочной работы, «выбиться из колеи». Он пишет, отвечая на просьбу Григоровича (это дает письму имплицитную характеристику), о невозможности перемены подписи новой книги и признается, что она ему не нравится. Далее Чехов пишет, вспоминая о своем возрасте, что вся надежда на будущее, хотя «время летит очень быстро». Это не простая оговорка, о скоротечности времени Чехов будет говорить и позднее в письмах к значимым для него людям. В конце письма Антон Павлович просит своего нового наставника и учителя, каким стал для него Григорович, прислать фотокарточку, просит извинения за длинное письмо: «Простите за длинное письмо и не вменяйте человеку в вину, что он первый раз в жизни дерзнул побаловать себя таким наслаждением, как письмо к Григоровичу». Несомненно, таким волнительных и исповедальных писем Чехов не писал больше никому, именно этим своим качеством письмо представляет большой исследовательский интерес. Оно принадлежит эпистолярному дискурсу, характеризуясь персональностью (использование адресантом местоимений для обозначения адресата – «Вы», «Вас» и пр.), адресованностью (Чехов не знал Григоровича лично, но косвенно), референцией к реальности и модальностью (адресант в эпистолярном тексте передает фактическую информацию, имеющую место в реальности – например, сообщение о новой книге).

Характерные особенности рассмотренных эпистолярных текстов, оригинальность структурно-композиционного построения эпистолярия (наличие и не регламентируемых – «гибких», и не полностью стандартизированных, «полужестких» текстов, как результат пересечения формального и неформального круга общения Чехова), а также использование оригинальных элементов письма (политематичность, полифункциональность, доверительность и эмоциональная окрашенность) – все это подтверждает вывод о том, что переписка А.П. Чехова представляет собой эпистолярный дискурс, имеющий самостоятельное значение в жизни и творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амфитеатров А.В. Антон Чехов и А.С. Суворин. Ответные мысли // URL: http://dugward.ru/library/sodlib.html
2. Громов М.П. Вступительная статья // Переписка А.П. Чехова. В 2-х томах. Том 1. – М.: Художественная литература, 1984.
3. От редакции // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983 гг. – Т. 1. Письма, 1875-1886. – М.: Наука, 1974.
4. Подъяпольская О.Ю. Коммуникативно-прагматические особенности эпистолярного дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. Т. 1. – Челябинск: ООО «Издательство Рекпол», 2008.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983.

К ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЧЕХОВЕДЕНИЯ НА ДОНУ

Сухов Н.И.

Изучение творчества Чехова ростовскими филологами тесно связано с учениками Евгения Боброва. Евгений Бобров – видный русский философ, филолог, психолог и педагог. Леонид Громов – известный русский чеховед. Леонид Громов принадлежал к школе Боброва. Первое поколение учеников Боброва внесло значительный вклад в филологические и психологические исследования работ Чехова.

Ключевые слова: *Е.А. Бобров, варшавско-ростовская психологическая школа, психологичское чеховедение, Н.Н. Сретенский, Л.П. Громов, М.П. Громов, А.П. Чехов.*

Изучение творчества Чехова в Ростове и Таганроге тесно соприкасается с историей казанско-варшавско-ростовского философско-психологического направления, связанного с именами Евгения Александровича Боброва и его учеников. Показать все грани этой смежности – основная цель данного исследования, проведённого нами в рамках детального изучения зарождения и развития академической психологии в Варшавском, а затем и Ростовском университетах.

Бобров – крупный учёный с энциклопедическими познаниями в философии, психологии, лингвистике, педагогике, литературоведении. Родился Бобров 24 января 1867 года в семье рижского землемера. С 1885-го года учился в Юрьевском университете, где был учеником Густава Тейхмюллера. В 1890-м окончил университет со степенью кандидата по философскому и филологическому отделениям. С 1985 года занял в Юрьевском университете кафедру всеобщей литературы. С 1986 года в должности экстраординарного профессора преподаёт в Казанском университете. Здесь он читает разнообразные курсы по психологии, логике, педагогике, философии и помимо всего прочего организовывает студенческий философский кружок, в котором занимались два самых видных его ученика Иван Иванович Ягодинский и Николай Николаевич Сретенский. В 1903 году Бобров переходит со званием экстраординарного профессора на кафедру философии в Варшавский университет. Вслед за ним переезжают Сретенский и Ягодинский. Здесь они создают кабинет психологии и педагогики, которым Бобров заведует вплоть до 1920 года. За всё время своей научной деятельности Бобров написал более трёхсот научных трудов. Созданное Бобровым научное сообщество объединило его коллег и единомышленников и нашло себе пристанище в 1915 году в Ростовской эвакуации.

Это творческое сообщество развивалось и включает в себя не только учёных с широкими и разносторонними интересами, но и актёров, в частности знаменитого московского актёра и режиссёра Ю.А. Завадского. Дело в том, что в 1938–1939 годах в Ростове начинает свою работу Шекспировский кружок под руководством профессора Н.Н. Сретенского. Организован он был при Шекспировском кабинете областного отделения Всероссийского театрального общества в ноябре 38-го года. Кружок должен был объединить студентов и театральных работников, заинтересованных в систематическом изучении творчества Шекспира. Ещё до начала официальных заседаний кружок принял активное участие в работе театра им. Горького во время постановки «Укрощения строптивой». Ю.А. Завадский на собрании кружка доложил постановочный план спектакля. После генеральной репетиции участники кружка провели детальное её обсуждение. Сретенский и его шекспировский кружок в 1939-м году принимали активное участие в организации юбилейных дней Шекспира в Ростове. В частности, 6 апреля Сретенским была проведена публичная лекция в физическом корпусе Пединститута. В работе кружка на протяжении всего его существования активное участие принимал и Леонид Петрович Громов – известный донской чеховед.

Кроме того, Сретенским в 1925 учебном году, на лингвистическом отделении педфака ДГУ был прочитан семинарий по стилистике и поэтике. В систематической работе этого семинария нашлось место и чеховским «Мужикам». Свою методологическую позицию он характеризует так: «Я лично отнюдь

не сторонник «формализма» в духе ленинградской школы Эйхенбаума и В. Шкловского. Их заявления, что искусство исключительно «живёт на основе сплетения и противопоставления своих традиций», что «никакой причинной связи ни с «жизнью», ни с «темпераментом» или «психологией» оно не имеет», – всё это, конечно, затейливые парадоксальные лозунги с кокетливыми претензиями на неисчерпаемую оригинальность и новизну такого критического «остранения» литературы. Такие лозунги грозят завести искусствоведа в пустыню головоломных и вымученных схем, а целое литературного развития – как исторический процесс – оставить «на холостом ходу». В противовес исключительности такого толкования формального метода каждый трезвый наблюдатель скажет, что конечную и важнейшую цель работы, производимой при посредстве всех приёмов объективного изучения художественного материала, составляет рассмотрение – по выражению Н.И. Бухарина – «общественно-функционального смысла литературы». Семинарий преследовал три основных цели: «Прежде всего, хотелось дать исподволь вырастающее впечатление смены литературного языка, т.е. лексического материала и соответствующих стилистических и поэтических приёмов обработки его. Далее, желательно было не утерять из виду смены преобладающих сюжетов в их социальной мотивировке и соответствующей авторской идеологии на фоне общественно-исторического развития. И, наконец, было важно привести участников семинария хотя бы к самому общему представлению о «диалектике» литературных эпох и направлений, поскольку последняя главным образом выражалась в колебаниях равнодействующей двух сил: а) революционных порывов к новой форме и б) усвоения прежних литературных традиций – при непрерывной смене сюжетной стихии [2].

Итоги деятельности семинария Сретенский характеризует следующим образом.

Литература наших дней связана неизбежною и прочною преемственностью форм с истоками литературы классиков и типовые, напр., различия художественной манеры Пушкина и Гоголя ещё сейчас – mutatis mutandis – с большею или меньшею ощутимостью характеризуют современных писателей «попутчиков» и писателей пролетарского лагеря (стоит сравнить, с одной стороны Сейфулину, Вс. Иванова, Неверова, Ляшко, и, с другой, Леонова, Замятина, Серафимовича, Малышкина).

Кривая развития русской художественной прозы знает чередование типических моментов одностороннего «перерастания» головного начала, идейной тематики, за счёт ослабленного интереса к форме (народническая и вообще «передвижническая» беллетристика конца XIX века или, также, первые незатейливые побеги пролетарского эпоса) и моменты обратного «перерастания» формы с идеологической ущербностью (художественная проза символистов и декадентов, отчасти «серапионовцы»). Высоты гармоничного сочетания богатой формы и веского социального содержания отмечены именами Гоголя, позднее Достоевского, Толстого и Лескова, на рубеже XX века именами Чехова и Горького; приближение к устойчивому равновесию художественного концепта обещают и наиболее талантливые послеоктябрьские писатели: Сейфуллина, Бабель, Ляшко, Леонов.

Сравнительное изучение образцов русской художественной прозы показывает, что за вековой период имел место заметный рост экспликативных художественных приёмов, утончение их, социально обусловленный сдвиг словаря и самой речевой ритмики и интонаций, смена и расширение сюжетного репертуара. И всё же в качестве пожелания для современного литературного «молодняка» должно назвать не «новаторство ради новаторства» (an und fur sich), – равно и не литературный пессимизм! – а творческое ускорение и переработку лучших даров литературного прошлого с непременной установкой мысли и манеры речи на способности восприятия, здоровье, свежие вкусы и запросы новых читательских кругов. А поскольку эти круги расходятся до пределов широкой трудовой массы, восходящей сейчас по лестнице культуры, писатель-общественник (а не узкий сектант, и не чудачествующий отщепенец) не может не держать курса на простоту стиля и на возможно большую экономию художественно-выразительных средств, ибо (вспоминается Л. Толстой) величие и красота только там, где есть простота и правда [2].

Сам Бобров ещё до расформирования СКГУ, с 1927 года, вёл семинарий повышенного (научно-исследовательского) типа по истории литературы. Семинарий начал работу 23 января. За первые семь месяцев его работы было проведено 25 заседаний, было сделано 36 докладов. Целью работы семинария являлось научное исследование историко-литературных проблем в свете социологического метода. Работы по формальному методу, а также и по методу «форсоца», как противоречащие интересам науки истории не допускались. Тематика докладов была чрезвычайно широка. Среди прочих были представлены доклады о Гесиоде, Софокле, Шиллере, Гёте, Золя, Помяловском, Левитове, Достоевском. С докладом о пролетарском творчестве выступал ректор СКГУ Л.М. Ефремов. По общим вопросам литературоведения выступал и профессор Сретенский (Известия СКГУ, 1928 г.).

Но нас, прежде всего, интересует чеховский след в истории этого сообщества, он фиксируется в массиве доступных нам доказательств и источников, правда, довольно скромного. В частности это

публикации в университетских сборниках, фонд ЗНБ, фонды ГАРО, Интернет источники, воспоминания современников.

Как мы видим основным направлением, продолжившим своё развитие после смерти Боброва стало литературоведение. Н.Н. Сретенский по сути был общим учеником Ягодинского и Боброва. От Ягодинского к Сретенскому достались любовь к логике и философская эрудированность. Широкий кругозор, пристрастие к лингвистике и литературоведению досталось ему от Боброва. Свою любовь к литературе Сретенский передал и своему ученику Леониду Петровичу Громову. По устному сообщению Владимира Трофимовича Фоменко, которому Громов в конце 50-х годов читал курсы по литературе малых народов СССР и Чехову, это был чрезвычайно скрупулёзный, академически основательный исследователь. С 1964 года Громов возглавляет кафедру литературы Таганрогского государственного педагогического института. С его приходом основным направлением работы кафедры становится изучение творчества Чехова, раз в два года стали проводиться межвузовские конференции, Чеховские чтения, и издавать сборники статей участников конференции. На этой же кафедре вместе работали Иван Фёдорович Волков впоследствии ставший деканом филологического факультета МГУ и один из крупнейших чеховедов своего времени М.П. Громов. Влияние психолого-философской мысли Боброва, хоть и косвенное, не пропало.

Таким образом, мы видим, что изучение чеховского наследия на его родине началось не сразу, но впоследствии принесло весьма значительные результаты и немалый вклад в это внесли Бобров и его ученики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Семинарий повышенного научно-исследовательского уровня по истории литературы // Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т. 3 (16). – С. 18–69.
2. Сретенский Н.Н. Из опыта семинария по стилистике и поэтике // Отдельный оттиск «Известий ДГУ». – Т. 6. – Ростов-на-Дону, 1925.

ИСКУССТВО КАК ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПО Е.А. БОБРОВУ)

Хулапова А.А.

В статье рассматриваются особенности феномена искусства согласно психологической концепции критического индивидуализма, разработанной Е.А.Бобровым. Анализируются вопросы об отношении искусства к нравственности, науке, религии, также дается описание психологического анализа личности художника.

Ключевые слова: *персонализм, критический индивидуализм, искусство, эстетика.*

В начале XX века в Варшавском (с 1917 г. – в Донском) государственном университете продолжительное время работал специалист по истории философии, психологии и литературы профессор Е.А. Бобров. Многогранность научных интересов русского ученого проявилась в его научной деятельности, посвященной различным проблемам философии, гносеологии, психологии, логики, литературы и эстетики.

К сожалению, творчество этого выдающегося профессора практически неизвестно современным ученым. С начала 20 века труды Е.А. Боброва не переиздавались, в научных источниках имя профессора практически не упоминается, ссылок на его работы в современной литературе чрезвычайно мало. Следует отметить, что среди произведений Боброва десятки монографий, среди них 4-томная «Литература и просвещение в России 19-го века» и 6-томная «Философия в России», где ученый систематизировал огромное количество материалов.

Е. Бобров не занимался углубленным изучением какой-либо определенной проблемы, он совмещал философские, психологические и литературные исследования, и в каждую из этих областей знания он внес солидный вклад. За время своей педагогической деятельности ученый опубликовал более трехсот научных статей и монографий. Проблемы, которые затрагивал Бобров в своих работах, весьма интересны, а главное – они были новаторскими для того времени (к. 19 – н. 20 вв.). Основу мировоззрения профессора составлял персонализм. Евгений Александрович вместе с другим полузабытым русским философом Алексеем Козловым был сторонником этого философского направления. В центре персонализма Боброва находится признание личности как высшей духовной ценности, а также идеи первичной данности реальности воспринимающему субъекту.

Свои психологические учения Е. Бобров развивал историко-критическим методом, а разработанную философскую концепцию воззрений на окружающий мир именовал «критическим индивидуализмом» (теория, в которой признается всеобщая одушевленность мира). Эстетику профессор называл наукой об искусстве и рассматривал как один из видов прикладной психологии. Свои труды «О понятии искусства» (1894) и «Отношения искусства к науке и нравственности» (1895) он посвятил разработке психологических основ эстетики в духе системы персонализма. В этих произведениях Бобров рассматривал искусство как психическую деятельность, подвергал анализу феномен прекрасного, откуда оно появляется, как связано искусство с религией, наукой, нравственностью.

Е. Бобров утверждал, что искусство, в силу своего громадного значения в духовной жизни личности и общества, не может не интересовать культурного человека. Эстетические потребности изначально присущи человеческой душе, и потому искусство живет в сердцах всех мыслящих существ.

В монографии «О понятии искусства» Бобров писал: «прекрасное для меня существует лишь постольку, поскольку я его ощущаю и соответственно чувствую. Для производства прекрасного равно необходима, как воздействующая вещь, так и воспринимающий субъект, без которого не будет и чувства прекрасного». Внешний мир и его прекрасные предметы – «есть не более как проекция, т.е. нами самими произведенное вынесение наружу и субстанциирование своего собственного душевного содержания: представлений, впечатлений и пр., даже понятий и иных логических форм. Мы проектируем и свое со-

стояние прекрасного». Таким образом, «прекрасного вообще нет вне нас; и наша душа есть единственное субстанциальное место его, как функции, пребывания; следовательно, прекрасное мы должны искать и изучать в себе, в своем духе» [3, с. 83–84].

Однако, эти положения не означают, что вне нашего «я» нет ничего, никакого внешнего мира. Окружающий мир «строится нами, по аналогии с собой, из подобных нам по духу субстанций, объединенных в стройную систему, куда и наше «я» входит как скромная часть». Прекрасное происходит в силу взаимодействия субстанций, следовательно, «определение сущности прекрасного есть часть метафизической задачи о взаимодействии монад» [3]. Бобров предполагал, что одна субстанция-монада действует на другую и своим движением производит в ней ощущение, координированное с чувством прекрасного.

Таким образом, прекрасное вызывается особого рода воздействием вещей на человека, которое совершается через ощущение. Отсюда само название эстетики, как науки о специфическом ощущении, связанном с особым чувством прекрасного [4].

Е. Бобров убежден, что необходимо изучать творчество как душевный процесс («поэтику» или учение о творческой деятельности духа), а также изучать ощущения, вызываемые произведениями искусства («эстетику» в собственном смысле) [1]. Из этого следует вывод, что эстетика заключает в себе две основные проблемы: проблему художественного творчества и проблему эстетического наслаждения.

Искусство как деятельность человеческого духа есть координация функций трех видов: движения, чувства и познания. Первым признаком искусства является особого рода творчество, т.е. движение. Исходя из этого тезиса, Бобров определял искусство как систему сознательных и бессознательных «координированных движений» [6].

В искусстве бывает два рода движений: чисто духовные в области познания (фантазия), которые руководятся чувствованиями и физические движения, которые направляются на телесные органы и производят ощущения [4].

С целью определения психологического характера искусства Бобров исследует фантазию, как один из главных моментов художественной деятельности. Фантазия, по его мнению, «есть движение идейных элементов, предшествующее художественному выбору и координирующееся с эстетическими чувствами». «Свобода фантазии состоит в возможности перетасовки идейных элементов и в бесцельности их движения; зависимость же фантазии от действительности заключается в том, что в основе образов всегда лежат непосредственные восприятия, полученные при метафизическом взаимодействии с миром». «Чем больше в творчестве художника простых репродукций и меньше субъективных комбинаций, тем художник реалистичнее; и наоборот, чем свободнее его фантазия, тем менее его образы реальны» [3, с. 199].

Поскольку, согласно теории Боброва, творческая деятельность в искусстве относится к движению, то необходимо исследовать двигательную деятельность в искусстве в отличие от других проявлений той же деятельности в науке, нравственности, религии [5].

Сравнивая искусство с наукой, Е. Бобров утверждал, что наука и искусство – вещи различные. Художник – не ученый, цель науки – истина – нечто более серьезное, чем цель искусства – развлечение, особого рода наслаждение. Далее профессор приходит к заключению, что «искусство есть особого рода познание», отличающееся от научного только чувствами. В науке познание комбинируется с логическими чувствами, а в искусстве – с эстетическими. К сожалению, вопрос об отличии логических чувств от нравственных и эстетических ученый не раскрыл.

Бобровым решался вопрос о связи искусства с религией, в частности христианством. Для христианского художника мир духовный важнее мира материального, «мира плоти». Мировая любовь наполняет душу художника и воспламеняет его сердце. При этом координация эстетических чувствований с нравственными не обязательна, если рассматривать вопрос с психологической точки зрения: т.е. произведение искусства может производить эстетическое впечатление, даже если автор не руководствовался при его создании нравственными и религиозными ценностями. Знаменем искусства служит эстетическая свобода, знаменем христианской религии и морали – свобода личности, как разумного и нравственного существа [2].

Что касается вопроса о соотношении искусства и нравственности, то они причастны внешнему движению, так как искусство создает произведения, а нравственность выражается в поступках, следовательно, они состоят в том или ином воздействии субъекта на внешний мир. Бобров делает вывод, что искусство и нравственность могут стоять в тесной связи уже на начальном этапе художественной деятельности, замысле. В силу психических условий художественного творчества и нравственной деятельности искусство может быть нравственным, что обусловливается с одной стороны индивидуальной натурой художника, с другой – качеством его внутренней жизни [1].

Искусство и нравственность, кроме внутреннего момента имеют еще и внешний, выражающийся в воздействии нашего «я» на объекты внешнего мира. Этот момент наступает при совершении выбора образа или желания. Координация искусства захватывает

сторону движения, которым символизируется и выполняется задуманное. В искусстве это называется техникой, в нравственности – умением надлежащими средствами достигнуть цели [4].

Произведения искусства вызывают в нас различные ощущения. По закону взаимной координации функций ощущения, вызываемые художественным произведением, могут сопрягаться с чувствованиями-желаниями и мыслями. Произведения искусства через ощущение могут наводить воспринимающего на определенные мысли и побуждать к тем или иным поступкам. Это может быть достигнуто только через ощущение. Вследствие индивидуальных особенностей воспринимающих субъектов произведения искусства вызывают различные настроения и поступки, а иногда совсем остаются без ответа [3].

Отдельное внимание Бобров уделял психологическому анализу личности художника. Он утверждал, что искусство воспроизводит видение художника окружающих предметов и явлений действительности. В связи с этим Бобров отграничивал художественную фантазию от «специфического художнического дара». Вероятно, художники одарены некими свойствами психического движения, поэтому их ощущения отличаются от ощущений других людей. У художников координирована особая система специфических технических движений, необходимых им для символизации своих образов. Эта прирожденная координированность технических движений и представляет наряду с художественной фантазией особенность дарования художника [4].

Нравственность искусства в замысле зависит от индивидуальности художника, как нравственного существа, и от качества состава его фантазии. В данном вопросе важным является общее нравственное развитие личности художника, его характер, энергия его эстетических и этических чувствований, качество и ценность его мировоззрения. В то же время качество и сила фантазии обуславливают саму возможность творчества, поскольку можно быть нравственным человеком и плохим художником. От свойств и силы фантазии будет зависеть, должен ли художник, как нравственная личность, слепо отдаваться влечениям или бороться с ней, в силах ли он противостоять ей, или ему придется уступить порывам своего бурного воображения [3].

Художник живет в определенных физических условиях, в определенной нравственной атмосфере. Отсюда следует, что и фантазия, и порождаемые ею образы, и произведения, в которые эти образы облекаются, будут носить на себе печать условий жизни художника, следы того, что называется «духом времени», отголосок происхождения художника, его национальности, образования, религии и т.д. Среда может влиять на художника двояко: чем нравственнее и чище атмосфера, в которой жил и творил художник, тем нравственнее и его фантазия, тем нравственнее и его творения [3].

Автор отмечает у истинного художника особое отношение к его самосознанию, обнаруживающееся при его деятельности. Художественное творчество в высших его моментах отличается тем, что художник как бы забывает о своем собственном существовании и о существовании внешнего мира и весь как бы поглощается образами своей фантазии. Таким образом, Бобров приходит к заключению, что высшим мотивом искусства является любовь к ближнему и гуманные идеалы.

В заключение следует отметить, что определение понятия «искусства», согласно теории Е. Боброва, может быть добыто лишь из сравнения искусства, как психической функции, с другими идеальными деятельностями духа: наукой, религией и нравственностью. Различие между ними, согласно Боброву, полагается, с одной стороны в принадлежности к различным классам психических явлений, с другой – в различии специфических чувствований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Искусство и нравственность // Вопросы философии и психологии. – 1893. – Кн. 20. – С. 1–29.
2. Бобров Е.А. Краткий отчет о занятиях во время ученой командировки летом 1898 г. с приложением двух рассуждений: О координальном бытии; Искусство и христианство. – Казань, 1899.
3. Бобров Е.А. О понятии искусства. Умозрительно-психологическое исследование. – Юрьев, 1894.
4. Бобров Е.А. Отношение искусства к науке и нравственности. – Юрьев, 1895.
5. Козлов А.А. Теория искусства с точки зрения Тейхмюллера // Вопросы философии и психологии. – 1895. – Кн. 27. – С. 178–189.
6. Маковельский А.О. Работы профессора Е.А. Боброва по философии // Известия СКГУ. – 1928. – Т. 3 (16). – С. 3–7.

СОВРЕМЕННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРИОБЩЁННОСТИ К МУЗЫКЕ

Бондарь К.В.

В данной статье целью автора стало рассмотрение различных точек зрения по проблеме музыкального восприятия на современном этапе. Рассмотрены основные воззрения различных учёных и исследователей на тему музыкальной психологии и исследования ценностно – смысловой сферы. Описана актуальность и новизна исследования, а так же приведён ряд гипотез и задач предполагаемой научной работы.

Ключевые слова*: психология искусства, психология музыки, ценностно-смысловая сфера личности.*

В настоящее время музыка играет важную роль в повседневной жизни миллионов людей. Определение её феноменов и формулирование её законов занимает центральное место, в научной работе многих учёных. Социологи, психологи, искусствоведы, музыкальные педагоги и просто обычные люди, – все они в той или иной мере подвержены постоянно меняющимися музыкальным тенденциям. Отчасти эти тенденции и подтолкнули психологов на более детальное изучение взаимосвязи человека и музыки и выделение из общей психологии самобытной отрасли – музыкальной психологии или психологии музыки. Область музыкальной психологии является пограничной между сферой искусства и сферой науки о человеке[1].

Сегодня, когда музыка стала неотъемлемой частью жизни любого человеческого сообщества, каждый профессиональный музыкант должен особенно хорошо чувствовать и понимать своё предназначение. Следует отметить, что в настоящее время, в обществе нарастает потребность в музыкальной составляющей его культуры. И долг искусства, отраслью которого является музыка – помочь обществу пережить трудности, давая надежду и моральную поддержку. Вообще, говоря о современной культуре, можно констатировать наличие некоторых изменений. Как структурно, так и функционально. «Когда-то искусство требовалось, чтобы перебить невыносимую жизненность смерти, теперь – чтобы перебить невыносимую смертную скуку жизни» [4, с. 225].Следуя дальше за профессором Шкуратовым, рассматривая культурные транспозиции от культуры дописьменной к культуре письменной, и от письменной к визуальной, можно говорить о появлении в музыкальном произведении третьего пласта – визуального. Это важный аспект в анализе воздействия современного музыкального произведения.

Проблеме понимания того, что есть музыка, рассмотренная сквозь призму психологии, были посвящены теоретические разработки выдающихся музыкантов, психологов и педагогов – Алексеева А., Бочкарева Л.Л., Лосева А.Ф., Тарасова Г.С., Когана Г.М., Нейгауза Г.Г., Петрушина В.И., Федорова Е.Е. и др. Можно вспомнить и классические для психологии имена зарубежных учёных – В. Вундт, Г. Гельмголц, К. Штумпф, Т. Адорно и др.

Несмотря на определенную разработанность этой темы, существующий научный плюрализм не позволяет считать эту тему досконально изученной Ныне мы встречаемся с настоящим взлетом музыкально-психологических изысканий. Вышли в свет программы по психологии для музыкальных вузов, хрестоматии, альманахи, защищен ряд диссертационных работ (И.Е. Виноградова, Я.Т. Жакупова, Е.А. Глазкова). Появились психологи музыки, которая понимается ими как отрасль психологии искусства, изучающая воздействие музыки на человека и его активную музыкальную деятельность [3]. Музыкальная психология исследует проблемы процессов формирования, развития и определения музыкальных способностей; психологических механизмов сочинения, исполнения, восприятия и обучения музыке; применения музыки как массового средства коммуникации (в концертах, спектаклях, кино, на телевидении, радиовещании); влияние функциональной музыки на производительность труда; лечебного воздействия музыки на человека; профессиональной деятельности музыканта: его обучение, воспитание профессиональных и артистических качеств (умение общаться с публикой и воз-

действовать на нее); эстетической, нравственной и воспитательной роли музыки в формировании подрастающих поколений; влияния музыки на повышение творческого потенциала личности. Одним из направлений музыкальной психологии является психология музыкальной деятельности, которая изучает основные ее виды: слушание (восприятие), исполнение, сочинение и преподавание музыки. Особый аспект – изучение ценностных особенностей музыкантов: специфика, креативная направленность, выявление индивидуальных центраций.

Проблема изучения ценностно-смысловой сферы личности в настоящее время приобретает все более комплексный характер, являясь предметом различных социальных дисциплин, и представляет собой важную область исследований, расположенную на стыке различных отраслей знания о человеке – философии, социологии, психологии, педагогики. Теоретический анализ и исследования ценностно-смысловой сферы на различных уровнях создали необходимость использования понятий и методологических оснований смежных научных дисциплин. Ценностно-смысловая сфера личности включает в себя два основных компонента – ценностные ориентации и систему личностных смыслов [2]. Оба компонента неразрывно связаны с понятием личность, поскольку тесно соприкасаются с изучением человеческого поведения и побуждений. Как общенаучные понятия они способствует объединению исследуемых объектов различных наук.

Методологическую и теоретическую основу предполагаемого исследования составили следующие психологические работы:

- теории о ведущей роли креативности личности в музыкально-творческом процессе (Г.Г. Нейгауз, Я.А. Зак, К.Н. Игумнов, Е.М. Тимакин);
- исследования творческой личности и ее развитие в художественной деятельности (П.А. Просецкий, В.А. Селиченко, Я.А. Пономарев, П.М. Якобсон, М.И. Меерович, Л.И. Шрагина, Б.М. Теплов, К.В. Тарасова, В.И. Петрушин, М. Готсдинер, Ю. Вахранев, В. Медушевский, Г.Л. Ержемский);
- положения о специфической роли образного ассоциирования в музыкальной деятельности (Н.И. Анчукова, В.Г. Ражников, Г.М. Цыпин, Н.Н. Токина, Г. Орлов, О. Мессиан, И.Д. Рудь, И.И. Цукерман, Е.В. Назайкинский);
- акмеология (К.А. Абульханова-Славская, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, В.Г. Зазыкин, Е.Н. Богданов, Н.А. Коваль, В.Н. Маркин);
- изучение ценностно-смысловой сферы взрослых в различных профессиональных контекстах (И.В. Абакумова, В.Н. Дружинин, А.В. Серый, М.С. Яницкий, Я.Л. Коломинский, Л.Н. Коган, В.А. Ядов).

Вследствие этого, психологическая практика требует осмысления теоретических установок психологии музыки. Анализ исследований, посвящённых изучению ценностно-смысловой сферы музыкантов, показал, что проблема процесса создания музыкального образа, актуализирующегося ценностно-смысловым содержанием музыканта, как субъекта музыкального переживания, изучена недостаточно. Именно ценностно-смысловая сфера определяет особенности инициации креативного процесса в музыкальной деятельности, опосредуя специфические, свойственные именно данной личности музыкальные образы.

Таким образом, исследование ценностно-смысловой сферы людей, с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре обусловлено рядом противоречий:

- между усилением потребности в стимуляции эмоционально-эстетического развития и отсутствием реальных технологий достижения;
- между реальным механизмом восприятия музыки на уровне индивидуальной ценности и отсутствием описаний в психологии механизма психосемантического эффекта;
- между технологией интеллектуальной стимуляции и отсутствием направленного воздействия на принятие музыки как ценностной единицы.

Выявленные противоречия определили актуальность проблемы**,** которая состоит в необходимости исследования ценностно-смысловой сферы, определяющей особенности инициации креативного процесса в музыкальной деятельности, опосредуя специфические, свойственные именно данной личности музыкальные образы.

Актуальность указанной проблемы обусловила выбор темы диссертационного исследования: «Исследование ценностно-смысловой сферы людей, с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре».

Цель работы – исследовать ценностно-смысловую сферу людей, с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре.

Объектом исследования могут выступить взрослые в возрасте от 18 до 30 лет с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре. Предметом исследования следовательно – ценностно-смысловая сфера людей, с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре.

Также возможно сформулировать гипотезы исследования**:**

- уровень приобщённости к музыкальной культуре влияет на ценностно-смысловые особенности людей;
- люди с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре имеют различные смысложизненные ориентации, образ мира и способы взаимодействия с ним;

– уровень приобщённости к музыкальной культуре оказывает существенное влияние на смысловые центрации и жизненные приоритеты;
– знание различий смысложизненных ориентаций может стать основой для разработки системы тренингов и психотерапевтических программ.

В следствии этого задачи исследования следующие.

1. Провести теоретический анализ исследований по проблеме смысложизненных ориентаций(СЖО) и ценностно-смысловых ориентаций личности, сферы с целью определения понятий «смысл», «ценности» в контексте изучения ценностно-смысловой сферы людей, с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре.
2. Провести исторический обзор умозрений и работ учёных, в разных культурно-исторических эпохах, касательно музыкального восприятия.
3. Рассмотреть особенности восприятия музыки людьми, в связи с их личностно-типовыми особенностями.
4. Подобрать и апробировать методики исследования ценностно-смысловой сферы.
5. Разработать анкету-опросник, направленную на выявление приобщённости к музыкальной культуре.
6. Обобщить результаты эмпирического исследования, направленного на изучение ценностно-смысловой сферы людей, с разным уровнем приобщённости к музыкальной культуре.

Можно предположить и методы исследования:

– теоретический анализ психологических, культурологических и музыковедческих источников по проблеме исследования;
– диагностическое эмпирическое исследование с использованием личностных тестовых методик, оценочных шкал;
– анализ, обобщение;
– статистическая обработка данных.

С учетом цели, объекта, предмета, гипотезы и задач исследования, возможно использовать следующие методики психологической диагностики.

1. Определение жизненных ценностей личности (Must-тест) (П.Н. Иванов, Е.Ф. Колобова);
2. Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова);
3. Экспресс-диагностика социальных ценностей личности;
4. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д.А. Леонтьева);
5. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича;
6. Анкета-опросник (К.В. Бондарь, И.В. Абакумова).

Предполагаемая база исследования: По нашим прогнозам всего в исследовании добровольно должны принять участие 150 человек. Из них половина женщин и половина мужчин в возрасте от 18 до 30 лет. Все испытуемые принимали участие в эксперименте по своему желанию. В первой группе будут представлены музыканты города Ростова-на-Дону, регулярно гастролирующие и участвующие в музыкальных мероприятиях. Вторую группу составят люди, не являющиеся музыкантами, но регулярно посещающие концерты и другие музыкальные мероприятия, имея богатую палитру музыкальных пристрастий. В третью группу войдут люди, не имеющие музыкальных пристрастий и индифферентно относящиеся к музыкальной культуре.

Репрезентативность выборки определяется количеством экспериментуемых (необходимой и достаточной выборкой) и их добровольным участием в исследовании.

Достоверность полученных результатов исследования гарантирована**:**

– общей логикой построения исследования и целостным подходом к решению проблемы;
– методологической обоснованностью и непротиворечивостью исходных теоретических положений исследования;
– подбором комплекса диагностических методик, использованием проверенных стандартизированных методик и корректной организацией опытно-экспериментальной работы;
– статистическими методами обработки полученных в ходе эксперимента данных;
– результатами экспериментальной работы, практическим подтверждением основных положений исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрушин В.И. Музыкальная психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. – М. Академический Проект, Трикста, 2008. – 400 с.
2. Серый А.В., Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности: Учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. – 92 с.
3. Старчеус М.С. Музыкальная психология: Хрестоматия. – М., 1992.
4. Шкуратов В.А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. – Ростов-на-Дону: Наррадигма, 2006. – 400 с.

Balakina A.A.

Socio-psychological functions of spatial parameters of the urban environment

The article analyzes the socio-psychological functions of the basic spatial parameters of the urban environment. The article provides an introduction to the problem of studying interpersonal relationships within the urban community, a description of major socio-psychological functions of basic parameters of urban space, as well as a summary of research conducted by the Pilot. The article outlines the key spatial parameters and their impact on social interaction in urban space, color features of socio-psychological nature. Results of the survey suggest there are differences between people, differentiated by spatial parameters within a single city.

Key words*: spatial parameters, socio-psychological functions, boundary, zoning, downtown, street, urban open space, design.*

REFERENCES

1. Askarov SH.D. Region. Space. City – M.: Stroiizdat, 1998. – 200 p.
2. Barsukova S. Trends in social Zoning Russian cities // Russian urban space: an attempt at comprehension / Tob. Ed. V.V. Wagin. – M.: MPSF, 2000. – 164 p.
3. Bikbov A. Moscow/Paris: spatial structures and physical schemas // Logos. – 2002. – № 3-4.
4. Gerasimov K., Tchouikina S. Symbolic boundaries and «consumption» of urban space // Russian urban space: an attempt at understanding / Tob. Ed. V.V. Wagin. – M.: MPSF, 2000. – 164 p.
5. Glazychev V.L. Education Space // Knowledge is power. – 2004. – August. – P. 39-46.
6. Zhelnina A. Malaya Sadovaya street in St. Petersburg: the experience of becoming a public space // Communitas/Community. – 2006. – № 1. P. 53-71.
7. Sennett R. The fall of public man / Per. from English. O.V. Isaeva, E. Rudnitskaya, V.L. Sofronova, K. Chuhrukidze. – M.: Logos, 2002. – 424 p.
8. Solobozov Yu. City as a destructive cult. – 2002. – August. URL: old.russ.ru/politics/20020820-sol.html
9. Solodilova L.A., Balakina A.A. Architectural psychology in the design of landscape and city planning units // International Scientific and Practical Conference: «City – 2006»; March 13-16: Abstracts. – Rostov-on-Don: Rostov state academy of art and architecture, 2006. – 322 p.
10. Strelnikova A.V. The illusion of freedom in a large city. Thoughts about the book «Russian urban space: an attempt at understanding» // Economic Sociology. – 2001. – T. 2. – № 2. – P. 133-139.
11. Heydmets M. A review of research on the spatial factor in interpersonal relations / man among space: a study on psychological problems of space-subject environment. – Tartu: TGU, 1979. – P. 129-161.
12. Chernoushek M.J. Psychology of life environment. – Moscow: Mysl, 1989. – 289 p.

Alperovich V.D.

On the problem of the transformations of the representations of the Friend and of the Enemy at the adult age

We are described the types of the formal and substantial transformations of the representations of the Friend and of the Enemy at the adult age. We are fixed, that the crisis of the personal relations' system, the pre-critical state of the personal relations' system, the absence of the crisis of the personal relations' system were different by the expression's degrees of relations of certain modalities, the social frustration' levels and the attitudes to the life's periods. We are demonstrated, that the respondents with different levels of the crisis of the personal relations' system were different by the the types of transformations of the representations of the Friend and of the Enemy at the adult age.

Key words: *formal and substantial transformation, representation of the Friend and of the Enemy, personal crisis of the relations' system*

REFERENCES

1. Bratus B.S. On the problem of the personal development at the adult age // The Moscow state university's bulletin. Ser. 14. Psychology. – 1980. – № 2. – P. 3-12.
2. Emelianova E.V. Crisis in the co-dependent relations. The principles and the algorithms of the consulting. – Saint Petersbourg: Language, 2008. – 368 p.
3. Mokhova E.E. Age dynamics of the representatios of the friedship and the friend at the younger age. The psychological master's thesis. – Moscow, 2004.
4. Tschudova N.V. Influence of the subject's personal characteristics on his representations of the ideal communicational partner // The psychological journal. – 1993. - Vol. 14. – № 3. – P. 28-37.
5. Tulinova D.N. Representations of the Friend and the Enemy in connection with the relation to the life at the different stages. The psychological master's thesis. – Rostov-on-Don, 2005.
6. Schneider L.B. Personal, gender and professional identity: the theory and the dyagnostics methods. – Moscow: the Moscow psychological and social institute, 2007. – 128 p.
7. Yurkova E.V. Manifestation of the social representations of the friendship in the interpersonal relations. The psychological master's thesis. – Saint Petersbourg, 2004.

Esipova M.Y.

Emotional component in conflict competence structure

Summary: in the article conflict competence definitions and structure are considered; importance of an emotional component in conflict competence structure is proved; emotional intelligence (EQ) definitions and structure are consid-

ered; pilot study results of interrelation of conflict competence components with emotional intelligence are presented.

Key words: *conflict, conflict competence, emotional intelligence (EQ).*

REFERENCES

1. Andreeva I.N. Emotional intelligence: phenomenon research // Questions of psychology. – 2006. – № 3. – P. 78-86.
2. Ancypov A.Y., Shipilov A.I. Konflictology. – St. Petersburg: Piter, 2007. – 496 p.
3. Lusin D.V. Present-day representations about emotional intelligence // Social intelligence: theory, measurement, researches / By Lusin D.V., Yshakov D.V. – Moscow: Institute of psychology RAS, 2004. – 176 p.
4. Manojlova M.A. Akmeological development of emotional intelligence of teachers and pupils. – Pskov: PSPI, 2004. – 140 p.
5. Pashykova T.I. Egocentrizm: phenomenology, laws of formation and correction. – Kirovograd: Central-Ukrainian publishing house, 2001. – 338 p.
6. Petrovkaya L.A. About nature of conflict competence // The bulletin of Moscow university. – Vol. 14. Psychology. – 1997. – № 4. – P. 41-45.
7. Petrovkaya L.A. About the conceptual scheme of the social-psychological conflict // Social psychology: Chrestomathy / By Belinskaya E.P., Tihomandrickaya O.A. – Moscow: Aspekt-Press, 2003. – 475 p.
8. Skytina T.V. Conflict competence as a resource of development of teenagers interpersonal communication: Dissertation autoabstract … candidate of psychological sciences – Moscow, 2008. – 24 p.
9. Khasan B.I. Constructive psychology of the conflict. – St.-Petersburg: Piter, 2003. – 250 p.

Kretova E.P.

Notions of «difficult» partner among the staff of the correctional system

The article provides a theoretical analysis of the concept of "difficulty in communication", as the features of the relationship among the staff of the correctional system, as well as perceptions of a difficult partner, the level of emotional relationships.

Keywords: *the criminal investigation – the correctional system, shortness of communication, relationship, emotional intelligence.*

REFERENCES

1. Andreeva G., Bogomolov N.N, Peter LA Contemporary social psychology in the West (theoretical orientation). – M., 1978.
2. Labunskiy V.A. On the problem of difficult communication problem formulation "the subject of difficult communication // Psychological Bulletin. – Rostov-na-Donu, 1997. – Issue 2.
3. Labunskiy V.A., Mendzheritskaya Y.A., Breus E.D. Psychology hindered communication. – M., 2001.
4. Lyusin D.V. Modern views on emotional intelligence // Social intelligence. Theory, measurement, research / Ed. D.V. Ushakov, D.V. Lyusina. – M., 2004.
5. Practical Intelligence / Podobsch. Ed. R. Sternberg. – SPb., 2002.
6. Ushakov DV Social Intelligence as a kind of intelligence // Social Intelligence: Theory, measurement, research / Ed. D.V. Ushakov, D.V. Lucina. – M., 2004.

Militsa E.E.

Influence of level of expressiveness of social intelligence of doctors on representations about socially-psychological difficulties of interaction with patients

This paper discusses the problem of difficulties of interaction in system the doctor-patient. Along with it socially-psychological features of the person as determinants of difficulties of communication, and including influence of such global personal phenomenon as social intelligence are considered.

Keywords: *Doctor–patient communication; Difficulties of Interaction Social intelligence, Social abilities.*

REFERENCES

1. Abramova G.S. Psychology in medicine. – M, 1998.
2. Loun B. The Lost art of doctoring. – M, 1998.
3. Kerкstra A., Bensing J.M // Magazine by progressive techniques in sisterly business. – 2001. – Vol. 34. – № 6. – P. 772–779.
4. Kunitsyna V.N, Kazarinova N.V. Interpersonal dialogue. – SPb., 2001.
5. Lesnjak O.M. About a role of the patient in modern diagnostic medical process // Bulletin ОКБ. – 2000. – Release 2. – № 1.
6. Novik A.A., Ionova T.I. Management on research of quality of a life in medicine. – M., 2007.
7. Psychology of the complicated dialogue / V.A. Labunskaja, J.A. Mendzheritskaja, E.D. Breus. – M., 2001.
8. Reynolds U., Scott B. // Magazine by progressive techniques in sisterly business. – 2000. – Vol. 31. – № 1. – P. 226–234.
9. Thostov A.S. Corporality psychology. – M., 2002.
10. Williams A. Magazine by progressive techniques in sisterly business. – 2000. – Vol. 33. – № 5. – P. 660–667.

Akhmed Gamilja M.N.

Peculiarities of children sexual violation in Arabic society problem

The article describes reasons and consequences of children sexual violation, its peculiarities in Arabic society, including Yemeni. Author specifies that popularity of the

children sexual violation situations depends both on family and society economic level in whole. Opportunities and ways of Yemeni families' sexual violation prevention are stated; the article emphasizes the necessity of psychological rehabilitation service for violated children foundation in the state.

Key words: *psychological consequences, sexual abuse, children violation, violation in Arabic society.*

REFERENCES

1. Ibrahim Shadi – the effects of violence against children – a study on the phenomenon of violence against children // Journal Alshark Alawsat. – 2008. – V. 2. № 98. – p.10.
2. Ahmad Jamal Abul azaim /sexual violence against children // Journal of Psychology reassuring. – 2000. -V. 3. № 62. – P. 8-10.
3. Afrah Badwylan – sexual abuse of children // Journal network Saba. – 2009. № 71. – P. 10-11.
4. Hassan Maleh – sexual abuse of children – our mental life. Publishing Damascus. – 2006. – P. 240.
5. Hassan Kassem Kan, the sexual exploitation of children // Journal of Mental Health. – 2003. – №22. – P. 12-13.
6. Organization Cyag- study on the psychological and behavioral effects of violence against children Saada war – Yemen // Journal alcahafi. – 2008. – № 91. – P. 10-15.
7. Abdul Rahman Abdul Wahab – the phenomenon of street children in Yemen – a study submitted to the Women's Forum and training for Yemen in. – 2003. – P. 221.
8. Alaaldin kafani – Counseling and Mental Health// Journal of step. – 2008. № 28. – P. 4.. Alaaldin kafani – Psychology Family -International Publishing. – 2009. – 448 p.
9. Mohammed Ahmed Al-Nabulsi- Post-traumatic -A critical study about Arab psychology // Journal Mental culture. – 1995. – № 26. – 54 p.
10. Maan AbdulBari Kassim Abdul – sexual abuse on children- Aden // Journal of Mental Health. – 2003. – № 14-16.
11. Maan AbdulBari Kassim domestic violence inYemen // Journal of Mental Health. – 2000. – № 20.
12. Mohammed Saeed Fahim sexual violence against children// Journal of Public health. – 2003. – № 4.. Rowan A.B, Foy D.W. Post-Traumatic Stress Disorder in Child Sexual Aduse Survivors: A Literature Review // Journal of Traumatic Stress. – 1993. – V. 6. – P. 3-20.

Pomaz G.S.

Current problems of the development of the professional representations in the process of receiving psychological education

The author analyzes the structure of representations of the students studying at the psychological faculties, gives the results of the empirical research about the representations about the profession, describes the changes in students' representations at different years and stages of the education, the determinants of the representation changes are revealed, the four types of the representations of the profession and recommendations about their development are made.

Key words: *representations about the profession, determinants of the representations development, types of the representation about the profession – «diffusive», "egocentric", « incomplete», « unprofessional».*

REFERENCES

1. Dontsov A.I., Belokrilova G.M. Professional representations of the psychological students.// Questions of psychology. – 1999. – № 2. – P. 42-49.
2. Lubimova G.U. Representations of the senior students –psychologists about their future professional activity.// Bulletin of MSU. Series 14. Psychology. – 2002. – № 2. – P. 64-72.

Rudenko V.N.

Businessmen's readiness for changes at various stages of business development

Results of the empirical research which subject is readiness of businessmen for changes are presented in article. Specific distinctions in individual features of the businessmen's person which business is at an initial stage – «the organisation and start» and more mature stage – «development and stabilisation» are revealed.

Keywords: *businessman, personal change–readiness, business stages.*

REFERENCES

1. Bazhanova N. A. Personal readiness for changes in a context of research of a phenomenon of "expectation" / Transfer and questionnaire approbation «Personal change-readiness survey» // Acta eruditorum. Scientific reports and messages (The appendix to magazine "Bulletin RHGA", T.2). – SPb.: Publishing House RHGA, 2005. – P. 169-178.
2. Lazarev V.N, Vedernikov A.JU. Methodological of a management problem information interaction (On an example of regional system of small business). – Ulyanovsk: ULGTU, 2000. – P. 127.
3. Sircova A. Ponjatie of time orientations of the person in a foreshortening of age psychology – conceptual bases of research // «Lomonosov 2006». The international conference of students, post-graduate students and young scientists on fundamental sciences. Theses of reports. / Under the general edition V.N. Sidorenko. – M: Moscow State University, 2006. – P. 292-293.

Goreltseva V.V.

The Features of visual representation of sexuality in a pornography

The purpose of given title – to illuminate some of the modern approaches to division erotica and pornography and to try to define their place in system of the sexual relations in pair. In title the approaches by L.Wiliams and A.Denshik, moral and legal aspects of manufacture and consumption of a pornography, cultural – semiotic analysis of pornography images by H.Grigorieva are considered, the problem pornography dependence and influence pornography production is mentioned.

Key words: *erotica, pornography, sexuality, intimacy.*

REFERENCES

1. Bodrijar In The Shadow of the silent majority, or The End of social / Translation with French by N.V. Suslova. – Ekaterinburg: Ural. Un-ty, 2000.
2. Bushmin S.I. A pornography: crim-legal and criminal aspects: The auto abstract of the dissertation …the candidate of psychological sciences. – M., 1993. – 22 p.
3. Grigorieva H.G. An emblem: sketches under the theory and pragmatist of regular mechanisms of culture. – M.: Vodoley Publisher, 2005. – 232 p.
4. Goshilo H. The new members and bodies: politics of a pornography // the Woman and visual marks / Under edition. A. Alchuc. – M.: Idea – press, 2000. – P. 107-144.
5. Denshic A. Pornography imagined in a field of social // Visual anthropology: new sights on a social reality: The collection of scientific clauses / Under ред. E. Jarskaja-Smirnova, item. Romanova, I. Krutkina. – Saratov: the scientific book, 2006.
6. Zontag W. Pornography imagination // an Idea as passion / Under edition, Translation with French. Dubinina. – M.: Russian phenomenological society, 1997.
7. Ionin L.G. Tamed erotica // a Magazine «Man». – M., 1992. – № 3.
8. Lourence D.G. Psichoanalisis and unconscious. A pornography and obscenity. – M.: Exmo, 2003. – 480 p.
9. Nagaev V.V. Erotic and pornography. Criterion of distinctions. Problems of a legal estimation and examinations: the monography. – M.:UNITY-given: law and right, 2009. – 336 p.
10. Kernberg Otto F. The relations of love: norm and pathology / M.H. Gergieva. – M.: independent firm ««Class», 2006. – 256 p.
11. Williams L. Rigid porn. Authority, pleasure and «fury visual» (http://magazines.russ.ru/nz/2003/29/ui.html) // an emergency Ration (http://magazines.russ.ru/nz/). – 2003. – № 3 (29).

Ilin G.S.

On the socio-psychological aspects of 'Appearance' perfectionism

The socio-cultural factors of actualization of appearance perfectionism are considered. The author points to the dominance of perfectionistic aspirations of personality about the physical components of her appearance. The role of the media in shaping criteria for attractiveness, the importance of ideals of beauty for the modern man, as well as in forming his social concerns about his appearance and as a result in appearing of the setting to change it is explained. The role of personality factors in forming of appearance perfectionism is specified, as well as the fact that in study of these factors special attention should be given the subject relation to appearance. The author states the socio-psychological characteristics of perfectionistic personality that can lead to miscommunication.

Key-words*: appearance perfectionism, appearance, media, physical attractiveness stereotype, concern about appearance, bodily practices, subject approach to the appearance, attitudes, interpersonal perfectionism, and miscommunication.*

REFERENCES

1. Alkemayer T. Sociology of Sport. Bodily practices of subjection / Transl. from the German by. B. Kalinicheko // Logos. – 2006. – № 3 (54). – P. 141-146.
2. Baranskaya L.T. Psychology of narcissistic transformation of human actions aimed at changing the appearance // News of Ural State University. – 2008. – № 56. – P. 88-97.
3. Baranskaya L.T. Development of specific personality syndrome in patients of aesthetic surgery // News of the Urals State University. – 2008. – № 60. – P. 26-34.
4. Vygotsky L.S. Collected works.: In 6 Vols. – M., 1983. – V. 3.
5. N.G. Garanyan. Psychological models of perfectionism // Voprosy psihologii. – 2009. – № 5. – P. 74-83.
6. Kilborne B. Disappearance persons Shame and Appearance / Trans. from the English. – M.: "Cogito-Centr", 2007. – 269 p.
7. Labunskaya V.A. Subject interpretation of phenomenon "normative discontent about appearance". Subject approach in Psychology / Ed. A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina, E.A. Sergeenko. – M.: Publishing House "The Institute of Psychology RAofS", 2009. P. 355-371.
8. Martynov S.E. Effect of media on man's relation to his own body (based on the youth audience). Information and psychological safety in the media: In 2 Vols. V. II: The phenomenon of «broken communication»: Sat. articles / Ed. J.N. Zassoursky, Y.P. Zinchenko, L.V. Matveeva, E.L. Vartanova, A.I. Podolsky. – M.: Aspekt Press, 2008. – 399 p.
9. Rebenko T.A. Gender identity and representation of the body in women // Psihologicheksyi Journal. – 2010. – Vol. 31. – № 1. – P. 15-31.

10. Sokolova E.T. Narcissism as clinical and socio-cultural phenomenon // Voprosy Psyhologii. – 2009. – № 1. – P. 67-81.
11. Fallon E.A., Hausenblas H.A. Media image of the «ideal» female body: Can acute exercise moderate their psychological impact? // Body Image. – 2005. – V. 2. – N 1. – P. 81-86.
12. Sarwer D.B., Crerand C.E. Body image and cosmetic medical treatment // Body Image. – 2004. – V. 1. – N 1. – P. 99-111.

Lakosina N.V.

Age's dynamics of attitudes towards life as a result of photovisualization of life events

Experimental research of age's dynamics of attitudes toward life as a result of life photovisualization is presented. The method of the photovisualization including narrative interview and socially-psychological training with elements of analysis and interpretations photos of the important life events is described. Research sample consisted of 164 persons: 86 persons at the age of 20-25 years, 78 persons at the age of 24-44 years.

Key words: *Visual socially-psychological history, photovisualization of life events, attitude towards life, life satisfaction, time attitudes.*

REFERENCES

1. Grishina N.V. Psychology of life's course // Psychological magazine. – 2007. – Vol. 28. – № 5. – P. 81-88.
2. Zhuravlyov V.F. Narrative interview in the biographic researches // Sociology: 4 M. – 1993-4. – № 3-4. – P. 34-43.
3. Znakov V.V. Psychology of human life and subject's self-understanding // Person and life: theory and methodology. Materials of the All-Russia scientifically-practical conference / Ed. by Z.I. Rjabikina, V.V. Znakov. – Krasnodar: the Kuban State University, 2005. – P. 22-44.
4. Kopytin A.I. Training on phototherapy. – SPb.: Rech, 2003.
5. Labunskaja V.A. Visual research as a perspective of social psychology development // Materials of IV All-Russia congress of RPS: In 3 Vol. – M., Rostov-on-Don: CREDO, 2007. – P. 224-225.
6. Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology. – M: Science, 1984.
7. Muzdybaev K. Time feeling in crises // Psychological magazine. – 2000. – Vol. 21. – № 4. – P. 5-21.
8. Osuhova N.G. From a mirror to a diary: Reconstruction's psychotechnicians of an image I // Development of the person. – 2004. – № 4. – P. 142-160.
9. Panina N.V. Index of life satisfaction // LifeLine and other new methods of psychology of life's course / Ed. by. A.A. Kronik. – M: Progress, 1993. – P. 107-114.
10. Petrovskaja E. Foto(bio)graphy: to problem statement // Auto-bio-graphy. To a question on a method: notebooks on analytical anthropology – №1. / Ed. by V.A. Podoroga. – M: Logos, 2001. – P. 296-304.
11. Petrovskaja L.A. Dialogue – Competence – Training. – M: Sense, 2007.
12. Petrovsky A.V. Theoretical psychology. – M: Publishing centre «Academy», 2003.
13. Slobodchikov V.I. Psychology of person's development. Development of a subjective reality in ontogenesis. – M: School Press, 2000.
14. Homik V.S. Psychotherapy focused on reconstruction future // LifeLine and other new methods of psychology of life's course / Ed. by A.A. Kronik. – M: Progress, 1993. – P. 152-171.
15. Shkurko T.A. Dance-expressive training. – SPb.: Rech, 2005.
16. 16.Weiser J. PhotoTherapy techniques in counseling and therapy: Using ordinary snapshots and photo-interactions to help clients heal their lives // The Canadian Art Therapy Association Journal, Fall. – 2004. – Vol. 17. – № 2. – Pp. 23-53.

Pogontseva D.V.

Socio-demographic status as a factor influencing the presentation of a beautiful woman

The article examines the impact of socio-demographic status on the representation about beautiful woman. The results of empirical research are presented. It is concluded that indicators such as social and family status, financial status and educational level may influence the presentation of the external appearance and socio-psychological characteristics of a beautiful woman.

Keywords: *Beautiful woman, appearance, personality characteristics, socio-demographic status.*

REFERENCES

1. Kniffin K.M., Wilson D.S. The effect of nonphysical traits on the perception of physical attractiveness Three naturalistic studies // Evolution and Human Behavior. – Vol. 25. – Issue 2. – March 2004. – P. 88-101.
2. Paunonen S.V. You are honest, therefore I like you and find you attractive // Journal of Research in Personality. – Vol 40. – Is. 3. – June 2006. – P. 237–249.
3. Tovée M.J., Swami V., Furnham A. and Mangalparsad R. Changing perceptions of attractiveness as observers are exposed to a different culture // Evolution and Human Behavior. – Vol. 27. – Issue 6. – November 2006. – P. 443-456.
4. Tovee M.J., Emery J.L., Cohen-Tovee E.M. The estimation of body mass index and physical attractiveness is dependent on the observer's own body mass index Proceedings. Biological Sciences // The Royal Society. – 2000. – Oct 7; 267 (1456). – P. 1987-1997.
5. Tovée M.J., Hancock P.J., Mahmoodi S., Singleton B.R., Cornelissen P.L. Human female attractiveness: waveform analysis of body shape // Proceedings. Biological SciencesThe Royal Society. – 2002. – Nov 7. – Number 269(1506). – P. 2205–2213.

Buniaeva M.V.

Peculiarities of Chekhov's epistolary discourse

In the article it is performed the attempt to approximate to the consideration of A.P. Chekhov's epistolary discourse, referring to material of great Russian writer's personal correspondence. It is submitted the definition of the epistolary discourse and also its main characteristics through the lenses of which several A.P. Chekhov's letters, representing the large research interest, are described. It is proved the belonging of Chekhov's letters to the epistolary discourse. Among the peculiarities of Chekhov's epistolary discourse, it is shown the presence of the not regulated – «flexible», and not completely standardized, «semirigid» texts, as the result of crossing writer's formal and informal circles of the communication, and also the use of letter's original elements.

Key words: *epistolary discourse, personality, addressing, reference to the real world, modality of the reality, narrative indicative, implicitness of the information.*

REFERENCES

1. Amfiteatrov A.V. Anton Chekhov and A.S. Suvorin. Response thoughts // http: // dugward.ru/library/sodlib.html
2. Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 30 v. Letters: In 12 v. / AS USSR. Institute of World Lit. Gorky. – M.: Nauka, 1974-1983.
3. From the edition // Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 30 v. Letters: In 12 v. / AS USSR. Institute of World Lit. Gorky. – M.: Nauka, 1974-1983. – V. 1. Letters, 1875-1886. – M.: Nauka, 1974.
4. Gromov M.P. Prolusion // A.P. Chekhov's correspondence. In two volumes. The 1st volume. – M.: Art literature, 1984.
5. Podyapolskaya O.U. Communicative-pragmatic features of epistolary discourse // The word, the utterance, the text in the cognitive, pragmatic and cultural science aspects: collection of articles of participants of the IV Int. scientific. conf. – V. 1. – Chelyabinsk: LLC Publishing house Rekpol, 2008.

Sukhov N.I.

About the history of psychological Chekhovian studies on the Don

The study of Chekhov's literary career by Rostov philologists is closely connected with Eugeny Bobrov's followers. Eugeny Bobrov is a prominent Russian philosopher, philologist, psychologist and educationalist. Leonid Gromov was a well-known Russian philologist who studied Chekhov's literary career. Leonid Gromov belonged to Bobrov's school. The first generation of Bobrov's students made a great contribution to philological and psychological studies of Chekhov works.

Key words: *E.A. Bobrov, warsaw-rostov psychological school, psychological chekhovian studies, N.N. Sretenskij, L.P. Gromov, M.P. Gromov, A.P. Chekhov*

REFERENCES

1. Bobrov E.A. Heightened research seminary on history of literature // Izvestia NKSU. – 1928. – Vol. 3 (16). – P. 18-69.
2. Sretenskij N.N. From experience of seminary on stylistics and poetics // Reprint from «Izvestia DSU». – Rostov-on-Don, 1925. – Vol. 6.

Khulapova A.A.

Art as a mental activity (by E.A. Bobrov)

The article deals with the phenomenon of art according to the psychological concept of critical individualism, developed by E.A.Bobrov. The questions about the relationship between art and morality, science, religion analyzed, also author describes the psychological analysis of personality of the artist.

Keywords: *personalism, critical individualism, art, aesthetics.*

REFERENCES

1. Bobrov E.A. Art and morality // Problems of Philosophy and Psychology. – 1893. – Vol. XX. – P. 1-29.
2. Bobrov E.A. Summary of classes during the academic mission in the summer of 1898 with the application of two arguments: 1) About koordinal existence; 2) Art and Christianity. – Kazan, 1899.
3. Bobrov E.A. On the concept of art. Speculative psychological study. – Yuriev, 1894.
4. Bobrov E.A. The ratio of art to science and morality. – Yuriev, 1895.
5. Kozlov A.A. The theory of art in terms of Teichmuller // Problems of Philosophy and Psychology. – 1895. – Vol. 27. – P. 178-189.
6. Makovelsky A.O. The works of Professor E.A. Bobrov on philosophy // Intelligence of SKGU. – 1928. – V. 3 (16). – P. 3-7.

Bondar K.V.

Modern music culture and studying of tsennostno-semantic orientations of people with different type of participation in music

In given article, consideration of the various points of view, on a problem of musical perception at the present stage became the purpose of the author. The basic views of various scientists and researchers on a theme of musical psychology and research tsennostno – semantic sphere are considered. The urgency and novelty of research and as a number of hypotheses and problems of prospective scientific work is resulted is described.

Key words*: psychology of art, music psychology, person tsennostno – semantic sphere.*

REFERENCES

1. Petrushin V.I. Musical psychology: the Manual for high schools. The 2 pub. – M.: Akademichesky the Project, Triksta, 2008. – 400 p.
2. Seriy A.V., Janitsky M.S. Tsennostno-smyslovaja sphere of the person: the Manual. – Kemerovo: the Kemerovo state university, 1999. – 92 p.
3. Starcheus M.S. Musical psychology. – M., 1992.
4. Shkuratov V.A. Art of economical death. The creation of videoworld. – Rn/D: Narradigma, 2006. – 400 p.

Альперович Валерия Дмитриевна
аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 234.
Тел.: (863)230-32-37; *e-mail:* valdmalp@rambler.ru

Alperovich Valeria Dmitrievna
scientific degree, academic rank, work's (study's) place: the post-graduate student, the chair of social psychology, the Faculty of psychology, the Southern federal university
Office address: 344038, Rostov-on-Don, the M. Nagibin avenue, 13, r. 234.
Tel.: (863)2303237; *e-mail:* valdmalp@rambler.ru

Балакина Анна Андреевна
педагог-психолог. ГУРО «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних»
Служебный адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Алмазная, 4.
Тел.: 248-49-07; *e-mail:* anette9@mail.ru

Balakina Anna Andreevna
the teacher-psychologist. GURO «Social Rehabilitation Center for Minors»
Office address: 344000, Rostov-na-Don, st. Almaznaya 4.
Tel.: 248-49-07; *e-mail:* anette9@mail.ru

Бондарь Кирилл Владимирович
менеджер ООО «Алюминиевый мир»
Служебный адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, пер. Энергетиков, д. 7, оф. 200.
Тел.: (863) 227-63-75; *e-mail:* alum-mir@yandex.ru

Bondar Kirill Vladimirovich
manager OOO «Aluminievіy mir».
Office address: b. 7, office 200, Energetic street, Rostov-on-Don, 344000.
Tel.: (863) 227-63-75; *e-mail:* alum-mir@yandex.ru

Буняева Мария Владимировна
аспирант 1 года обучения, кафедра психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239.
Тел.: (863) 230-32-47; *e-mail:* rosemary777@list.ru

Buniaeva Maria Vladimirovna
the first-year postgraduate student of the psychological faculty of SFU. Psychology of personality department
Office address: 344038, Rostov-on-Don, Nagibin's street, 13
Tel.: (863) 230-32-47; *e-mail:* rosemary777@list.ru

Гамиля Мухамед Насер Ахмед
член Национальной программы по охране психического здоровья. Министерство здравоохранения и народонаселения Республики Йемен, Департамент Национальной программы по охране психического здоровья.
Служебный адрес: Район Алмансура, г. Аден, Йемен.
Тел.: +9672342611-+9672350083-+9672384746-+9672256925; *e-mail*: mobh1@yemen.net.ye

Gamilja Muhamed Nasser Ahmed
member of the National Programme for Mental Health. Ministry of Public Health and Population, Departments of National Programme for Mental Health
Office address: Almansora Aden, Yemen.
Tel.: +9672342611-+9672350083-+9672384746-+9672256925; *e-mail:* mobh1@yemen.net.ye

Горельцева Виктория Владимировна
ст. лаборант кафедры социальной психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 234.
Тел.: (863)230-32-37; *e-mail:* goreltsevavita@rambler.ru

Goreltseva Victoria Vladimirovna
the post-graduate student, senior lab assistant the chair of social psychology, the Faculty of psychology, the Southern federal university
Office address: 344038, Rostov-on-Don, the M. Nagibin ave, 13, r. 234.
Tel.: (863)2303237; *e-mail:* goreltsevavita@rambler.ru

Есипова Марина Евгеньевна
аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к. 234.
Тел.: (863)230-32-37; *e-mail:* lammantinka@yandex.ru

Esipova MarinaYvgenevna
the post-graduate student, the chair of social psychology, the Faculty of psychology, the Southern federal university
Office address: 344038, Rostov-on-Don, the M. Nagibin avenue, 13, r. 234.
Tel.: (863)2303237; *e-mail:* lammantinka@yandex.ru

Ильин Геннадий Сергеевич
аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234.
Тел.: (863)230-32-37; *e-mail:* gen-ilin@yandex.ru

Кретова Екатерина Павловна
психолог психологической лаборатории. Учреждение УЧ -398/10 ГУФСИН России по Ростовской области
Служебный адрес: 344033, г. Ростов-на-Дону, пер. Казачий, 1.
Тел.: 8 (863) 2420522; *e-mail:* kretovak@inbox.ru

Лакосина Нелли Владимировна
аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234.
Тел.: 8 (863) 2420522; *e-mail:* lanelli@mail.ru

Милица Екатерина Евгеньевна
аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 243.
Тел.: (863)2303237; *e-mail*: milicae@rambler.ru

Погонцева Дарья Викторовна
преподаватель кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038 г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234
Тел.: 8 (863) 230-32-37; *e-mail:* dashapgn@rambler.ru

Помаз Галина Станиславовна
канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры психологии развития и акмеологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038 г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 237
Тел.: (863) 2303247; *e-mail:* galina2765@gmail.com

Руденко Владимир Николаевич
аспирант кафедры психологии развития и акмеологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 237.
Тел.: (863) 230-32-47; *e-mail:* architect@brainmod.ru

Ilin Gennady Sergeevich
the post-graduated student of social psychology, the Faculty of psychology, the Southern federal university
Office address: 344038, Rostov-on-Don, the M. Nagibin avenue, 13, r. 234.
Tel.: (863)2303237; *e-mail:* gen-ilin@yandex.ru

Kretova Ekaterina Pavlovna
the establishment OUCH -398/10 GUFSIN Russia's Rostov region, a psychologist at the psychological laboratory
Office address: 344033, Rostov-on-Don, per. Cossack, 1.
Tel.: 8 (863) 2420522; *e-mail:* kretovak@inbox.ru

Lakosina Nelli Vladimirovna
post-graduate student, social psychology sub department, psychological department, SFU.
Office address: 344038, Rostov-on-Don, Nagibin's street, 13
Tel.: (863) 230-32-47; *e-mail:* lanelli@mail.ru

Milica Ekaterina Evgenevna
the post-graduated student, the chair of social psychology, the Faculty of psychology, the Southern federal university
Office address: 344038, Rostov-on-Don, the Mikhail Nagibin avenue, 13
Tel.: (863)2303237; *e-mail:* milicae@rambler.ru

Pogontseva Daria Viktorovna
teacher of Social Psychology Faculty of Psychology, Southern Federal University
Office address: 344038, Rostov-on-Don, pr. M. Nagibina 13 to 234
Tel.: (863)2303237; *e-mail:* dashapgn@rambler.ru

Pomaz Galina Stanislavovna
candidate of Psychological Sciences, senior teacher of the department of the development psychology and ackmeology of the psychological faculty of SFU
Official address: r. 237 M. Naguibina street, Rostov-on-Don, 344038.
Tel.: (863) 2303247; *e-mail:* galina2765@gmail.com

Rudenko Vladimir Nikolaevich
the post-graduate student of chair «Psychology of Development and Acmeology» Southern Federal University.
Office address: 344038, Rostov-on-Don, Nagibina Prospekt 13, k. 237.
Tel.: (863) 230-32-47; *e-mail:* architect@brainmod.ru

Сухов Николай Иванович
аспирант первого года обучения кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, д. 13, к. 239.
Тел.: (863) 230-32-47; *e-mail:* suhov.n87@mail.ru

Хулапова Анна Александровна
педагог-психолог во Дворце Творчества Детей и Молодежи
Служебный адрес: 344002, г. Ростова-на-Дону, ул. Б. Садовая, 55.
Тел.: (8632) 240-25-95; *e-mail:* iskra_84@bk.ru

Sukhov Nikolay Ivanovich
the post-graduate student of the second year of training of chair of psychology of the person of faculty of psychology SFU
Office address: 344038, Rostov-on-Don, Nagibin's street, 13
Tel.: (863) 230-32-47; *e-mail:* suhov.n87@mail.ru

Khulapova Anna Aleksandrovna
educational psychologist. Dvorets Tvorchestva Detei i Molodezhi of Rostov-on-Don.
Office address: 344002, Rostov-on-Don, B.Sadovaya, 55.
Tel.: (8632) 240-25-95; *e-mail:* iskra_84@bk.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном варианте + на дискете в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация** объемом не более 0,5 стр. и **ключевые слова**, а также **сведения об авторе**:

1) фамилия, имя и отчество;
2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
3) специальность, ученое звание;
4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
5) электронный адрес (email)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ, АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Зав. редакцией Щербакова Лариса Владимировна
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной